

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 3(31)

2022

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

3 (31)

2022

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки; 09.00.00 – философские науки

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 08.03.2023. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 0889.
Дата выхода в свет: 17.03.2023. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола»: 424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный технологический университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашиковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Грнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

3 (31)

2022

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 22.00.00 – sociological sciences; 09.00.00 – philosophical sciences

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 08.03.2023. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 0889.
Release date: 17.03.2023. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in “Vertola” LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University of Technology, 2023

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Бурнашев К. Э.

Методологические аспекты изучения социального пространства	9
--	---

Ибрагимова З. З., Низоматуллина Р. М., Есенгалиева В. А.

Рационалистические основания истины в социальных практиках принятия решений	17
--	----

Малахова Е. В.

Субъектность как основание формирующихся ценностей цифрового общества	25
--	----

Петев Н. И.

Некоторые мифологемы и искусственные реалии в рамках построения пространства политической мифологизации	37
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Бурнашев К. Э.

Социальное управление и самоорганизация	50
---	----

Желизнык М. Н.

«Герой нашего времени» в представлениях молодежи Ленинградской области. Методологические размышления	57
---	----

Медведева З. В.

Взаимосвязь эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и их уровней самоменеджмента	72
--	----

Соломыков В. С., Клоков И. А.

Влияние современных систем массовой коммуникации на точку зрения индивида в условиях субкультурного многообразия	92
---	----

ИСТОРИЯ

Мусорина О. А., Дубровская Т. В.

Социально-исторический контекст функционирования журнала «Пионер» в 1970–80-е годы	104
---	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	122
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Burnashev K. E.

Methodological aspects of the study social space	9
--	---

Ibragimova Z. Z., Nigmatullina R. M., Yesengaliyeva V. A.

Rationalistic foundations of truth in social decision-making practices	17
--	----

Malakhova E. V.

The role of the subject in the formation of value perspectives of the digital society ...	25
---	----

Petev N. I.

Some mythologemes and artificial realities in the framework of constructing the space of political mythologization.....	37
--	----

SOCIOLOGY

Burnashev K. E.

Social management and self-organization	50
---	----

Zheliznyk M. N.

A hero of our time for the young people of the Leningrad region.

Methodological thinking	57
-------------------------------	----

Medvedeva Z. V.

The relationship between the effectiveness of elementary school teachers' professional activities and their levels of self-management	72
--	----

Solomykov V. S., Klokov I. A.

Influence of modern mass communication systems on the individual's point of view in the context of cultural diversity	92
--	----

HISTORY

Musorina O. A., Dubrovskaya T. V.

Social and historical context in functioning of “Pioner” periodical (1970–80s).....	104
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	122
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В тридцать первом номере научного журнала «**Socio Time / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями из различных университетов и научных центров России и зарубежных стран. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

География участников тридцать первого номера «SocioTime / Социальное время» традиционно широка. В выпуске представлены девять научных работ авторов из восьми университетских центров Москвы, Йошкар-Олы, Казани, Владимира, Санкт-Петербурга, Ступино, Пензы, а также Уральска (Казахстан).

В первый раздел «**Философия**» включены четыре научные работы. В статье **К. Э. Бурнашева** (*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола*) исследованы методологические аспекты изучения социального пространства. В коллективной работе **З. З. Ибрагимовой, Р. М. Низоматуллиной** (*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*), **В. А. Есенгалиевой** (*Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск (Казахстан)*) подвергнуты анализу рационалистические основания истины в социальных практиках принятия решений. В центре внимания статьи **Е. В. Малаховой** (*НИЯУ МИФИ, Москва; Институт философии Российской академии наук, Москва*) – проблема субъектности как основание формирующихся ценностей цифрового общества. Проблема мифологем и искусственной реальности в рамках построения пространства политической мифологизации оказалась в фокусе внимания **Н. И. Петева** (*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир*).

Второй раздел «**Социология**» включает в себя четыре работы. В статье **К. Э. Бурнашева** (*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола*) исследована проблема социального управления и самоорганизации. В работе **М. Н. Желизнык** (*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*) предложены методологические размышления проблемы «Героя нашего времени» в

представлениях молодежи Ленинградской области. В статье **З. В. Медведевой** (*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*) исследуется взаимосвязь эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и их уровня самодисциплины. Авторы статьи из Ступино **В. С. Соломыков** (*Ступинский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», Ступино*) и **И. А. Клоков** (*Центр обеспечения информацией «Энергия» Федеральной службы охраны Российской Федерации, Ступино*) свое исследование посвятили влиянию современных систем массовой коммуникации на точку зрения индивида в условиях субкультурного многообразия.

В третьем разделе **«История»** размещена научная статья **О. А. Мусориной, Т. В. Дубровской** (*Пензенский государственный университет, Пенза*), в которой исследуется социально-исторический контекст функционирования журнала «Пионер» в 1970–80-е годы.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «Socio Time / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 115.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

К. Э. Бурнашев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. В данной статье проводится исследование методологических аспектов изучения социального пространства. Рассматривается генезис представлений о социальном пространстве в зарубежной и отечественной традиции. Анализируются современные представления о социальном пространстве.

Методы. В данном исследовании используется метод хронотопа, позволяющий более полно изучить феномен социального пространства. Этот метод дает возможность сопоставить различные исторически-сложившиеся формы социального пространства друг с другом. Также используется системный подход для исследования элементов социального пространства и понимания их взаимосвязи.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В основе проводимого исследования лежит принцип хронотопа применительно к проблемам социально-философского знания. В работе рассматривается его эвристический потенциал в исследовании проблем, связанных с социальным пространством. Осуществляется попытка выявить операциональность данного принципа и возможность использования его методологического потенциала в изучении социального пространства. Уделяется внимание рассмотрению актуальных форм социального пространства и возможности выхода исследования на практические проблемы, связанные с взаимодействием человека и общества.

Заключение. В качестве вывода представленной работы отмечается, что применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом с ним связанного понятия «месторазвитие» в исследовании социального пространства и вопросах, с ним связанных, является весьма перспективным в методологическом отношении.

Ключевые слова: социальное пространство; социальное время; хронотоп; месторазвитие.

Введение. Пожалуй, сложно найти в истории социально-философского знания XX века такую проблему, которая, несмотря на явную заинтересованность исследователей, настолько ускользала от удовлетворительного разрешения, как проблема социального пространства. Еще в первой четверти XX века русско-американский мыслитель П. А. Сорокин отмечал, что с уверенностью можно говорить о существовании социального пространства, но «тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству. ...Насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница, Вайгеля и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. Фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным» [7, с. 297].

Более чем через полвека американский социолог Энтони Гидденс констатирует следующее: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве» [3, с. 174].

В конце 90-х годов XX века отечественный философ А. М. Бекарев также подчеркивает недостаточную изученность вопросов, связанных с социальным пространством: «Термин «социальное пространство» употребляется часто. Частота употребления порой вызывает рябь в глазах и не проясняет смысла. Да и в итоге оказывается, что социальное пространство представляет собой не что иное, как «окультуренное», «очеловеченное», но вполне природное пространство» [2].

Малоизученность проблемы социального пространства и в то же время значительную ее актуальность подчеркивают В. Н. Иванов и В. И. Патрушев: «... феномен социального пространства до сих пор остается «закрытой зоной», хотя именно эти проблемы становятся первоочередными» [5, с. 44].

Методы. В данном исследовании используется метод хронотопа, позволяющий более полно изучить феномен социального пространства. Этот метод дает возможность сопоставить различные исторически сложившиеся формы социального пространства друг с другом. Также используется системный подход для исследования элементов социального пространства и понимания их взаимосвязи.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Краткий экскурс в историю вопроса дает возможность констатировать, что проблема социального пространства, несмотря на неоднократные попытки ученых ее разрешить, так и остается проблемой, «закрытой зоной» для исследователей. Это во многом связано со сложностью улавливания самого объекта исследования, ибо он постоянно ускользает от четкого и однозначного определения. Так, вполне очевидным представляется нахождение человека одновременно в нескольких пространствах (геометрическом, географическом, культурном, этническом и др.), поэтому выделение сугубо социального пространства из всего многообразия пространственных форм – задача не из легких.

Первоначальные представления исследователей о социальном пространстве были сугубо механистическими. Оно мыслилось как трехмерное, подобное геометрическому пространству, без учета временной составляющей. Такую трактовку социального пространства проповедовали, главным образом, социологи, среди которых именитые классики Э. Дюркгейм и Г. Зиммель.

Особое место в этом ряду занимает фигура нашего соотечественника, знаменитого социолога и социального философа П. А. Сорокина, который пытался преодолеть трехмерный взгляд на социальное пространство и выявить его многомерность [7, с. 297–300]. Мыслитель отмечает принципиальную несхожесть геометрического и социального пространств. Так, люди могут находиться в одном геометрическом пространстве, к примеру, чиновник, рабочий, актер, но быть в совершенно различных пространствах социальных. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве, могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего

положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение.

Исходя из сказанного, ученый делает попытку определить социальное пространство как своего рода вселенную, которая состоит из народонаселения Земли. Тем самым социальное пространство трактуется П. А. Сорокиным как глобальное, человеческое пространство. Исследователь подчеркивал многомерность социального пространства в отличие от трехмерности геометрического: «Эвклидово геометрическое пространство – трехмерное. Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.)» [7, с. 300].

Но, несмотря на понимание социального пространства как многомерного, а не трехмерного, П. А. Сорокин тем не менее остается в плену у механистического взгляда на социальное пространство, доминирующего у его предшественников. Трехмерность в данном случае преодолевается другой (многомерной) трехмерностью, ибо не дает нового качества, а лишь дополняется количественными показателями. Ключевой фактор, влияющий на социальное пространство, остается за кадром. Этот фактор – время, которое одно и способно придать социальному пространству конкретный смысл и реальное содержание, добавить красок в унылый мир механической размерности.

Как отмечалось ранее, изменение представлений о характеристиках пространства произошло благодаря открытиям, сделанным в рамках теории относительности Альберта Эйнштейна. К трем уже известным измерениям добавилось четвертое – время, которое и стало определяющим. Казалось бы, эта фундаментальная связь времени и пространства должна была изменить представления и о социальном пространстве, но этого не произошло. Тому свидетельство – замечание, высказанное виднейшим американским социологом Энтони Гидденсом в середине 80-х годов XX века: «Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность, и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим время к измеримому часовому времени» [3, с. 174]. Таким образом, нетрудно заключить, что подход к социальному пространству, несмотря на сделанные открытия, едва ли принципиально изменился, оставаясь все больше механистическим.

В качестве перспективного направления в исследовании социального пространства сквозь призму времени-пространства Энтони Гидденс выделяет концепцию временной географии, являющуюся синтезом географии и социальной теории шведского географа Т. Хагерстранда, малоизвестную широкой научной общественности. «Подход, предложенный Хагерстрандом, основывается главным образом на определении видов ограничений человеческой деятельности, обусловленных конституцией (строением) человека и физической средой его социальной деятельности. Отсюда возникают всеобщие «пределы», ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве» [3, с. 175].

В направлении временной географии, наряду с Хагерстрандом, работает Джа-

нелле. Предметом его научных исследований является феномен «сжатия» времени, «необходимого для преодоления расстояния между различными позициями, возникшего вследствие усовершенствования транспортных систем» [3, с. 179].

Философское осмысление социального пространства имеет свои существенные отличия от социологического. Это объясняется разницей в специфике ракурсов социологии и философии на предметы исследования. Так, социология рассматривает социальное пространство главным образом в контексте проблем социальной мобильности, о которой возможно рассуждать исключительно конкретно. Философское же восприятие гораздо более абстрактно и выражается в осмыслении социального пространства, как пространства, которое «образуется в сети отношений человека к миру. Оно само есть отношение» [2, с. 5].

Таким образом, социальное пространство предстает перед нами не в качестве предмета, который можно поставить в ряд с другими предметами и указать на него пальцем или каким-либо графиком, таблицей и т. п. Оно – нечто, что возникает исключительно на волне какого-то усилия со стороны человека по отношению к другому и длится, пока данное усилие удерживается. Любое усилие, как известно, существует во времени и со временем же распадается, рассеивается под воздействием энтропии. Эта временность неразрывно связана с пространством, на котором данное усилие проявляется, пространственно оформляется. Время, тем самым, выступает важнейшей характеристикой социального пространства, без которой невозможно его понимание. Таким образом, вхождение в смысл социального пространства возможно исключительно через ворота социального хронотопа, который предстает как взаимное единство социального времени и пространства.

Памятуя о том, что весьма непросто перенести понятие из области естествознания в область знания социально-гуманитарного без ущерба для его смысла и о невозможности буквального такого переноса, воспользуемся «техникой безопасности» и представим социальный хронотоп, по совету М. М. Бахтина, «почти как метафору, почти, но не совсем» [1, с. 234-235]. «Почти» – потому что для социальной реальности в принципе не важен тот специфический смысл, который хронотоп имеет в математическом естествознании, «не совсем» – ввиду концептуального притяжения неразрывной связи времени и пространства (в данном случае социального времени и социального пространства).

Социальные хронотопы играют совершенно особую роль в жизни социальных систем, они открывают смысл социального пространства. Социальные хронотопы выхватывают из потока истории, подверженного энтропии и распаду, определенного рода отношения Человека к Миру, оформленные пространственным образом и пребывающие в конкретном времени и в конкретном месте. Социальный хронотоп позволяет актуализировать социальные отношения, воспроизвести в современных условиях ранее существовавшие формы социального пространства. Такого рода социальное пространство – пространство античного полиса.

Войти в смысл социального пространства античного полиса мы можем исключительно через ворота уникального социального хронотопа под именем «агора» (греческая площадь). «На площади впервые раскрылось и оформилось автобиографическое (и биографическое) самосознание человека и его жизни на античной клас-

сической почве... В этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина...» [1, с. 282-283].

Порождение такого хронотопа во многом связано с представлениями самих греков о времени и пространстве. Время греков – это так называемое вечное настоящее, ибо все здесь и сейчас целиком и полностью должно пребыть, свершиться. В этом своем времяощущении греки были поклонниками мига (бытия, целиком и полностью пребывающего в настоящем). Выражения типа «завтра знать», «быть добродетельным не имеет никакого смысла» или «на вчерашней добродетели нельзя почевать» – яркий пример такого отношения ко времени. Именно такое ощущение времени греками обусловило их способ оформления социального пространства как пространства пребывания, пространства диалога.

Социальное пространство античного полиса было удивительно не похоже на пространство любого соседнего государства. Эта непохожесть выражалась в особом социальном хронотопе, который «...не порождается стихийными, спонтанными процессами истории, не дается традицией – это социальные связи, которые уже прошли через горнило гражданского сознания и впервые конструируются, проходя через это горнило, в том числе через агору, то есть через публичное существование закона» [6, с. 108-109].

Социальное пространство античного полиса держалось на феномене вертикального состояния сознания древних греков, которое и позволяло держать и воспроизводить особого рода социальные отношения. Эти отношения, как известно, были неотделимы от политических, частных, культурных и т. д., более того, они сами и были всем этим.

Пожалуй, никогда в истории человечества социальное пространство не было выражено столь рельефно, как в эпоху греческой цивилизации. Человек был максимально овнешнен – социален. Социальный хронотоп греческой площади (агоры) послужил образованием совершенно уникального социального пространства, которое само было способным производить особого рода гражданские отношения, то есть было интеллигибельной материей, проходя через которую человеческий материал упорядочивался.

Распад уникального греческого социального пространства был обусловлен главным образом не причинами внешнего характера, а глубоко внутренними причинами, главнейшей из которых явилась утрата того самого вертикального состояния сознания, того усилия значительного числа людей, которое и позволяло удерживать напряжение особого рода социальности. «Был полис, существовал топос. Социальный топос, в котором жили греки, и пока держался топос, держались и греки, топос и был Грецией» [6, с. 111-112]. К сходным выводам приходит в своих размышлениях и М. М. Бахтин, констатируя следующее: «Самосознание его (имеется в виду греческий гражданин – *К. Б.*), утратив народный хронотоп площади, не могло найти такого же реального единого и целостного хронотопа; поэтому оно распалось и разъединилось, стало абстрактным и идеальным» [1, с. 286].

Важность социального хронотопа для понимания социального пространства греческого полиса сложно переоценить. Вполне очевидно, что если попробовать решить ту же задачу с помощью трехмерного подхода, то возможно будет схватить лишь внешнюю сторону явления и полностью упустить суть.

Рассматривая социальное пространство сквозь призму социального хронотопа, мы как бы локализуем его во времени и пространстве (месте), не даем ему рассеяться, разбежаться. Время выступает в качестве четвертого и решающего измерения социального пространства: именно оно организует, придает ему конкретный смысл.

В организации социального пространства важное место играет реальный социальный хронотоп встречи. Встречи, как известно, происходят в конкретное время и в конкретном месте (пространстве). Будь то встречи дипломатические, творческие или свидания влюбленных – все они порождают определенные социальные отношения, способствуют оформлению социального пространства в конкретном месте в конкретное время.

С социальным хронотопом встречи тесно связан другой хронотоп – реальный хронотоп дороги. «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью» [1, с. 392]. Эта точка – месторазвитие определенного рода социальных отношений, которые возникли исключительно по воле случая. Понятие «месторазвитие» фигурирует в знаменитом труде русского мыслителя Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» и характеризует специфические физико-географические условия месторазвития этноса. «Под ландшафтом понимается участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой. Назовем это понятие удачным термином П. Н. Савицкого – «месторазвитие» [4, с. 189].

Месторазвитие указывает на наличие у этноса своего специфического пространства, которое фактически является домом, естественным местом, на котором он зародился и получил толчок к развитию. Далеко не всякое пространство, по мнению Л. Н. Гумилева, может стать таким месторазвитием. Очевидно, у социального пространства также есть свое месторазвитие, которое, в сущности, всегда неповторимо в той мере, в какой неповторимо и отношение Человека к Миру. Но месторазвитие этноса и социального пространства, конечно же, не одно и то же.

Понимание социального пространства как времени-пространства играет важную роль в решении практических задач социальной теории, например, в конструировании социальных технологий, что отмечают отечественные социологи В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. «Категории «социальное пространство» и «социальное время» являются основополагающими для технологизации... Социальное время и социальное пространство выступают категориями социального бытия не только в смысле описания его на духовно-теоретическом уровне; они являются исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий...» [5, с. 42-43].

Заключение. Хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом с ним связанного понятия «месторазвитие» в исследовании социального пространства и вопросах, с ним связанных, является весьма пер-

спективным в методологическом отношении. Смысл социального пространства мы, очевидно, можем постичь лишь через ворота социального хронотопа, через взаимное восприятие временных и пространственных характеристик ему свойственных. Современная техногенная цивилизация характеризуется особым переживанием времени, ускоренным ритмом жизни и, как следствие, совершенно непохожей на другие эпохи организацией социального пространства.

Беря во внимание нарастающую сложность социального пространства современной цивилизации, мы убеждены в растущей востребованности новых научных методологий его понимания и управления им. Как считает В. П. Шалаев, здесь, прежде всего, должна быть востребована синергетика и её ресурс описания и понимания сложных систем и управления ими на принципах учёта самоорганизации сложных систем и соуправления ими [11; 12].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. Нижний Новгород, 1999.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002.
5. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии. М., 1999.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1998.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Филиппов А. Ф. Социальное пространство. СПб.: Владимир Даль, 2008.
9. Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45–69.
10. Черняховская О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329-330.
11. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013.
12. Шалаев В. П. Управление как философско-синергетическая проблема: в поисках новой парадигмы // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. 2013. № 5. С. 67-72.

Авторская справка

БУРНАШЕВ Константин Эдуардович – кандидат философских наук, доцент Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: burnashevke@mail.ru

UDC 114

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.9

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY SOCIAL SPACE

K. E. Burnashev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. This article investigates methodological aspects of the study of social space. The genesis of ideas about social space in foreign and domestic tradition is considered. Modern notions of social space are

considered.

Methods. The method of chronotope is used in this study, which allows to study the phenomenon of social space more fully. This method makes it possible to compare different historically formed forms of social space with each other. It also uses a systematic approach to study the elements of social space and understand their relationship.

Results. The principle of chronotope as applied to the problems of socio-philosophical knowledge is the basis of the conducted research. The paper considers its heuristic potential in the study of problems related to social space. An attempt is made to identify the operationality of this principle and the possibility of using its methodological potential in the study of social space. The article pays attention to the actual forms of social space and the possibility of research of practical problems connected with the interaction of the person and society.

Conclusion. As a conclusion of the presented work it is noted that the application of the principle of chronotope, as well as the most closely related concept of "place-development" in the study of social space and issues related to it, is very promising methodologically.

Keywords: social space; social time; chronotope; "place-development".

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i aesthetike* [Problems of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975.
2. Bbekarev A. M. *Human freedom in social space*. Nizhny Novgorod, 1999.
3. Giddens E. *The construction of society: Essays on the theory of structurization*. Moscow, 2005.
4. Gumilev L. N. *Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth*. Moscow, 2002.
5. Ivanov V. N., Patrushev V. I. *Social Technologies*. Moscow, 1999.
6. Mamardashvili M. K. *Lectures of Ancient Philosophy*. Moscow, 1998.
7. Sorokin P. A. *Man. Civilization. Society*. Moscow, 1992.
8. Filippov A. F. *Social Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2008.
9. Filippov A. F. *Elementary sociology of space*. *Sociological Journal*. 1995. № 1. Pp. 45–69.
10. Chernikhovskaya O. S. *The social space: a review of theoretical interpretations*. *Bulletin of Nizhny Novgorod University. Vestnik of Nizhny Novgorod University. Ser: Sociology. Psychology. Philosophy*. 2008. № 5. Pp. 329-330.
11. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy* [Actual synergetics: man and society in the era of global transformations]. Yoshkar-Ola: PGTU, 2013.
12. Shalaev V. P. *Upravlenie kak filosofsko-sinergeticheskaya problema: v poiskakh novoy paradigmy* [Management as a philosophical and synergetic problem: in search of a new paradigm] // *Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya*. 2013. № 5. Pp. 67-72.

Author's bio

BURNASHEV Konstantin Eduardovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: burnashevke@mail.ru

Библиографическая ссылка

Бурнашев К. Э. Методологические аспекты изучения социального пространства // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 3 (31). С. 9–16. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.9

УДК 1.16. 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.17

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТИНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

З. З. Ибрагимова¹, Р. М. Нигоматуллина¹, В. А. Есенгалиева²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

²Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск (Казахстан)

Введение. В современном мире массовых коммуникаций и сложных социальных взаимодействий перед каждым человеком остро встает вопрос оснований для принятия им решений. Что принять за истину, которой следует руководствоваться в этом процессе? Очевидно, что понятие истины связано с теоретической и практической интерпретацией рационализма и рациональности.

Методы. В статье использован историко-философский подход, который позволяет проанализировать развитие проблемы связи истины и рациональности в работах представителей Франкфуртской школы, а также Ф. Ницше и М. Фуко. Кроме того, для выявления особенностей современного процесса принятия решений применен коммуникативный подход, который является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Целью данной статьи является обоснование тезиса о множественности концепций рациональности и выявление того факта, что каждое переопределение рациональности в той или иной практике принятия решений имеет следствием новый поиск места истины в данных процессах. В статье определены различия в инструментальной и сущностной, универсальной и контекстной рациональности, показано противоречие между властной и ценностной рациональностью.

Заключение. В ходе исследования было выявлено, что основными тенденциями изменения дискурса рациональности является противоречие между инструментальной и сущностной рациональностью, ценностными и властными коммуникациями, универсальной и контекстной рациональностью. Эти подходы представлены работами Ю. Хабермаса и его коллегами по Франкфуртской школе и исследованиями М. Фуко. Показано, что современное понимание истины носит коммуникативный характер.

Ключевые слова: рационализм; рациональность; истина; принятие решений; Ю. Хабермас; М. Фуко; М. Вебер.

Введение. Необходимость в общественном диалоге является генеральной стратегией любого современного социума, объективно встроенного в цивилизационный путь развития. Исторически эта тема была востребована и развивалась на почве западного социального и политического опыта. Действительно, рационализм, рациональность в освоении мира были сформулированы в западной культуре, что приобрело в истории социальных наук некий вид нормативности. Однако представление о рационализме и рациональности в современном миропонимании достигло большого разнообразия и сложности, даже в рамках западной культуры. Тем не менее проблема истины всегда оказывается принципом и исходным пунктом научного критического анализа социальной реальности. В отношении к истине проявляются соответствующий вид и тип рациональности, опосредующий всякий процесс принятия решения как в управленческих коммуникациях, так и в любых других социальных взаимодействиях. **Цель** данной статьи – показать, что каждое переопределение ра-

циональности той или иной практики принятия решений имеет следствием новый поиск места истины в данных процессах.

Методы. В статье использован историко-философский подход, который позволяет проанализировать развитие проблемы связи истины и рациональности в работах представителей Франкфуртской школы, а также Ф. Ницше и М. Фуко. Кроме того, для выявления особенностей современного процесса принятия решений применен коммуникативный подход, который является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания.

Основная часть. Речь идет преимущественно о западных концепциях, хотя если рассуждать о нормативном характере любой культуры, то естественно, что современная западная культура представляет собой один из возможных типов, функционирующих в культурном космосе и привлекающих нас. Это тот самый случай, когда мы, формируя и выражая свою идентичность, не можем не признать наличие универсальной традиции описания мира, которая представляет определенный горизонт осознанного отношения к миру. Конечно, можно сколь угодно долго и успешно рассуждать о том, что западный вариант рациональности имел определенную географическую локацию, что все остальные формы имели иной специфический характер. Но «любая культура, если она вообще достигает определенной степени «осознанности» или «сублимации», должна разделять определенные формальные свойства современного миропонимания» [1].

В рамках всех периодов развития Франкфуртской школы философии, как осуществления критической теории общества, исследовались разные феномены, но немаловажен аспект рациональности, претерпевший значительные изменения со времен М. Вебера. М. Вебер понимает рациональность прежде всего как формальную и практическую, и что рационализации могут подвергаться все сферы жизни. Ю. Хабермас отмечает, что «рационализацией Вебер называет любое расширение эмпирического знания, способность к прогнозированию, инструментальное и организационное управление эмпирическими процессами» [1, с. 45].

История знает многие примеры рационализации в разных областях, в том числе и в древних культурах. Так, М. Вебер пишет: «Существует, например, «рационализация» мистического созерцания (то есть такого отношения к жизни, которое с иных точек зрения представляется специфически «иррациональным»), но также и рационализация хозяйства, техники, научного исследования, воспитания, войны, права и управления» [2, с. 55]. Таким образом, источниками истинности, как рационально оформленного знания, могут оказаться в принципе любые сферы познания и деятельности. Выделим основные направления рационализации процессов принятия решений в этих сферах, отраженных в концепциях представителей Франкфуртской школы, а также в теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса.

Первая тенденция эволюции критериев опознавания истинности знания, отмеченная представителями Франкфуртской школы, связана с инструментализацией разумной деятельности. Т. Адорно и М. Хоркхаймер критиковали современное понимание разума, который стал интерпретироваться как последовательность дейст-

вий, как реализация целей, абсолютно равных, без приоритета. «Справедливость, равенство, терпимость – все эти понятия, которые... были присущи разуму в предшествующие столетия или были им санкционированы, ...теперь равны между собой, утратили свои духовные корни» [3, с. 101]. В этом смысле М. Хоркхаймер опасается того, что разум становится инструментом, подобно многим другим. Примечательно, что роль языка, по мнению М. Хоркхаймера, меняется вслед за преобразованием рациональности. Сначала он очищается от мифологического способа смыслообразования – «Рационализм вообще опасается, что слово сохранит «мифологический остаток». Но по мере преобразования рациональности в сторону инструментальности, «Язык мстит, возвращаясь на магическую ступень». Так же, как и в магические времена, слово считают опасной силой, могущей разрушить общество, поэтому пытаются заставить говорящего «отвечать» за него [3].

Второе направление изменения представления об истинности отражает интерес науки к роли идентичности и самоопределения субъекта в формировании дискурса истины. Проблема идентичности обозначилась с наступлением эпохи модерна. Человек в ходе социализации приобрел много ролей (в отличие от предшествующего этапа истории). Но проблема самоопределения существует как актуальная смысловая ситуация, заставляя индивидов решать все насущные задачи через призму идентичности. «Как утверждал Иммануил Кант, все мы – каждый из нас – наделены разумом, мощным инструментом, позволяющим нам сравнивать существующие возможности и делать собственный индивидуальный выбор, но если мы пользуемся этим инструментом адекватно, то все придем к одним и тем же выводам и примем единый кодекс совместного проживания, подсказываемый нам разумом как наиболее верный» [4].

Еще одна особенность социальных практик выведения истины касается роли экспертного знания в коммуникациях, предметом которых является принятие решения. Современное общество видоизменило область экспертного знания. В эпоху модерна таковым можно было назвать прежде всего научно-теоретическое, интеллектуальное знание. Сегодня публичное пространство приобрело характер медийного, поэтому объем понятия «интеллектуал» чрезвычайно расширен.

Существование социальных сетей делает практически доступной возможность примерить каждому желающему «одежды» оракула. Смысл оракула как субъекта, обладающего истиной и служащего медиумом, не ограничивался функцией трансляции знания. Таким образом, субъектность понималась предельно широко: это и собственно жрец, и место, в котором звучит истина, и сама искомая истина. И хотя современный интеллектуал уже лишен атрибутов сакральности, присущей языческому оракулу, тем не менее интенсивность ожиданий ответа на социальные вызовы вовсе не канула в Лету. Это такой механизм признания, в котором его важнейшей первой основой является не субъективная потребность личности, а объективная необходимость выработки стратегии. Несомненно то, что в современном формате выработки экспертной оценки в социальных практиках принятия решения важной (но не единственной) целью является поиск адекватного знания, т. е. истины. Эта истина важна не только для актуального практического применения, но и как базис для прогностических моделей социальных процессов.

Потребность в артикуляции значимых идей, основанных на фактах и объективном осмыслении, нацеленном на безоговорочную истину, делает позицию интеллектуала категоричной (ясной) в смысле ее интенции к истине. Ю. Хабермас, рассуждая о печально низком уровне дискуссий в обществе, обращается к фигуре интеллектуала. Он обращается к работе М. Адлера «Загадка общества», вышедшей в 1936 году, и заключает, что наше знание о мире конституируется социально, что социальные жизненные структуры выстраиваются из актов знания. Тогда получается, что само общество основано на реальности тех притязаний на значимость, которые мы выдвигаем посредством наших коммуникативных высказываний. Таким образом, Адлер, подобно позднему Гуссерлю, утверждает, что общество имманентно связано с истинностью высказываний и правильностью норм [5].

Ю. Хабермас показывает, что теория и практика «коммуникативной рациональности» также построены на непосредственном отношении к истинности, которая одновременно обуславливает успешную коммуникацию и проявляется через рациональную коммуникацию. Под «коммуникативным действием» Ю. Хабермас, представитель третьей волны Франкфуртской школы, понимает «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования социообразования своих планов действия, а следовательно, и своих действий» [6, с. 11]. Ю. Хабермас, в отличие от М. Хоркхаймера, диаметрально противоположно оценивает ресурс языка, который может и должен сыграть роль социообразующего и социосохраняющего способа: «язык является посредником такого рода процесса взаимопонимания» [6, с. 23].

Коммуникативный подход является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания. Для примера рассмотрим коммуникативный подход М. Фуко к истине и властным коммуникациям. Здесь рациональность и истинность определяются силовыми связями и политическими взаимоотношениями. Истоки данного подхода мыслитель находит у Ф. Ницше, который в своих работах вскрывал властную природу истины. Даже «изобретение» поэзии можно рассмотреть с такой точки зрения. «Однажды кому-то в голову пришла довольно забавная идея использовать определенное количество ритмических и музыкальных свойств языка для того, чтобы говорить, чтобы навязывать то, что он говорит, чтобы учреждать посредством слов некоторое властное взаимодействие с другими людьми. Поэзия была выдумана и изготовлена», – пишет М. Фуко, пересказывая Ницше [7]. Изобретение, изготовление, фабриковка касаются многих сфер познания, даже таких, которые кажутся очень далекими от политики и власти: религии, сферы идеалов, поэзии.

Все факторы движения к определению какого-либо знания как истинного, описанные выше (инструментализация, идентичность, экспертное знание интеллектуала) приобретают весьма значимое влияние в условиях ограниченной рациональности (Г. Саймон). Это такая ситуация, когда люди вынуждены принимать решения, имея далеко неполную информацию, а также сталкиваясь с информационной асимметричностью в управленческих взаимодействиях. Властные отношения могут так-

же выступать компенсирующим механизмом в ситуации ограниченной рациональности. Можно сказать, что М. Фуко вслед за Ф. Ницше создает рационализированный дискурс выведения истины из онтологии иррациональных инстинктов. Он считает, что надо быть похожими не на философов, развивающих логоцентризм, единство с объектом, а призывать на помощь политиков, знающих, что такое ненависть, борьба и власть. Фуко пересказывает Ницше, который утверждал, что Спиноза для достижения истины призывает освободиться от страстей, он противопоставляет понимание и инстинкты насмешки, презрения и сожаления. Сам Ницше, наоборот, утверждает эти инстинкты способом познания. Таким образом он дистанцирует познающего от объекта, тем самым ведет субъект познания к разрыву с объектом, его уничтожению, а не к слиянию.

Можно ли отождествить данную познавательную ситуацию, описанную Ницше, с коммуникативными практиками современного политического состояния российского общества? Многие говорят о схожести: тенденция «случайности» в привязке к какой-либо объективности, преобладание силы над ценностями. Фуко пишет, апеллируя к Ф. Ницше: «Однако познание не может быть выведено аналитически, как естественное производное чего-либо. Его невозможно считать необходимым следствием инстинктов. В реальности познание не составляет часть человеческой природы» [7]. «Познание вообще не обладает отношениями родства с познаваемым миром», – часто повторяет Ницше. Вот один отрывок из «Веселой науки», афоризм 109: «Общий характер мира, напротив, извечно хаотичен, не в смысле недостающей необходимости, а в смысле недостающего порядка, членения, формы, красоты, мудрости» [8, с. 582]. В познании отсутствует адекватность объекту, уподобление объекту, а имеют место скорее отношения отстранения и господства; познание лишено какого бы то ни было подобия счастья и любви, в нем присутствуют только ненависть и враждебность; нет воссоединения, но только непрочная структура власти. Таким образом, области знания формируются на основе силовых взаимосвязей и политических взаимоотношений в обществе.

Фуко говорит об «истории истины», которая обосновывается тем, что сам субъект познания историчен, он создается политическими условиями. «Некоторые типы субъектов познания, некоторые уровни истины, некоторые области знания возникают только благодаря политическим условиям, являющимся почвой для формирования субъекта, сфер знания и взаимодействия с истиной» [7]. Эти политические структуры не навязываются субъекту познания извне, что создает проблему подлинного и ложного в познании, политические отношения создают самого субъекта.

Мы видим, что властные стратегии утверждения истины, лежащей в основе принятия решения, в том числе и управленческого, могут быть разнообразными. Так, Фуко, анализируя древнегреческие методы получения истины, изображенные в драме Софокла «Эдип», показывает, что истина может высказываться в пророческом и предписывающем дискурсе. Мы не можем утверждать, что этот архаичный дискурс не имеет влияния в наши дни. Нынешний дискурс обусловлен другими обстоятельствами, другими авторитетами и «высшими силами», но то, что коммуникации власти имеют влияние в повседневной жизни общества на большие массы людей, это очевидно внимательному наблюдателю. «Власти виднее: она опирается на экспертное мнение. Если принято такое решение, значит есть какое-то основа-

ние», – примерно так может рассуждать человек, который принудительно вовлечен в исполнение уже принятых решений. Знание и власть оказываются неразрывно связанными, но в данном случае – не в том смысле, который придавал Ф. Бэкон этому единству. У Ф. Бэкона знание ведет к власти, в данном же случае знание невозможно получить без обладания властью. Уточним, что власть в этом контексте сравнения может определяться широко. Поэтому нужно рассмотреть и другую сторону – способ «добывания истины» субъектом власти. Царь Эдип у Софокла в интерпретации Фуко обладает «самовластным открытым миру видением». Ему никто не может помочь в отыскании решения своей задачи, он опирается на эмпирический способ познания. Эдип осуществляет тиранический способ уединенной власти, им движет жажда править, поэтому познает он все сам. Он не слышит ни пророчества богов, ни свидетельства людей. Его власть становится слепой и готовит ему ловушку.

Анализ коммуникаций власти Фуко показывает, что здесь процесс создания истины не строится на коммуникациях согласования и сотрудничества, как у Хабермаса. Хотя его концепция строится на разделении системного мира, который как раз и определяется как формальный и властный, и жизненного мира, суть которого – формировать рациональность взаимопонимания. Ю. Хабермас утверждает дискурсивную этику, предъявляющую требования учета ценностных высказываний участников коммуникации и создания возможностей для всех заявить о своей ценностной позиции [9]. Фуко же исходит из ситуационной этики, создаваемой историческим контекстом [9]. Однако оба мыслителя считают анализ властных отношений важнейшей задачей. Но Ю. Хабермас осуществляет выстраивание универсального дискурса, а Фуко создает генеалогию, где вскрывает случайность образования различных дискурсивных формаций. Они не имеют единого происхождения, поэтому анализ фактического многообразия историй происхождения приводит к пониманию невозможности отождествления историографического субъекта и его современников. С точки зрения Хабермаса, Фуко слишком релятивен, так как он проявляет интерес к отношениям между полами, нациями, классами, культурами. Хабермас против такой конкретики [9]. Тем не менее Фуко считает опасным говорить о рационализации вообще и предлагает анализировать процессы во множестве областей, каждая из которых отсылает нас к определенному фундаментальному опыту [10].

Заключение. Завершая анализ рационально-коммуникативных подходов к истине в социальных практиках принятия решений, можно констатировать, что современный мир создает противоречивые условия для действий субъекта, который вынужден принимать решение на пересечении ценностных и властных коммуникаций, универсальной и контекстной, инструментальной и сущностной рациональностью. В ходе исследования было выявлено, что основными тенденциями изменения дискурса рациональности является противоречие между инструментальной и сущностной рациональностью, ценностными и властными коммуникациями, универсальной и контекстной рациональностью. Эти подходы представлены работами Ю. Хабермаса и его коллегами по Франкфуртской школе, а также исследованиями М. Фуко. Показано, что современное понимание истины носит коммуникативный характер.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009. С. 56-57.
2. Вебер М. Предварительные замечания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
3. Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 гг. М.: ИФ РАН, 2010. 294 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. Часть II. Как мы думаем. Глава 11. Идентичность в глобализирующемся мире. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4993/5006> (дата обращения: 6 июня 2022).
5. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. URL: <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (дата обращения: 6 июня 2022).
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. 192 с.
7. Фуко М. Истина и правовые установления. М.: Практикс, 2005 // Электронная публикация: Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии», 28.07.2017. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7375> (дата обращения: 5 апреля 2022).
8. Ницше Ф. Весёлая наука, книга III, § 109 / пер. с нем. К. А. Свасьяна. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 830 с.
9. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 137–157.
10. Фурс В. Полемика Хабермаса и Фуко и идея социальной критической теории. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm

Авторская справка

ИБРАГИМОВА Зульфия Зайтуновна – кандидат философских наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

E-mail: yuldyz@rambler.ru

НИГОМАТУЛЛИНА Резида Масхутовна – кандидат философских наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

E-mail: nigomati@mail.ru

ЕСЕНГАЛИЕВА Венера Аубекеровна – кандидат философских наук, доцент Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, Уральск, Казахстан.

E-mail: eva0566@inbox.ru

UDC 1.16. 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.17

RATIONALISTIC FOUNDATIONS OF TRUTH IN SOCIAL DECISION-MAKING PRACTICES

Z. Z. Ibragimova¹, R. M. Nigmatullina¹, V. A. Yesengaliyeva²

¹*Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan (Russia)*

²*West Kazakhstan Agrarian and Technical University named after Zhangir Khan, Uralsk (Kazakhstan)*

Introduction. In the modern world of mass communications and complex social interactions, the question of the reasons for making decisions is acute for each person. What is to be accepted as the truth that should be guided in this process? Obviously, the concept of truth is connected with the theoretical and practical interpretation of rationalism and rationality.

Methods. The article uses a historical and philosophical approach, which allows us to analyze the development of the problem of the connection between truth and rationality in the works of representatives of the Frankfurt School, as well as F. Nietzsche and M. Foucault. In addition, to identify the features of the modern

decision-making process, a communicative approach was applied, which is a conceptual resource that allows you to combine two levels of determining the truth as a decision-making condition: the ontological level of interaction between a person and society and the communicative level of knowledge production.

Results. The purpose of this article is to substantiate the thesis about the plurality of concepts of rationality and to reveal the fact that each redefinition of rationality in a particular decision-making practice results in a new search for the place of truth in these processes. The article defines the differences in instrumental and essential, universal and contextual rationality, shows the contradiction between power and value rationality.

Conclusion. The study revealed that the main trends in the change in the discourse of rationality are the contradiction between instrumental and essential rationality, value and power communications, universal and contextual rationality. These approaches are represented by the works of J. Habermas and his colleagues in the Frankfurt School and the studies of M. Foucault. It is shown that the modern understanding of truth is communicative in nature.

Keywords: rationalism; rationality; truth; decision making; J. Habermas; M. Foucault; M. Weber.

References

1. Habermas Ju. Teorija racionalizacii Maksa Vebera [Max Weber's Rationalization Theory]. Sociologicheskoe obozrenie. T. 8. No. 3. 2009. S. 56-57.
2. Veber M. Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary remarks]. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, Progress, 1990, 805 s.
3. Mihajlov I. A. Maks Horkhajmer. Stanovlenie Frankfurtskoj shkoly social'nyh issledovanij [Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School of Social Research]. Moscow, IF RAN, 2010. 294 s.
4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Chast' II. Kak my думаем [How do we think]. Glava 11. Identichnost' v globalizirujushhemsja mire [Identity in a globalizing world]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4993/5006> (accessed 6 June 2022).
5. Habermas Ju. Pervym pochujat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala [Be the first to feel important. What distinguishes an intellectual]. Available at: <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (accessed 6 June 2022).
6. Habermas Ju. Raskolotyj Zapad [Split West]. Moscow, Ves' Mir, 2008. 192 s.
7. Fuko M. Istina i pravovye ustanovlenija [Truth and Legal Establishments]. Moscow, 2005. Jelekronnaja publikacija: Centr gumanitarnyh tehnologij. 28.07.2017. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/7375> (accessed 5 April 2022).
8. Nicshe F. Vesjolaja nauka [Fun Science]. Kniga III, § 109. Nicshe F. Soch.: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl', 1990. 830 p.
9. Flivb'erg B. Habermas i Fuko: mysliteli dlja grazhdanskogo obshhestva [Habermas and Foucault: thinkers for civil society]. Voprosy filosofii. 2002. No. 2. S. 137–157.
10. Furs V. Polemika Habermasa i Fuko i ideja social'noj kriticheskoj teorii [The controversy between Habermas and Foucault and the idea of social critical theory]. Available at: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm (accessed 5 April 2022).

Author's Bio

IBRAGIMOVA Zulfiya Zaytunovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: yuldyz@rambler.ru

NIGOMATULLINA Rezida Maskhutovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: nigomati@mail.ru

ESENGALIEVA Venera Aubekerovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, West Kazakhstan Agrarian and Technical University named after Zhangir Khan, Uralsk, Kazakhstan. E-mail: eva0566@inbox.ru

Библиографическая ссылка

Ибрагимова З. З., Нигоматуллина Р. М., Есенгалиева В. А. Рационалистические основания истины в социальных практиках принятия решений // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 17–24. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.17

УДК 167.7, 124.5, 159.955.1, 159.955.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.25

СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ФОРМИРУЮЩИХСЯ ЦЕННОСТЕЙ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. Малахова

НИЯУ МИФИ, Москва (Россия); Институт философии РАН, Москва (Россия)

Введение. Данная статья рассматривает понятие субъекта и его роли применительно к формированию ценностей того типа общества, который в качестве одного из основных способов производства использует цифровые технологии, в том числе искусственный интеллект.

Методы. Задачи данного исследования диктуют рассмотрение субъекта одновременно с системных и аксиологических позиций, что в первом случае позволяет обратиться к современным работам в области кибернетики третьего порядка, во втором – к философско-этическим направлениям: конвенционализму, деонтологии, этике добродетели.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Ценностное отношение к любым объектам действительности представляет собой основание мировоззрения субъекта и необходимо для эффективного целеполагания и формирования оценки полученных результатов деятельности. Но при этом вопрос о том, каким образом должны восприниматься человеком и обществом как субъектами научно-технологические инновации, в особенности цифровые, вовсе не сводится к тому, должны ли эти инновации оцениваться положительно или отрицательно. Здесь мы рассматриваем, на каком основании субъект вообще способен выносить оценку, и каким он может видеть самого себя и свои взаимоотношения с объектами оценки в зависимости от выбранной системы, в которой данное взаимодействие происходит. Эти системы, как мы полагаем, могут и даже должны рассматриваться одновременно с двух позиций: 1) как с точки зрения субъекта и его интенций, определяющих возможность того или иного ценностного отношения; 2) так и с точки зрения внешней по отношению к субъекту, но позволяющей определить его положение в возникающей системе отношений и характеристики самой системы.

Заключение. Субъект в цифровом обществе способен руководствоваться утилитаристской этикой на уровне ценностных взаимоотношений с объектами: деонтологическая – добавляется на уровне взаимоотношений с другими субъектами; этика добродетели – на наиболее высоком метасубъектном уровне.

Ключевые слова: субъектный подход; этическая система; ценностное отношение; деятельность; утилитаризм; деонтология; этика добродетели.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект 21-18-00184).

Введение. Ценностные и этические вопросы и проблемы в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ) становятся все более актуальными, и эта тенденция в ближайшие годы, скорее всего, сохранится. Однако как при разработке, так и, особенно, при внедрении тех или иных этических норм в данной области мы встречаемся с рядом вопросов, иногда достаточно неоднозначных. Если мы «обучаем» ИИ, то какие данные должны использовать? Не окажется ли, что будут использованы данные, содержащие те нежелательные убеждения, предубеждения и др., от которых мы сами хотели бы избавиться?

Таким образом, одной из наиболее обсуждаемых проблем в данном случае является внесение ясности в вопрос, что именно может пониматься под этическими

нормами, которые обсуждаются как возможные или даже необходимые в сфере современных цифровых технологий.

При спецификации этических норм мы должны иметь некие критерии, согласно которым оцениваем тот или иной поступок, как более или менее соответствующий заявленной этической максиме. Эти критерии предлагаются рядом существующих этических концепций, позволяющих связать норму с контекстом ее практического применения. То есть, если мы оцениваем поступок положительно или отрицательно, мы можем руководствоваться соответствием его ранее заданной конкретной цели или неким более универсальным нормам, позволяющим сохранить и упрочить социальные взаимосвязи, или же, наконец, тем, насколько этот поступок влияет на развитие каких-либо качеств совершающего его субъекта. Все это, с одной стороны, будет каждый раз отсылать нас к различным существующим этическим системам, с другой стороны, заставит более внимательно рассмотреть, о каких именно субъектах идет речь, например, об индивидуальных или коллективных. Кроме того, даже один и тот же субъект может руководствоваться различными этическими системами в оценке своих и чужих действий применительно к разным объектам оценки.

Одним из очень немногих авторов, попытавшихся связать в единую концепцию принятия решений этику субъектов и системный подход, был В. А. Лефевр [1], к идеям которого мы в данной работе также будем обращаться. Рассматривая взаимосвязь этики и аксиологии, мы надеемся показать, что этические системы представляют собой не только производное, но и основу для различных форм ценностного отношения, которое само по себе может быть реализовано только в деятельности субъектов оценки и без нее не существует. Ценности, складывающиеся в ценностные системы субъектов, как мы полагаем и постараемся обосновать, создаются самими субъектами в ходе операций оценивания, производимых в соответствии с социально обусловленными нормативными системами при использовании различных подходов, формирующих с помощью смещения акцентов на те или иные части ценностного отношения различные более или менее сложные системы.

Итак, основными **вопросами** данной статьи станут следующие:

1. Кого здесь можно именовать субъектом, и согласно каким критериям субъектности?

2. Если, как будет показано в статье, существуют различные уровни функционирования субъекта в зависимости от того, с каким типом объектов или субъектов он взаимодействует, а также от поставленных целей и рассматриваемой временной перспективы, то какими нормативными этическими системами все это может регулироваться, исходя из связи ценностей с такого рода системами?

3. Чем именно ценностные перспективы цифрового общества отличаются от таковых во всех остальных обществах?

Далее в работе мы будем подробно разбирать связь стратегических и тактических целей субъектов с различными этическими концепциями, по-разному рассматриваемыми, кто или что может быть объектом этической оценки. Мы рассмотрим утилитаристскую этику как этику целей, позволяющую решать тактические задачи в ближайшей перспективе, деонтологическую этику – как этику средств, подходящую для тактических целей в среднесрочной перспективе, и этику добродетели – как этику развивающихся субъектов, позволяющую ставить и решать стратегические цели.

Методы. В этой работе мы рассматриваем ценности как отдельные сущностные единицы, напрямую связанные именно с деятельностью и мировоззрением субъекта, в свою очередь представляющие собой одно из условий возникновения субъектности и потому не сводимые ни к благам, ни к нормам [2]. Ценность, как мы полагаем, представляет собой результат деятельности субъекта, направленной на формирование специфического оценочного отношения к любому возможному объекту. Таким образом, мы рассматриваем ценность как трехчастную структуру, где присутствуют субъект и объект оценки, а также сама производимая субъектом операция оценивания [3]. Данная операция предполагает, конечно, наличие той или иной шкалы, в соответствии с которой некий объект может быть оценен выше или ниже. Такой шкалой чаще всего выступают нормативные системы, законодательные или этические. Однако такие системы могут существовать до, после и вне сознания отдельного субъекта (например, индивида). Поэтому в данной работе мы сосредоточимся именно на тех особенностях формирования ценностного отношения, которые, с одной стороны, показывают определяющую роль субъекта, с другой стороны, обладают характерологическими признаками, свойственными именно цифровому обществу. Этот тип общества, нередко отождествляемый также с постиндустриальным и информационным обществом [4; 5], по нашему мнению, имеет ряд качественных отличий от доиндустриальных и индустриальных обществ, в том числе в интересующем нас аспекте формирования субъектно-обусловленных ценностных отношений к реальности.

Понятие субъекта и его место в структуре ценностного отношения.

Когда мы говорим о роли субъекта в формировании ценностных перспектив цифрового общества, первое, с чего стоит начать, это, конечно, само определение субъекта и его основных характеристик. В случае субъекта нам необходимо будет выделить ключевые для него свойства, так как попытка определения по роду и видовому отличию будет достаточно затруднена из-за крайне расширенного «рода», к которому субъекты потенциально могут принадлежать. Как известно, субъекты могут быть индивидуальными и коллективными, а дальнейшее развитие технологий заставляет задаться непростыми вопросами о том, обязаны ли субъекты всегда быть (или оставаться) непременно только человеческими индивидами и группами [6].

Понятие субъекта в психологии хорошо иллюстрируется подходом В. А. Петровского [7], который выделяет четыре основные характеристики субъекта:

- 1) целеустремленность как способность к сознательному и самостоятельному целеполаганию;
- 2) рефлексия как способность субъекта формировать образ себя;
- 3) свобода воли субъекта;
- 4) способность субъекта к развитию.

Также в работах по тематике субъектности справедливо упоминается такой критерий, как социальность [8, с. 74].

Субъектно-деятельностный подход к формированию ценностей.

Новизна данной работы заключается в формировании целостной системы, в рамках которой роль субъекта рассматривается исходя из различий как в его собственной позиции по поводу объектов оценки, так и из того, как данные различия влияют на создаваемую им систему отношений и его место в ней. В центре любой

такой системы всегда находится сам субъект, который только и может производить операцию оценки, порождая таким образом ценностное отношение. Также в статье мы опираемся на понятие деятельности, как одной из ключевых характеристик субъектности, необходимой в том числе для возникновения ценностного отношения.

Если обратиться к определению деятельности, то А. П. Огурцов и Э. Г. Юдин в энциклопедической статье с соответствующим названием указывают, что «деятельность – специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратившись из материала в продукт деятельности» [9].

Ценностное отношение может быть сформировано через деятельность субъекта, направленную или на некий объект с точки зрения его полезности, или с точки зрения учета его интересов как равного агента, или с точки зрения интересов саморазвития самого оценивающего субъекта. Само подобное отношение, по нашему мнению, формирующее ценности субъекта как основу его мировоззрения, рассматривается в трехчастной структуре, о которой было упомянуто выше. Далее в работе мы рассматриваем, как именно может быть сформировано это ценностное отношение.

Соотношение ценностей как продукта деятельности субъекта с нормами, внешними по отношению к субъекту и существующими до операций оценки, рассматривается через призму существующих подходов в нормативной этике, каждый из которых по-своему определяет роль субъекта и ведущий объект его оценки. В свою очередь, выделение того или иного объекта (или множества) как ведущего позволяет сформировать различные системы отношений, в которых по-разному проявляет себя, в первую очередь, сам субъект.

Динамика отношений между всеми составляющими таких систем может быть описана с позиций кибернетики как науки об управлении сложными системами. Однако для разноуровневых систем могут и должны применяться кибернетики разных порядков, связанные с различными типами рациональности. Мы используем здесь концепцию трех типов рациональности, предложенную В. С. Степиным [10]. Также через типы научной рациональности мы соотносим концепции нормативной этики с формами ценностного отношения субъекта как деятельности – через призму кибернетических подходов, которые как раз позволяют не только описать, но и систематизировать деятельностьную составляющую. Здесь классической научной рациональности, согласно Степину, будет соответствовать кибернетика первого порядка, представленная субъект-объектными отношениями; неклассической научной рациональности – кибернетика второго порядка и субъект-субъектные отношения; постнеклассической научной рациональности – кибернетика третьего порядка и отношения типа субъект-метасубъект [8].

Мы также используем идеи Лефевра [1] о различии этики целей и этики средств, но с сугубо методологической точки зрения и вне того социокультурного аспекта, который пытался придать им этот автор. Этика целей в данном случае

предстает как отражение классической рациональности, отношение типа «субъект-объект» и простых систем. Далее мы проследим ее соотношение с этическим направлением утилитаризма (или шире – консеквенциализма). Этика средств выступает как отражение неклассической рациональности и более сложных систем. Мы настаиваем на том, что предыдущая этическая парадигма включается в указанную, и предполагаем проследить соотношение с ее деонтологией как этической концепцией. Это даст нам возможность снять таким образом противоречия деонтологии и утилитаризма и в том числе показать, что этики целей и средств не обязаны, как полагал Лефевр, противопоставляться одна другой.

Этика субъектов рассматривается нами как отражение постнеклассической рациональности и суперсложных саморазвивающихся систем. В нее оказываются включены обе предыдущие парадигмы. Мы предполагаем, что так называемая этика добродетели [11] выступает как этика развивающегося субъекта. Снятие противоречий между ней и другими подходами возможно через их системное включение один в другой.

Вот, по нашему мнению, основные вопросы, на которые дает возможность ответить такой подход, включающий последовательно три упомянутые этические концепции: 1) что субъект должен делать? (утилитаризм); 2) как он должен это делать? (деонтология); 3) каким он должен стать в результате? (этика добродетели).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Особенности этических систем, применяемых в зависимости от выбранных объектов оценки в рамках конкретного типа научной рациональности.

Как уже было сказано, в связке с классическим типом научной рациональности мы предполагаем рассмотреть утилитаристский подход в этике, с неклассическим типом – деонтологический подход, а с постнеклассическим – этику добродетели. Однако прежде, чем это сделать, необходимо уделить внимание ключевым особенностям указанных этических концепций.

Так, утилитаристские концепции оценивают поступок как этический или неэтический в зависимости от того, насколько он соответствует заявленной цели, к каким последствиям приводит. Утилитаризм, как одно из, возможно, наиболее влиятельных этических учений, нередко называют одним из направлений консеквенциализма [12], рассматривающего любые действия вообще, в первую очередь, именно с точки зрения последствий.

Классический утилитаризм опирался на концепцию максимизации блага для максимального количества людей. И, в принципе, с небольшими вариациями этот подход в утилитаризме сохранился, равно как и возникшие вместе с этим неизбежные и трудно разрешимые вопросы. Во-первых, конечно же, возникает вопрос о том, что именно следует понимать под благом. В отсутствии ясных критериев блага утилитаризм нередко подвергался вполне обоснованной критике, так как давал простор для произвольно-волюнтаристского толкования. При всех положительных чертах этого подхода также возникают закономерные вопросы как о том, насколько мы в состоянии оценить последствия, особенно долгосрочные, так и о том, в какой мере цели могут оправдывать средства. Кроме того, при изменении целей в таком случае неминуемо должны будут меняться и оценки тех или иных поступков, что способно

привести к этическому релятивизму, где потенциально любой поступок может быть оправдан.

Таким образом, как мы видим, утилитаризм испытывает вполне объяснимые проблемы именно с выработкой критериев оценки действий как некой «системы координат», в рамках которой то или иное решение только и может быть оценено с точки зрения его пользы или вреда. Тем не менее утилитаристский подход может быть вполне правомерен, если речь идет об оценке не всех действий вообще, исходя из некоего представления о пользе, претендующего на всеобщность, а о неких конкретных действиях, которые рассматриваются через призму уже до того установленных норм и критериев.

Другая, во многом противоположная концепция – деонтологическая или этика долга [13], где акцент делается на наличие некоего свода неизменных нравственных норм, которым надлежит следовать, как общих для всего человечества, так и специфических для отдельных групп и профессий. Это полная противоположность этическому релятивизму. Опять же, при всей необходимости подобных общезначимых норм возникают проблемы как в тех случаях, когда нормы слишком обобщены, так и тогда, когда они сформулированы слишком конкретно и поэтому узко и негибко.

Размытость критериев таких максимально общих норм в рамках деонтологии, как категорический императив или золотое правило морали, опять же, не раз вызвала критику за свою оторванность от, зачастую, самой возможности практического применения. Кроме того, деонтологические построения, как правило, не учитывали ни интенций, ни тех «ближайших» последствий, которые могут наступить при непосредственном применении тех или иных норм. Однако, как и в случае с утилитаризмом, эти проблемы снимаются, если речь идет не о долге вообще, а о частных областях, нуждающихся в выработке четко определенных норм, призванных максимально ограничить возможность релятивистских трактовок.

Таким образом, деонтологический подход, как мы полагаем, вполне может применяться для разработки конкретных норм использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в тех областях, где релятивизм нежелателен, при условии, что данный подход не претендует на всеобщность и развертывается в рамках уже существующей устойчивой структуры отношений с предзаданными ценностями. Было много попыток обойти указанные проблемы, в частности, в таком направлении, как так называемая этика добродетели А. Макинтайра [11].

По мнению Макинтайра, если мы хотим понять, какие качества (в его терминологии – «добродетели») необходимы для оценки конкретных действий в любых областях, включая научную и технологическую, мы должны понимать их связь с практикой, в рамках которой они осуществляются. С этой точки зрения, если нет четко установленных способов оценки действий, то мы частично движемся методом проб и ошибок, выстраивая деятельность как нарратив, постоянно оцениваемый в ходе его построения. С одной стороны, это попытка уйти от утилитаристских представлений о целях, которые оправдывают средства до тех пор, пока сами не будут изменены или отброшены. С другой стороны, это также и попытка обойти иногда негибкие деонтологические построения. Отличие от упомянутого выше утилитаризма здесь также и в том, что имеет место попытка рассматривать нарративы (цепочки

действий) всех акторов как самоценные данности, уходя от сравнения и трудностей обоснования выбора «наименьшего зла».

Начиная как минимум с Нового времени, все увеличивается разрыв между наукой, отвечающей на вопрос «как?», и философской этикой, способной поставить вопросы: «зачем?», «хорошо нечто или дурно?». Как полагает Макинтайр, для Античности, активно развивавшей понятие добродетели, такой проблемы еще не существовало отчасти потому, что мораль была тесно связана с социальными ролями и, по существу, сама имела социальный характер – то есть представление о «хорошем человеке» должно было складываться из представлений о хорошем гражданине, воине, друге и др. Человек воспринимался без существенного отрыва от группы, страты, полиса, где он только и мог реализовать свои моральные качества.

Особое внимание Макинтайр уделяет античному понятию добродетели, которая, по его мнению, мыслилась как способность к совершению определенных действий и одновременно понимание сути, смысла и цели этих действий. В трудах Макинтайра, в особенности в его работе «После добродетели», вырисовывается своеобразная трехчастная структура: практика, жизненный нарратив и моральная традиция. Согласно Макинтайру, мы можем обратиться к наследию Аристотеля, где рассматриваются не нормы, которые столь сложно обосновать, а добродетели как условие морального поведения одновременно как с личностной, так и с социальной точек зрения. Добродетели же могут осуществляться и манифестироваться только через практики, формируя тем самым жизненный нарратив человека как движение к максимальному осуществлению доступных возможностей личностного развития.

Однако для того, чтобы индивид мог воспринять некие первичные представления об этих добродетелях в ходе воспитания и обучения, необходимо наличие моральной традиции, в которой эти представления могут фиксироваться и передаваться. С этой точки зрения «хорошая» технология вообще и в частности «хороший» ИИ могут считаться таковыми, если оцениваются с позиции не только конкретной (часто ситуативной) пользы или соответствия жестко прописанным нормам, а в первую очередь с позиции того, насколько они способны помочь осуществлению личностного и социального развития субъекта. Конечно, все это не снимает полностью проблему обоснования моральных норм, а скорее переносит ее в область социокультурных особенностей, присущих тем или иным существующим на данный момент обществам и государствам.

Роль субъекта в формировании ценностного отношения к технологиям в цифровом обществе.

Теперь постараемся, опираясь на все изложенное выше, суммировать наши представления о роли субъекта в формировании ценностных перспектив цифрового общества, исходя из теоретической схемы, рассматривающей ценностное отношение как процесс специфической деятельности субъекта, основанный как на существующих нормативных системах, так и на том, что или кто именно воспринимается как объект оценки в соответствии со способностью субъекта к воздействию на окружающее пространство в тактической или стратегической перспективе. Последнее может быть выявлено через этическую систему, используемую субъектом в каждом конкретном случае. Именно она будет определять предпочитаемый тип объектов оценки. При этом также, исходя из выбираемых объектов оценки, которые могут

быть гораздо более очевидны, чем часто не артикулируемая этическая система субъекта, о существовании последней можно сделать предположение. В свою очередь, тип выбираемых для оценки явлений окружающего (и внутреннего) мира субъекта может быть привязан к той или иной форме рациональности и, соответственно, типу кибернетики, о которых говорилось ранее в работе.

При взаимодействии вида «субъект-объект» субъект использует технологию для достижения простой, четко поставленной цели. Здесь может применяться кибернетика первого порядка – субъект инструментально работает с технологией, оценивает ее с точки зрения прикладной эффективности. Такому подходу с точки зрения этики соответствует утилитаризм (консеквенциализм). Оценка формируется, исходя из соответствия результата заявленной цели. По Лефевру, это так называемая вторая этическая система, для которой цель субъекта важна в наибольшей степени [1]. С точки зрения кибернетики первого порядка формируется одна простая связь между субъектом и объектом (простая система), остальные связи могут не учитываться, что в перспективе может приводить к отсутствию или разрушению сопутствующих частей системы, представленных дополнительными, как правило, социальными последствиями. Подобная стратегия рассчитана на краткосрочную перспективу и в ней может быть эффективна. В среднесрочной и долгосрочной перспективах она обнаруживает недостатки, связанные в основном как раз с тем, что не были построены и / или учтены дополнительные взаимосвязи, что вызывает трудности со встраиванием полученного результата в более общий социальный контекст.

При взаимодействии вида «субъект-субъект» субъект использует технологию для коммуникации (взаимодействия) с другими равнозначными субъектами, учитывает участие их в общем процессе взаимодействия с технологией, может оценивать влияние, оказываемое на них как технологией, так и формами взаимодействия. Технология оценивается субъектом не только с точки зрения достижения поставленной краткосрочной инструментальной цели, но и с точки зрения ее влияния на построение дополнительных системных (как правило, социальных) взаимосвязей и / или сохранение существующих. С точки зрения этики это в большей степени соответствует деонтологическим подходам, оценивающим не столько цели, сколько средства их достижения. При этом предполагается, что оценка целей как положительных была уже произведена, и только после того мы оцениваем средства. Поэтому консеквенциалистский и деонтологический подходы в данной схеме не противоречат друг другу, а второй с точки зрения построения ценностного отношения включает в себя и дополняет первый. По Лефевру, это так называемая первая этическая система, ставящая во главу угла средства достижения целей [1]. Но в отличие от его концепции, жестко противопоставлявшей эти подходы, мы, как было указано, придерживаемся иной позиции. С точки зрения кибернетики второго порядка здесь формируется более сложная система взаимосвязей. К связке субъект-технология добавляются другие субъекты, для взаимодействия с которыми сама технология выступает как средство, поэтому призвана создавать новые и не разрушать существующие связи между субъектами. Технология начинает оцениваться не только инструментально, но и с точки зрения влияния на субъекты. Подобное смещение акцента вызвано в том числе массовым распространением технологии и встраиванием с ее помощью более

сложных цепочек взаимоотношений между субъектами. Такой подход достаточно хорошо работает в среднесрочной перспективе.

При взаимодействии вида «субъект-метасубъект» субъект использует технологию для взаимодействия с потенциально неограниченным количеством других разнопорядковых субъектов (индивидов, групп, организаций и др.), возможно, даже в планетарном масштабе. Технология может на данном этапе не только использоваться как средство, но и выступать от имени реального, но не всегда известного субъекта, имитируя определенные аспекты его активности. Технология оценивается субъектом как влияющая на него самого, а также на всех задействованных (в том числе потенциально, в будущем) известных и неизвестных субъектов, число которых также может быть неизвестно. Технология оценивается как один из ключевых факторов, влияющих на построение и поддержание разноплановых социальных взаимосвязей. Субъект при этом часто не может заранее знать и предугадывать, с кем именно эти связи будут строиться и когда. С точки зрения этики здесь может быть использован такой подход, как этика добродетели, делающая акцент в первую очередь на желаемые свойства и качества самого субъекта, которые позволят ему наилучшим образом выбирать цели и средства в ситуациях повышенной сложности и неопределенности. У Лefевра такой подход не был представлен. С точки зрения кибернетики третьего порядка формируется максимально всеобъемлющая, сложная и постоянно меняющаяся система взаимосвязей. В ней как подсистемы низшего порядка представлены две ранее рассмотренные, которые она включает в себя. Поскольку технология способна формировать у субъекта неограниченное и непредсказуемое количество связей, она начинает оцениваться как воздействующая на него и даже отчасти его формирующая, поэтому рассматривается ее роль для возникновения у субъекта тех ключевых качеств, которые в дальнейшем будут содействовать его благополучию, в том числе успешному взаимодействию в данной среде с другими субъектами и с самой технологией. Определенной константой в этом случае становится сам субъект. Это стратегический подход, направленный на долгосрочную перспективу.

Заключение. Итак, ответив на первый и второй вопросы, поставленные в начале статьи, мы, наконец, можем сформулировать, в чем именно состоит специфика ценностных перспектив цифрового общества. В нем к привычной ценностной специфике отношения к объектам, а также к индивидуальным и коллективным субъектам, добавляются ценностные отношения еще более высокого порядка – к тому потенциально неограниченному количеству индивидуальных и коллективных субъектов, которые в совокупности могут именоваться метасубъектом. Подобного рода ценностное отношение, в свою очередь, требует переноса акцентов с тех, кого / что оценивают, на самого субъекта оценки. Последний, чтобы успешно действовать в условиях неопределенности, должен иметь возможность выносить оценки и на этой основе осуществлять валидацию целей, руководствуясь не только тактическими, но и долговременными стратегическими интересами, основанными на его стремлении и способности к постоянному развитию и совершенствованию.

Возникает вопрос: как подобный подход к формированию ценностей (во взаимоотношении вида «субъект-метасубъект») может помочь развитию конкретных прикладных вопросов оценки технологий в современном обществе, например, тако-

го широко обсуждаемого вопроса, как этические измерения ИИ [14; 15; 16]? Дело в том, что в отсутствии четко определенных отдаленных целей и при очень быстрых темпах развития ИИ эта концепция позволяет сформулировать понятие «добродетели» не как оценки действий, основанных на неизвестном абстрактном благе, а на основе постоянного анализа реакций на конкретные ситуации. Построенные таким образом нарративы, в том числе в области ИИ, могут в дальнейшем распространяться и становиться общезначимыми не декларативно, а благодаря тому, что выбирается и постоянно корректируется наиболее оптимальный метод действий. Хотя, конечно, надо признать, что такая концепция, как и любая другая, все равно будет далека от совершенства, и ее также придется подвергать постоянной валидации.

Таким образом, на наш взгляд, можно разработать «этическое измерение ИИ», если мы сможем представить его как постоянно развивающуюся систему, своего рода нарратив по Макинтайру, где наши культурные традиции и социальные представления служат отправной точкой, но сама система не застывает в догматике, а модифицируется, в том числе постоянно адаптируется к новым научно-техническим достижениям в этой области, а также к эволюции самих социальных систем.

В то же время разработки современных цифровых технологий и ИИ, по нашему мнению, могут вдохнуть новую жизнь в сферу этических и аксиологических исследований, которые до недавнего времени были достаточно узко специализированы и редко выходили за рамки дискуссий в весьма ограниченном кругу экспертов. Хорошо известно, что массовое внедрение новых технологий всегда провоцирует переосмысление и видоизменение нормативных комплексов на всех уровнях и в конечном итоге новый виток социального и культурного развития. Именно это мы сейчас и наблюдаем.

Список литературы

1. Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.
2. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
3. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис. С. 205.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Kingwell Mark. Are Sentient AIs Persons? / in "The Oxford Handbook of Ethics of AI", Edited by Markus D. Dubber, Frank Pasquale, and Sunit Das, Oxford University Press, 2020.
7. Петровский В. А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 64–90.
8. Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.
9. Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность / Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e4b209660a1b926ebfc6e>
10. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
11. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
12. Sinnott-Armstrong, Walter, "Consequentialism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/consequentialism>

13. Barrow J. M., Khandhar P. B. Deontology. 2021 Aug. 12. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2022 Jan–. PMID: 29083671.

14. Cervantes José-Antonio López, Sonia, Rodríguez Luis-Felipe, Cervantes Salvador, Cervantes Francisco, Ramos Félix. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status. *Science and Engineering Ethics* (2020) 26:501–532. URL: <https://doi.org/10.1007/s11948-019-00151-x>

15. Responsibility in Hybrid Societies: concepts and terms. *AI Ethics* / S. Meyer, S. Mandl, D. Gesmann-Nuissl et al. 2022. URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00184-2>

16. Ravi Vythilingam, Deborah Richards, Paul Formosa. The Ethical Acceptability of Artificial Social Agents: Extended Abstract. In Proc. of the 21st International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2022), Online, May 9–13, 2022, IFAAMAS, 3 p.

Авторская справка

МАЛАХОВА Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент НИЯУ МИФИ; докторант Института философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: e.v.malahova@mail.ru

UDC 167.7, 124.5, 159.955.1, 159.955.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.25

THE ROLE OF THE SUBJECT IN THE FORMATION OF VALUE PERSPECTIVES OF THE DIGITAL SOCIETY

E. V. Malakhova

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow (Russia); Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. This article examines the concept of the subjects and their role in relation to the formation of values of the type of society that uses digital technologies, including artificial intelligence, as one of the main methods of production.

Methods. The objectives of this study dictate the consideration of the subject simultaneously from systemic and axiological positions, which in the first case allows us to turn to modern works in the field of cybernetics of the third order, in the second – to philosophical and ethical concepts: consequentialism, deontology, virtue ethics.

Results. Value attitude to any objects of reality is the basis of the subject's worldview and is necessary for effective goal setting and the formation of an assessment of the results of the activity. But at the same time, the question of how scientific and technological innovations, especially digital ones, should be perceived by a person and society as subjects, is not at all reduced to whether these innovations should be evaluated positively or negatively. Here we consider on what basis the subject is generally able to make an assessment, and how he/she can see him/herself and the relationship with the objects of assessment, depending on the chosen system in which this interaction occurs. These systems, as we believe, can and even should be considered simultaneously from two positions: 1) as from the point of view of the subject and his/her intentions, determining the possibility of a particular value relationship; 2) so from the point of view external to the subject, but allowing to determine his/her position in the emerging system of relations and characteristics of the system itself.

Conclusion. A subject in a digital society is able to be guided by utilitarian ethics at the level of value relationships with objects, deontological ethics is added at the level of relationships with other subjects, virtue ethics – at the highest meta-subject level.

Keywords: approach of subjectness; ethical system; value attitude; activity; utilitarianism; deontology; virtue ethics.

The work was financially supported by Russian Science Foundation (Project 21-18-00184).

References

1. Lefevr V. A. *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow, Kogito-Centr, 2003. 426 s.
2. Shohin V. K. *Filosofiya cennostej i rannaya aksiologicheskaya mysl': Monografiya* [Philosophy of values and early axiological thought: Monograph]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2006. 457 s.
3. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya cennosti* [Philosophical theory of value]. Saint Petersburg, Petropolis. 205 s.
4. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial Society. The experience of social forecasting]. Moscow, Academia, 2004. 788 s.
5. Castels M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GU VSHE, 2000. 608 s.
6. Kingwell Mark. Are Sentient AIs Persons? / in "The Oxford Handbook of Ethics of AI", Edited by Markus D. Dubber, Frank Pasquale, and Sunit Das, Oxford University Press, 2020.
7. Petrovskij V. A. *Individual'nost', samoregulyaciya, garmoniya* [Individuality, self-regulation, harmony]. Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal, 2008, № 1, pp. 64–90.
8. Lepskij V. E. *Analiitika sborki sub'ektov razvitiya* [Analytics of the assembly of development subjects]. Moscow, Kogito-Centr, 2016. 130 s.
9. Ogurcov A. P., Yudin E. G. *Deyatel'nost'* [Activity]. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. Moscow, Mysl', 2000–2001. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e4b209660a1b926ebf6e>
10. Stepin V. S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction]. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. Saint Petersburg, 2009, pp. 249–295.
11. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After virtue: Studies of the Theory of morality]. Per. s angl. V. V. Celishcheva. Moscow, Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2000. 384 s.
12. Sinnott-Armstrong, Walter, "Consequentialism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/consequentialism>
13. Barrow J. M., Khandhar P. B. Deontology. 2021. Aug. 12. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2022 Jan–. PMID: 29083671.
14. Cervantes José-Antonio López, Sonia, Rodríguez Luis-Felipe, Cervantes Salvador, Cervantes Francisco, Ramos Félix. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status. Science and Engineering Ethics (2020) 26:501–532. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11948-019-00151-x>
15. Meyer S., Mandl S., Gesmann-Nuissl D. et al. Responsibility in Hybrid Societies: concepts and terms. AI Ethics. 2022. Available at: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00184-2>
16. Ravi Vythilingam, Deborah Richards, and Paul Formosa. 2022. The Ethical Acceptability of Artificial Social Agents: Extended Abstract. In Proc. of the 21st International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2022), Online, May 9–13, 2022, IFAAMAS, 3 p.

Author's Bio

MALAKHOVA Elena Vladimirovna – PhD in Philosophy, Associate Professor in National Research Nuclear University MEPhI; postdoctoral researcher in Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: e.v.malahova@mail.ru

Библиографическая ссылка

Малахова Е. В. Субъектность как основание формирующихся ценностей цифрового общества // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 25–36. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.25

УДК 16+130.2/111+165

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.37

НЕКОТОРЫЕ МИФОЛОГЕМЫ И ИСКУССТВЕННЫЕ РЕАЛИИ В РАМКАХ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ

Н. И. Петев

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия)

Введение. Парадоксальность современного мира состоит в том, что благодаря достижениям науки и техники человек отдаляется / отделяется от сферы собственно мифологического и религиозного, однако одновременно ищет все новые формы сублимации потребности в сопричастности феноменам данной области. Искусственный миф – прекрасный инструмент влияния, который в международных отношениях может быть эффективнее прямой и грубой силы. Это не прямое влияние и некая своеобразная анонимность (хотя, по сути, автор всегда известен) также обеспечивают безопасность, снижая до минимума риск действительного конфликта. Как инструмент, искусственная мифологизация, в частности политическая мифология, имеет широкий диапазон применения для конструирования необходимой для определенных целей социально-политической «реальности».

Методы. В данной работе использованы диалектический, сравнительный, аналитический и этический методы анализа. Кроме того, применялись элементы религиоведческого и психологического подходов, а также метод мысленного моделирования. Данный комплекс методов и подходов позволяет детально и последовательно изучить феномен политической мифологизации, а также выявить идеологическое содержание ряда мифологем (например: миф об «избранном братстве», суперсессионизме, категорической морали и т. д.).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В результате данного исследования автор приходит к следующим выводам. Выявлено заимствование искусственной мифологией элементов традиционного мифа, однако не в чистом виде, но в измененном под определенные цели. Мифологема «избранного братства» инициирует специальное состояние, отягощенное чувствами тревоги, опасности и мученичества. Особое «сакральное» чувство вышеуказанных характеристик «объективной реальности» позволяет формировать диалог на мировой арене, имеющий спекулятивный, пропагандистский и прагматический характер. «Братство» находится в особом экзальтированном состоянии, приближающемся по своим чертам к фанатизму. В рамках данной мифологемы сливаются воедино антагонистические феномены – положения «этики братства» и ценности мирского мира. Проанализирован миф о суперсессионизме, т. е. об особой избранности личности, группы или государства в рамках мировых взаимоотношений. Выявлено несколько положений, которые способны обосновать утверждение (самоутверждение) такого статуса: 1. Идея избранности Богом; 2. Оправдание нравственным долгом; 3. Создание особого авторитета на основе первенства в какой-либо сфере (экономической, военной и др.). В работе проанализирована мифологема категорической морали политической мифологии, которая не имеет собственно нравственного примата, а служит лишь для драпирования / привнесения положительной оценки аморальным действиям, а также утверждения их легитимности. Нравственность при таком положении вещей – лишь внешний стиль, который требует всеобщей огласки.

Заключение. Подводя итоги, стоит указать, что данные мифологии являются лишь некоторыми, распространяемыми в рамках международных отношений. В данной работе было стремление выявить, структурировать и смоделировать общий каркас, тенденции и специфику формирования подобных искусственных мифологий. Они берут из феномена традиционного мифа то, что может иметь прикладной характер и позволяет выполнять определенные задачи, которые перед ними поставлены. Такие понятия, как «священное» (сакральное) и «нравственное», являются лишь фикцией и не имеют ничего общего с данными явлениями, представляют собой лишь инструменты влияния. Как определенные катализаторы и ингибиторы, данные мифологемы позволяют регулировать как внешнеполитические отношения, так и внутреннюю политику определенного общества.

Ключевые слова: политическая мифологизация; «избранное братство»; этика; суперсессионизм; «категорическая мораль»; традиционный миф; прагматизм; спекуляция.

Введение. Парадоксальность современного мира состоит в том, что благодаря достижениям науки и техники человек отдаляется / отделяется от сферы собственно мифологического и религиозного, однако вместе с этим одновременно ищет все новые формы сублимации потребности в сопричастности к феноменам данных областей. Начиная с эпохи Просвещения, человек стремился изгнать и развенчать миф как рудиментарное «дремучее незнание» и «пережиток неразвитого общества». Но мифология не только не исчезла, хотя многие современные ее формы имеют деформированный и секуляризованный характер, но и с развитием цивилизации получила плодотворную почву для развития, а также новые области своего возникновения. Существует мнение, что современная мифология является метафорическим описанием окружающей реальности, и только таким способом последнюю можно объяснить [1]. Конечно, такое определение соотносится с пониманием традиционного мифа как первой системой знаний о мире (существовавшей до философской и научной). Однако невозможно утверждать, что современная мифология, в частности политическая, действительно имеет целью объяснение. Ее спекулятивный характер утверждает совершенно обратное. Хотя существуют и исключения.

Исследование современных мифологем связано не только непосредственно с областью мифологического, но и с проблемой гносеологического толка, в частности, в аспекте национального самосознания [2]. Искусственный миф – прекрасный инструмент влияния, который в международных отношениях может быть эффективнее прямой и грубой силы. Это не прямое влияние и некая своеобразная анонимность (хотя, по сути, автор всегда известен) также одновременно обеспечивает безопасность, снижая до минимума риск действительного конфликта.

Как инструмент искусственная мифологизация, в частности политическая мифология, имеет широкий диапазон применений для конструирования необходимой социально-политической «реальности». Например, еще Барт Р. отмечал, что миф об экзотичности Востока направлен на лишение его любой исторической конкретности и содержательной ответственности [3, с. 236-237]. Для этого необходимо представить себе Восток как отражение Запада [3, с. 237]. Подобные мифы существуют и в настоящее время, в рамках которых популяризируется и интегрируется образ светской Европы (отделенной от ее географии, истории и культуры) на Востоке [4]. И в данном случае можно говорить о нескольких противоположных тенденциях: с одной стороны, стремление к консолидации субъектов политико-экономических отношений, но с другой – утрата одним из них исторической и культурной автономии.

Существует концепция, которая предполагает, что политические мифы являются результатом рационализации и символической интерпретации мифологических архетипов, и, формируя особую символично-смысловую реальность, современные мифы выполняют главную функцию, а именно смыслообразование [5]. Стоит указать, что социальный миф способен играть разные роли в современном обществе, и необходимо знать его природу и специфику, чтобы эффективно бороться с этим явлением или успешно управлять мифотворческим процессом [6]. И в данном аспекте политическая мифологизация не исключение, особенно учитывая, что политический миф может иметь внутри социальный вектор. Несомненно, что политический миф, при всем своем внешнем новаторстве (т. е. отдаленности

от некой идеалистической составляющей, и связанный только с материальной реальностью) не является абсолютно новым. В каждом современном мифе можно найти какое-то заимствование из прошлого истории, культуры или традиции (в том числе религиозной).

Невозможно дать утвердительный ответ на вопрос о том, является ли политическая мифологизация реактуализацией мифологического прошлого, о которой говорил еще Юнг К. Г. Хотя несомненно, что заимствование из данной сферы имеет место быть, но по своему внутреннему содержанию мифы имеют характер спекулятивно-идеологического заимствования для обеспечения интенсивного внедрения определенной идеи и обеспечения последующего влияния / контроля. Чтобы спрятать истину и внутреннее содержание, иногда не нужно выстраивать сложных систем, достаточно лишь грубой внешности (подражания) и банальности, чтобы добиться девальвации и потери глубины истинного примата.

Еще одна точка зрения на политический миф предполагает, что он представляет собой форму идеологического дискурса, внутреннее содержание которого постоянно меняется; вера в подобный миф является неоднородной для разных групп, а мифопоэтический нарратив является предпосылкой для анализа производства и воспроизводства идеологии [7; 8]. Необходимо понимать, какова риторика идеологического дискурса как для успешной внешней, так и внутренней политики. Идея, подобно вирусу, имеет высокую способность к выживанию и распространению, а избавиться от нее иногда достаточно сложно. Если жертвой пули могут стать один или несколько человек, то жертвой идеи (идеологии) могут быть миллионы. История человечества знает подобные примеры в прошлом.

Методы. В работе используется диалектический метод, который необходим для исследования становления мифологем, в частности, в качестве оппозиции традиционному мифу, понятиям сакральности и морали. Сравнительный и аналитический методы позволяют вычленивать специфику и основное содержание исследуемых мифологем, катализируя основные фундаментальные характеристики и синтезируя их в единую систему. Этический метод, в частности аксиологический аспект, позволяет рассмотреть, деконструировать миф о категорической морали, а также выявить иные спекуляции в парадигме нравственности для выявления истинного пропагандистского примата политического мифа. Религиоведческий подход необходим для рационального исследования политических мифологем, в частности, связанных с тенденцией сакрализации своих объектов и их действий, как объективного явления, имеющего псевдорелигиозные основы, представляющие собой деформацию религиозного. Психологический подход необходим для анализа особенностей интегрирования данных мифологем как в индивидуальное, так и групповое сознание, а также для выявления положений, которые вызывают одобрительное принятие даже деструктивных тенденций.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Современное экзистенциальное пространство (бытовое, виртуальное, политическое, эстетическое и т. д.) имеет множество искусственных мифологических конструкций, созданных определенным человеком или группой лиц для реализации тех или иных прагматических целей. Область политического в современном мире также обладает множеством мифологем, которые позиционируются как объективная реальность. Дело в том, что искусственная мифологизация заимствует многие

элементы традиционного мифа (символизм, содержание, общие модели и т. д.), перерабатывает их, заменяя форму и наполняя необходимым содержанием в зависимости от телеологической и этиологической необходимости. Бесспорно, что влияние мифа на сознание индивида, а особенно масс, является небезосновательным фактом как в истории, так и в современном мире. Миф обладает особой интеллектуальной энергией инкарнирования, то есть стремлением эманации («развертывания») его в некую особую реальность, сопряженную с профанным миром, даже имманентно присутствующим в нем. Особенно это присуще архаичному сознанию, где не было строгой дифференциации мира естественного и сверхъестественного, добра и зла и т. д. Хотя и об абсолютном отсутствии бинарности говорить нельзя, так как существовали феномены, которые воспринимались индивидом как негативные. В частности, может присутствовать деление на категории «чистого» и «нечистого», как, например, в традиции индуизма. Однако «чистое» и «нечистое» не тождественны понятиям «добро» и «зло», для которых, особенно в абсолютной форме, существует четкое разграничение.

Отметим, что не только внутри мифа присутствует некий внутренний переизбыток энергии, который не позволяет ему оставаться в рамках своей (виртуальной) области и иметь свой «выход» в объективный мир, но и сам индивид, соприкасаясь с нуминозным, имеет внутреннюю необходимость его реализации. Отто Р. указывал, что феномен «совершенно иного» (нуминозного) будоражит, ведь он имеет опьяняющий эффект, который инициирует момент *misterium* [9, с. 48, 59]. Это внутренняя необходимость быть сопричастным к каким-то событиям и явлениям, реализация духовного и религиозного опыта, желание оказаться в той пространственно-временной точке, где существует творческая сверхъестественная сила. Такое приобщение носило не только характер внутреннего духовного устройства, но и распространялось на практические и социальные цели. При этом этиологический и телеологический приматы имеют свое обоснование в космогонии и космологии. Традиционный миф направлен на то, чтобы построить целостную картину мира, а также определить место в нем человека. Иными словами, некоторые мифологемы – это своеобразные рецептурные подсказки, каким образом человек может жить в мире, при этом как наиболее гармонично со всем мирозданием в целом, так и одновременно более безопасно и эффективно для него.

Стоит также отметить, что для мифа как феномена нуминозного не характерна абсолютная рационализация и формализация. Элиаде М. указывал, что у мифа нет какого-то четкого определения, так как невозможно дать дефиницию универсальности [10, с. 15]. Отто Р. отмечал, что нуминозное невозможно постичь разумом, любая формализация приводит к исчезновению нуминозного [9, с. 76, 222]. Этот момент «совершенно иного» не уничтожается, не разрушается, он просто ускользает от воспринимающего. Он как бы перестает быть «ощущаемым» для того, кто пытается подвергнуть его строгой, четкой и категоричной дефиниции, структуре и формализации.¹

---

¹ Такая критика формализованной мифологии присутствует у Юнга К. Г. [11, с. 11-12] и Элиаде М. [10, с. 11-12] и указывает на то, что содержание мифологии изменилось настолько, что может не иметь ничего общего с изначальным / первоначальным. Некоторые исследователи видят причину искажения феномена мифа в рамках парадигмы становления постмодернистской мысли и влияния социальных наук [12].

Миф, как семиотическая система, раскрывает определенное содержание и в последующем интегрирует ее в сознание индивида на основании нуминозного, а также его прикладного характера. Однако необходимо четко дифференцировать миф традиционный (в том числе, проявляющийся в форме «прорывов» мифологем у современного индивида, т. е. в новых адаптированных к современному объективному миру формах) и искусственную мифологию как таковую, то есть искусственную систему, направленную на становление (пропаганду) той или иной идеи, имеющей утилитарный и прагматичный характер. Жесткая бинарная оппозиция, в том числе общемифологическая (онтологическая), характерна для искусственной мифологии, в частности, для политической мифологизации, тогда как в традиционной такая категоричность и абсолютность отсутствует. Кроме того, стоит подчеркнуть, что в традиционном мифе человек рассматривается как творческий элемент (иногда мифология указывает на особое место индивида, его возможности господствовать над экзистенцией и т. д.). Индивид, несмотря на то что воспроизводит миф (как бы становится инструментом его инкарнирования), также является его активным и деятельным участником. Традиционный миф создает особое поле, в котором формируются индивидуальность и субъективность индивида. Искусственная мифология, в том числе и политическая мифологизация, рассматривает индивида лишь как элемент ее инициирования и воспроизводства, а также как инструмент реализации ее теологических и этиологических функций. В такой системе индивидуальность сводится к репликации унифицированной и секуляризированной формы (прототипа) личности для формирования индивида, который будет отвечать вышеуказанной системе.

Искусственная мифология, в том числе политическая, заимствует многие элементы структуры, методы воздействия, а также инструменты мифотворчества. В частности, заимствование имеет фрагментарный характер с последующим использованием в спекулятивных и прагматических целях, так как искусственная мифология инициирована с конкретной объективной целью индивида или группы для реализации своих потребностей и желаний.

Далее необходимо рассмотреть некоторые мифологемы современной политической мифологизации. Для современного мира характерна инициализация мифологемы «избранного братства». В частности, к данной категории относятся такие представители мирового сообщества, групп, обществ и отдельные индивиды, которые позиционируют свое объединение как особо сакральное, целью которого является поддержание гармонии и баланса в мире. Одной из характерных черт такого объединения является синдром «мученического братства». Вебер М. отмечал, что «всем членам общности спасительного толка присуще действительное и постоянно грозящее им внешнее и внутреннее страдание» [13, с. 13]. Симптомы данного «заболевания» ярко проявляются в современной Европе. Это параноидальное и маниакальное чувство постоянной угрозы, гипертрофированное ощущение отсутствия безопасности и защищенности, исходящее от тех элементов объективной реальности, которые не входят в состав «братства». При этом это чувство инициировано не только действительно негативными и деструктивными факторами и феноменами, но и теми, которые носят индифферентный или потенциально положительный характер.² Более того, даже диалог с тем членом мирового сообщества,

---

² Возможности остаются в состоянии потенции (энтелехии) только по причине страха, который искусственно культивирован в сознании членов мирового сообщества, а также определенных прагматических целей некоторых его представителей.

который не входит в «братство», несет в себе потенциальную угрозу и страдание, что подталкивает на формирование особого типа взаимоотношений (то есть внешнее позиционирование диалога, в действительности носящего лишь формальный характер³). Мифологический образ «Мессии» является центральным для такого «сакрального братства». Он – главный трансмиттер (рупор) политической мифологизации, гарант, инициатор этой искусственной системы, но в то же время и узурпатор, чьи репрессивные меры распространяются на любой феномен, не входящий в систему созданной мифологии.

Отметим, что для такого «братства» свойственно особое экзальтированное состояние. Это особое блаженное состояние сострадания всему миру, которое выходило за рамки общины и часто вступало в конфликт с мирскими аспектами. Подобное состояние особой эйфории присутствует и у «сакрального братства», так как именно эта группа осознает все «несовершенство» миропорядка, а также знает, каким он должен быть. «Братство» отдельных представителей мирового сообщества, опираясь на искусственную интегрированную идею страдания и пути ее преодоления⁴, задает определенный вектор развития всему мировому диалогу, однако неумолимо наталкивается на несогласие членов, не входящих в их союз. Для искусственной мифологизации в парадигме этики «сакрального братства» противоречие «земного» и «священного» отсутствует априори. Дело в том, что политика (политическая область) есть та сфера, в которой разворачивается мифология, становясь как бы рафинированной, экзистенциальной, в которой присутствует подобный функциональный бог в лице группы или одного представителя (например, образа «Мессии»). Также данная проблема может быть решена путем сублимации «функционирующего бога» в суперсессионизм, в результате функции переносятся на реальные объекты объективного мира. Это своеобразная эманация божественного, инкарнированного в определенной группе лиц (сообщество, общество, государство и т. д.) или отдельном индивиде.

В рамках мифологемы братства, кроме особого экзальтированного состояния, присутствует черта фанатизма. Бердяев Н. А. отмечал, что «фанатизм всегда происходит оттого, что часть принимают за целое, не хотят допустить движения к полноте» [14, с. 20-21]. Это свойственно такой парадигме мышления, в которой нет места ни объективному осмыслению, ни интериоризированному обращению к себе (некая субъективизация, аутентичность и т. д.). Главная тенденция в данном случае заключается в ревностном стремлении реализации принципов и положений искусственной мифологизации, в частности политической. Отметим, что особенно ревностно такая черта проявляется у неопитов того или иного религиозного братства (группы, религии и т. д.). В современном мире некоторые недавно принятые в «сакральное братство» особо яростно, а иногда и радикально, стремятся реализо-

---

³ Как правило, это связано с тем, что прямого противоречия нет, однако один из участников говорит не на языке искусственной мифологии, в частности, не следует тем нормам, тенденциям, положениям, которые она диктует. Поэтому такое «мифологическое недопонимание» приводит к определенному холодному противостоянию или игнорированию, так как отсутствует сакрализация искусственной мифологизации, инкарнированными формами которых является «братство», а также «Мессия» (лицо, группа или государство, являющиеся главами такого союза). Слово «Мессии» в рамках политической мифологизации является категоричной истиной, которое априори должно быть исполнено (оно, как слово мифа, имеет силу).

⁴ Путь преодоления – это тот алгоритм взаимодействий и действий каждого отдельного представителя мирового сообщества, который «одобрен» искусственной мифологией, являясь ее инкарнированной формой, проявляющейся через деятельность «сакрального братства».

вать его принципы⁵, которые являются репрезентацией положений политической мифологизации. Гоббс Т. указывал, что «преувеличение мнения об истинности вещи, оспариваемой другими, есть бешенство» [15, с. 52]. Такое отстаивание, как правило, сопровождается иррациональными рассуждениями, иногда драпированными в рациональные доводы и умозаключения, алогичностью, непоследовательностью, концепцией «двойных стандартов» и т. д. Такая форма ведения мирового диалога присуща некоторым представителям, в частности неوفитам «сакрального братства», особенно по отношению к тому, кто не входит в его состав или антагонистично противопоставлен (по причине отстаивания своей позиции, т. е. не следования вектору политической мифологизации).

Следующая мифологема, которая достаточно распространена в современном мире – это особый суперсессионизм (избранность) какой-либо группы (сообщества, общества, государства и т. д.) или отдельного индивида. Такое представление есть следствие искусственной мифологизации, в основе которой лежит обоснованное позиционирование собственной избранности. Обоснованиями такой черты являются следующие положения.

Во-первых, избранность Богом. Этот элемент вероучения присутствует в некоторых религиозных системах, например в иудаизме, христианстве и т. д. Концепция базируется на идее о том, что на определенную группу (народ) или индивида возложена божественная миссия, в частности, связанная с сотериологическими аспектами и хамартиологией. Идея избранности может присутствовать в открытой (явление крайне редкое, но имеет место в истории – например период «Крестовых походов» XI-XIII вв., инквизиция и т. д.) и закрытой (имманентной или энтелехиальной⁶) формах. В современной объективной реальности суперсессионизм в рамках искусственной мифологизации присутствует в закрытой форме, хотя некоторые носители данной мифологии могут непосредственно высказывать данную идею в открытую. Упоминание Бога может иметь текстуально опосредованное назначение, однако дискурсивно пронизывает весь контекст от самого начала до конца. Это апелляция к высшему (для многих верующих индивидов) институту – Богу, который одновременно является гарантом истинности излагаемого (речь, текст, призыв и т. д.), а также последующей легитимности действий на основании излагаемого. Богоизбранность – это особая мифологема, которая присутствует во многих искусственных мифологиях современного мира и затрагивает различные сферы: социальную, экономическую, эстетическую, нравственную (этическую) и т. д. Как правило, она применяется для поддержания той искусственной мифологии, которой она порождена. В рамках политической мифологизации данный миф используется для ретуширования прагматической этиологии и телеологии.

Во-вторых, нравственный долг. Как правило, такая форма избранности основана на мифологеме особой объективной моральности того или иного сообщества (группы, общества, государства и т. д.) или отдельной персоналии. Гусейнов А. А.

⁵ Отметим, что в своем ревностном стремлении защитить положения искусственной мифологии и особо отличаться они не только отказываются от своего суверенного положения (становясь лишь репликой этой системы), но и стремятся всячески оправдывать этими стремлениями любые действия. Часто историческое прошлое забывается и искажается в целях достижения этих целей.

⁶ Иными словами, идея эта присутствует, но не разворачивается, т. е. не имеет реализации теоретической (идеология) и практической (реализация).

указывает, что «моральные требования отличаются от всех других тем, что претендуют на безусловный категорический характер» [16, с. 692]. Такой носитель «истинной высшей морали» выделяется из основной массы, а его слова и действия позиционируются как реализация высших нравственных ценностей. Однако стоит отметить, что апелляция к морали может происходить также и в целях демагогического прикрытия негативного (деструктивного) поступка с целью скрыть истинное назначение определенного действия.

В-третьих, авторитет в результате экономического, политического или иного первенства (доминирования) в рамках мировых взаимоотношений. Стоит отметить, что авторитет – это всегда искусственная конструкция, построенная на основании возвышения или принижения чего-либо, иногда в атрофированной и гиперболической форме. Это лишь образ, «призрак», «идол», который отчужден от носителя. При этом внутреннее содержание авторитета часто дополняется компонентами, которые не только не присутствуют в носителе, но и могут иметь антагонистичный ему характер. Таким образом, авторитет не только не отражает истинного положения вещей, но и может быть искусственно создан с определенными целями, начиная с дискриминации кого-либо, кто является препятствием (оппонентом, конкурентом и т. д.) в достижении прагматических целей, заканчивая искусственным формированием «сакрального» образа, основанного лишь на мистификации и слепой вере в него. Внутреннее содержание такого образа также имеет утилитарный характер.

Еще одна распространенная мифологема современной политической мифологизации – «категорическая мораль» (или искусственная гипертрофированная морализация). Иными словами, те или иные действия, в том числе имеющие негативные последствия для того, на кого они направлены, оправдываются высокими моральными ценностями и мотивами. Чтобы придать жестокому насилию и репрессивным действиям (включая тотальный геноцид) легитимность, необходимо обратиться к нравственности как абсолютной доминанте. Однако обращение в данном случае идет не к морали как таковой, а скорее к ее искусственному суррогату, системе экономических и политических мотивов, которые не имеют ничего общего с нравственными основами. Радикальная морализация – это первый симптом того, что истинные мотивы индифферентны или антагонистичны морали. В частности, Бахтин М. М. указывал, что деньги могут стать мотивом поступка, построившего нравственную систему [17, с. 50]. Часто многие акты или системы строятся на идее социальных или духовно-нравственных перемен, развития и эволюции, однако в действительности во всем этом лежит примат материального благополучия. Мораль не является исключением. Дело в том, что ее кристаллизованная форма (от абсолютного характера и связи с индивидом) есть не что иное, как сублимированная материальная прагматика (богатство, роскошь, доступность ресурсов и т. д.).

Мифологема «категорической морали» – это продукт институционализации нравственности, то есть попытка трансформировать ее в юридический закон. Подобное стремление приводит в итоге к ее дисперсии и разрушению внутренней архитектоники [18]. Такая «мораль» не имеет свободы, и сама ее не предоставляет. У нее лишь служебная роль, а именно оправдание утилитарных и прагматических желаний того, кто инициирует искусственную мифологию.

Интересно, что в истории человечества мораль и насилие часто идут рядом. Большинство самых ужасных преступлений против человека и морали были совершены теми, кто свои поступки оправдывал категорией высшего морального долга и нравственными ценностями. На практике часто реализуется древняя мудрость: «победителей не судят». На политической арене оба противника нравственно индифферентны. Нет ни добра, ни зла, есть только желание двух политических персоналий. Эти нравственные дефиниции возникают лишь тогда, когда выявляется победитель. Особенно это актуально в том случае, когда существуют два равных друг другу противника. Если нет возможности уничтожить противника физической силой, его необходимо нейтрализовать иными способами. Нравственная дефиниция противника как зла – одно из средств, дабы медленно изолировать противника от других членов мирового сообщества, а в последующем добиться его внутренней дисперсии и разрушения.

Однако принцип «победителей не судят», как критерий истинности и справедливости, часто нуждается в изначальном подкреплении, особенно в тех случаях, когда методы и способы противны тем, кто может пресечь действия будущего «победителя». Таким стимулом служат спекулятивная мораль и многие другие абсолютные категории.⁷ Отметим, что данная мифологема часто инициируется в рамках действия мифа о «Мессии» и «Мировом демоне».⁸ В рамках политической мифологизации может приобретать форму религии. Мораль, как религиозная форма, становится абсурдной, обладающей внутренним противоречием, которое постепенно уничтожает ее. Применение антигуманных и бесчеловечных средств ради человеколюбия и гуманности; механизация индивидуальности и репликация (по одному типу) ради индивидуальной личности; толерантность, убивающая самоидентичность народа и индивида; насилие как метод истинного мира и т. д. – это и многое другое является симптомами отсутствия морали и наличия лишь ее спекулятивного суррогата. Морализаторство, кроме того, что определяет легитимность того или иного действия, также стоит на позиции защиты политической мифологизации и укрепления «веры» индивида в ее истинность.

Отметим, что у «категорической морали» есть один яркий признак – это освещенность в информационном пространстве. Нравственность в политике становится внешним стилем, лишь позиционированием, которое ретуширует истинные причины и подкрепляет легитимность. Создание особого нравственного авторитета, о котором заявляется во всеуслышание, является одной из важнейших целей главы мирового сообщества («Мессии»). Однако это лишь внешний мимесис, то есть лишь заимствование внешних форм морали, но не следование ее основным принципам. Ярким примером является «двойная мораль» («двойные стандарты») в области нравственного отношения и поведения. Иными словами, есть категория онтологических единиц (группа, государство или личность), к которым нравствен-

⁷ Кроме морали, в качестве катализаторов могут служить религия или понятие святости (нуминозного). Таким образом, «мораль», «религиозность», «святость» – это те термины, которыми чаще всего спекулируют в рамках мировых отношений, стараясь скрыть истинные прагматические (экономические и политические) цели.

⁸ Две антагонистические персоналии в рамках искусственной мифологизации мировых отношений. «Мессия» – это «особый», «избранный» член мирового сообщества, на которого возложена миссия «Мирового судьи», «Защитника» и т. д. Иными словами, это тот, кто имеет лидирующее положение в политике. «Мировой демон» – фигура, которая может символизировать как нечто абстрактное, так и конкретное (государство, группа, сообщество), которая олицетворяет все самое негативное и деструктивное, нарушающее порядок и гармонию. Часто ему придается статус мирового изгоя, стараются ограничить его экономическую и политическую свободу, налагают запреты на деятельность.

ные принципы не применяются. В отношении них все их безнравственное отношение позиционируется как высшее проявление морали. Более того, для людей характерно осуждать в других то, что они считают заслуживающим одобрения в них самих, и публично хвалить то, что в душе презирают [19, с. 35]. Это характерно для всех членов мирового сообщества, в частности «избранного братства», как правило, ввиду искусственного авторитета руководителя («Мессии») и ввиду аффективного восприятия экзистенции (ввиду страха, злобы, надежды и т. д.). Рационального примата в таком положении нет, однако отдельные представители могут иметь такую нравственную спекулятивную позицию из прагматических целей.

Стоит отметить, что аморальность, как и нелегитимные (внеправовые) поступки, являются неотъемлемой частью политических взаимоотношений. Мертон Р. указывал, что в социуме существует определенный конфликт, который состоит в том, что человек считает себя морально обязанным придерживаться тех способов и методов, которые законно установлены в достижении желаемого (или того, что требует от него общество), и ситуации, при которой лишь незаконные и аморальные способы являются эффективными для достижения цели [20, с. 32]. Такое положение вещей вызывает ситуацию, при которой индивид оптимальными и эффективными инструментами почитает именно незаконные способы для того, чтобы овладеть доминирующими ценностями. Поэтому несомненно, что некоторые субъекты мирового сообщества в рамках политического мирового взаимоотношения способны прибегнуть к использованию незаконных и аморальных методов, способов и инструментов для достижения необходимых целей. Морализаторство – это лишь прививка от зла и несправедливости. Самое аморальное и несправедливое всегда драпируется в «положения морали», дабы у большинства не возникало нравственного конфликта, который может привести к развенчиванию искусственной мифологии, и в политической сфере в частности.

Заключение. Подводя итоги, стоит указать, что данные мифологии являются лишь некоторыми из большого количества производимых и распространяемых в рамках международных отношений. В данной работе было стремление выявить, структурировать и смоделировать общий каркас, тенденции и специфику формирования подобных мифологий. Несомненно, что вышеуказанные мифологии имеют множество инвариаций в зависимости от различных факторов: специфики построения, особенности субъекта и объекта, этиологии, телеологии, инструментов интеграции и т. д. Политическую мифологию невозможно назвать мифологией в собственном смысле этого слова, так как она не обладает ни качествами, ни внутренним содержанием традиционного мифа. Она лишь заимствует у последнего то, что может иметь прикладной характер, и позволяет выполнять определенные задачи, которые перед ней поставлены. Для реализации своих целей политическая мифология инициирует редукцию и деформацию многих феноменов, которые в последующем служат механизмами легитимизации и маскировки. Такие понятия, как «священное» (сакральное) и «нравственное», являются лишь фикцией, и не имеют ничего общего с данными явлениями. Однако именно благодаря внешней, формальной сопричастности с ними, политическая мифологема успешно интегрируется в сознание индивидов, обуславливая выработку необходимых ей ценностей, отношения и поведения. Как определенные катализаторы и ингибиторы, данные мифологемы позволяют регулировать как внешнеполитические отношения, так и

внутреннюю политику определенного общества. Они позволяют совершать подмену ценностей, освещать все прагматическое и придавать правовую и нравственную легитимность поведению / отношению, носящих иррациональный и деструктивный характер, даже тех, кто содействует и поддерживает (а иногда и иницирует) сферу политической мифологизации.

Список литературы

1. Leeming D. A. *Modern Mythology* // *Encyclopedia of Psychology and Religion*. Cham, CH: Springer. 2020. Pp. 1496–1498. DOI: 10.1007/978-3-030-24348-7_9025
2. Kachurova S., Kachurov E., Pokhodzilo Y. Methodological myth of modern actional war actors // *Advances in Law and innovations*. 2021. Vol. 2. Iss. 34. Pp. 96–104. DOI: [https://doi.org/10.37772/2518-1718-2021-2\(34\)-12](https://doi.org/10.37772/2518-1718-2021-2(34)-12)
3. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
4. Morin A. *The Myth of Modernity*. In *Crafting Turkish National Identity, 1919–1927*. Oxford, UK: Routledge. 2021. Pp. 141–154. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003152354-10>
5. Zelykovsky A. Structure, Properties and Functions of Political Myth // *Advances in Logos et Praxis*, 2019. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.2>
6. Ponizovkina I. *Social Myth in Modern Society* // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2017. Vol. 40. Pp. 648–653. DOI: 10.2991/icelaic-16.2017.158
7. Flood C. *Political Myth*. New York NY: Routledge. 2013. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203952825>
8. Segal R. A. *On Myth as Ideology* // *In Myth Analyzed*. London, UK: Routledge. 2020. Pp. 154–168. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429273537-10>
9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 272 с.
10. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 251 с.
11. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Port-Royal, 1997. 384 с.
12. Wolin S. S. *Postmodern Politics and the Absence of Myth* // *In Fugitive Democracy: And Other Essays* (by Sheldon S. Wolin and Nicholas Xenos). 2016. Pp. 334–347. Princeton, NJ: University Press. DOI: <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691133645.003.0016>
13. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
14. Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (дата обращения: 12.02.2022).
15. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
16. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 840 с.
17. Бахтин М. М. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1* / под. ред. С. Г. Бочаров, Н. И. Николаев. М.: Русские словари, 2003. 957 с.
18. Петев Н. И. Вопрос институционализации морали // *Личность и общество: нравственная идея в ценностном мире современного человека: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Мокроносовские чтения–2017»* (Екатеринбург, 25 ноября 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 135–140.
19. Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине*. Минск: Харвест, 2001. 304 с.
20. Мертон Р. *Вызов демона антисоциального поведения // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. М.: Алгоритм, 2009. С. 23–40.

Авторская справка

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия.

E-mail: cyanideemo@mail.ru

UDC 16+130.2/111+165

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.37

SOME MYTHOLOGEMES AND ARTIFICIAL REALITIES IN THE FRAMEWORK OF CONSTRUCTING THE SPACE OF POLITICAL MYTHOLOGIZATION

N. I. Petev

Vladimir state University, Vladimir (Russia)

Introduction. The paradox of the modern world lies in the fact that, thanks to the achievements of science and technology, a person moves away / separates from the sphere of the actual mythological and religious, but at the same time he is looking for more and more new forms of sublimation of the need for participation in the phenomena of this area. An artificial myth is an excellent instrument of influence, which in international relations can be more effective than direct and brute force. This indirect influence and a kind of anonymity (although, in fact, the author is always known) also provides security, minimizing the risk of actual conflict. As a tool, artificial mythologization, in particular political mythology, has a wide range of applications for constructing the socio-political «reality» necessary for certain purposes.

Methods. Dialectical, comparative, analytical and ethical methods of analysis are used in this work. In addition, elements of religious and psychological approaches were used, as well as the method of mental modeling. This set of methods and approaches makes it possible to study in detail and consistently the phenomenon of political mythologization, as well as to reveal the ideological content of a number of mythologemes (for example, the myth of the «chosen brotherhood», supersessionism, categorical morality, etc.).

Results. As a result of this study, the author comes to the following conclusions. The borrowing of elements of the traditional myth by artificial mythology is revealed, however, not in its pure form, but in a modified one for certain purposes. The mythologeme of the «chosen brotherhood» initiates a special state, weighed down by feelings of anxiety, danger and martyrdom. A special «sacred» feeling of the above characteristics of «objective reality» allows you to form a dialogue on the world stage, which has a speculative, propagandistic and pragmatic character. The «Brotherhood» is in a special exalted state, approaching in its features to fanaticism. Within the framework of this mythologeme, antagonistic phenomena merge together: the provisions of the "ethics of brotherhood" and the values of the worldly world. The myth of supersessionism, i.e. about the special chosenness of an individual, group or state within the framework of world relations. Several provisions have been identified that can justify the assertion (self-affirmation) of such a status: 1. The idea of being chosen by God; 2. Justification by moral duty; 3. Creation of special authority on the basis of superiority in any area (economic, military, etc.). The paper analyzes the mythologeme of categorical morality of political mythology, which does not have a proper moral primacy, but serves only to drape/bring a positive assessment of immoral actions, as well as assert their legitimacy. Morality in this state of affairs is only an external style that requires general publicity.

Conclusion. Summing up, it is worth pointing out that these mythologies are only a few that are distributed within the framework of international relations. This work sought to identify, structure and model the general framework, trends and specifics of the formation of such artificial mythologies. They take from the phenomenon of the traditional myth what can be of an applied nature, and allows them to perform certain tasks that are set before them. Such concepts as «sacred» and «moral» are only a fiction, and have nothing to do with these phenomena, and are only tools of influence. As certain catalysts and inhibitors, these mythologemes make it possible to regulate both foreign policy relations and the internal policy of a certain society.

Keywords: Political mythologization; "chosen brotherhood"; ethics, supersessionism; "categorical morality"; traditional myth; pragmatism; speculation.

References

1. Leeming D. A. Modern Mythology. In Encyclopedia of Psychology and Religion. Cham, CH: Springer. 2020. Pp. 1496–1498. DOI: 10.1007/978-3-030-24348-7_9025

2. Kachurova S., Kachurov E., Pokhodzilo Y. Methodological Myth of Modern Actional War Actors. *Advances in Law and innovations*, 2020. Vol. 2. Iss. 34. Pp. 96–104. DOI: [https://doi.org/10.37772/2518-1718-2021-2\(34\)-12](https://doi.org/10.37772/2518-1718-2021-2(34)-12)
3. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 351 p. (In Russian).
4. Morin A. The myth of modernity. In *Crafting Turkish National Identity, 1919–1927*. 2021. Pp. 141–154. Oxford, UKJ: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003152354-10>
5. Zelykovsky A. Structure, Properties and Functions of Political Myth. *Advances in Logos et Praxis*, 2019. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.2>
6. Ponizovkina I. Social Myth in Modern Society. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2017. Vol. 40. Pp. 648–653. DOI: [10.2991/icelaic-16.2017.158](https://doi.org/10.2991/icelaic-16.2017.158)
7. Flood C. *Political Myth*. New York NY: Routledge. 2013. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203952825>
8. Segal R. A. On Myth as Ideology. In *Myth Analyzed*. 2020. Pp. 154–168. London, UKI: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429273537-10>
9. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. Trans. by A. M. Rutkevich. Saint Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2008. 272 pp. (In Russian).
10. Ehliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 251 p. (In Russian).
11. Iung K. G. *Dusha i mif. Shest' arkhетипов* [Soul and myth. Six archetypes]. Moscow, Port-Royal Publ., 1997. 384 p. (In Russian).
12. Wolin S. S. Postmodern Politics and the Absence of Myth. In *Fugitive Democracy: And Other Essays* (by Sheldon S. Wolin and Nicholas Xenos). 2016. Pp. 334–347. Princeton, NJ: University Press. DOI: <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691133645.003.0016>
13. Veber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow, Iurist Publ., 1994. 704 p. (In Russian).
14. Berdyaev N. A. *Istina i otkrovenie* [Truth and revelation]. Saint Petersburg: Russian Christian humanitarian Institute Publ., 1996. Available at: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1947_043_00.html (accessed 12.02.2022). (In Russian).
15. Gobbs T. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p. (In Russian).
16. Guseinov A. A. *Filosofia – mysl' i postupok: stat'i, doklady, lektsii, interv'iu* [Philosophy – thought and deed: articles, reports, lectures, interviews]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2012. 840 p. (In Russian).
17. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 1* [Collected works in 7 volumes. Vol. 1]. Ed. by S. G. Bocharov, N. I. Nikolaev. Moscow, Russkie slovari Publ., 2003. 957 p. (In Russian).
18. Petev N. I. *Vopros institutsionalizatsii morali* [The question of the institutionalization of morality]. In *Lichnost' i obshchestvo: нравственная идея в тесном мире современного человека* [Personality and society: a moral idea in the value world of modern man]. *Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Mokronosovskie chteniia–2017»* [Proc. of the All-Russian scientific and practical conference with international participation "Mokronos Readings–2017"]. Yekaterinburg, UrFU Publ., 2017. Pp. 135–140. (In Russian).
19. Gobbs T. *Filosofskie osnovaniia ucheniia o grazhdanine* [Philosophical Foundations of the Doctrine of the Citizen]. Minsk, Kharvest Publ., 2001. 304 p. (In Russian).
20. Merton R. *Vyzov demona antisotsial'nogo povedeniia* [Summoning the demon of antisocial behavior]. In: *Krizis soznaniia: sbornik rabot po «filosofii krizisa»* [Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»]. Moscow, Algorithm Publ., 2009. Pp. 23–40. (In Russian).

Author's bio

PETEY Nikolay Ivanovich – PhD candidate (candidate of philosophy), associate professor of the department, Vladimir state University, Vladimir, Russia.
E-mail: cyanideemo@mail.ru

Библиографическая ссылка

Петев Н. И. Некоторые мифологемы и искусственные реалии в рамках построения пространства политической мифологизации // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 3 (31). С. 37–49. DOI: [10.25686/2410-0773.2022.3.37](https://doi.org/10.25686/2410-0773.2022.3.37)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 124.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.50

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САМООРГАНИЗАЦИЯ

К. Э. Бурнашев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Данная статья посвящена проблемам, связанным с социальным управлением в современном обществе. Важное внимание уделяется анализу процессов самоорганизации социальных систем. Рассматриваются перспективы синергетического подхода в управлении сложными социальными системами, его преимущества и недостатки как методологии познания. Значительное внимание уделяется социальным технологиям как инструментам управления обществом.

Методы. В качестве основных методов познания используется системный подход, который позволяет рассматривать объекты в их целостности и взаимосвязи, а также синергетический подход, дающий возможность подробно проанализировать и изучить явления самоорганизации в сложных социальных системах.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Синергетический подход позволяет выработать новое понимание социального управления, которое основано на понятиях самоорганизации, открытых систем, нелинейности, необратимости, бифуркационности, важной роли случайности, малых воздействий (флуктуаций) в социальных процессах и явлениях. Суть синергетического управления заключается в признании за сложными самоорганизующимися системами, каковыми, безусловно, являются общество в целом и каждая из его подсистем в частности, способности к самоструктурированию и самоподстраиванию.

Заключение. В качестве итога проведенного исследования можно констатировать, что учет механизмов самоорганизации сложных социальных систем позволяет сделать процесс управления ими более эффективным и предсказуемым. В качестве основных инструментов современного социального управления должны выступать социальные технологии.

Ключевые слова: общество; социальное управление; самоорганизация; социальные технологии.

Введение. Социальное управление – важная проблема социально-философского знания и практики. Теория самоорганизации в социальном управлении – динамически развивающаяся в современной науке и практике область знаний, имеющая множество направлений исследования, каждому из которых соответствует определенная область научных интересов: «многомерный диалог» (С. М. Каган), «резонансное воздействие» (С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева, И. Аглиуллин), «акупунктурное» управление (А. Б. Венгеров), учет «системных параметров» (О. Ф. Шабров), «критические пороги социальных систем» (А. Ахиезер, Г. Гольц) и др. Все они детально были исследованы в работах В. П. Шалаева [9; 10].

Методы. В качестве основного метода познания используется системный подход, который позволяет рассматривать объекты в их целостности и взаимосвязи. Современный этап развития системного подхода неразрывно связан с синергетикой – теорией самоорганизации сложных систем различной природы. Именно системно-синергетический подход дает возможность подробно проанализировать и изучить явления самоорганизации в управлении сложными социальными системами.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Новая концепция управления, постановку которой осуществляет теория самоорганизации, основывается на понятиях самоорганизации, открытых систем, нелинейности, необратимости, бифуркационности, важной роли случайности, малых воздействий (флуктуаций) в социальных процессах и явлениях. *Суть синергетического управления заключается в признании за сложными самоорганизующимися системами, каковыми, безусловно, являются общество в целом и каждая из его подсистем в частности, способности к самоструктурированию и самоподстраиванию.*

В основе данного подхода лежит механизм резонансных воздействий на нелинейную среду, в ходе развития которой всегда существуют определенные параметры, в рамках которых система особенно чувствительна к малым флуктуациям, воздействиям, согласующимся с ее внутренней структурой и способным привести к большим последствиям.

В свете теории о самоорганизации сложных систем резонансное воздействие означает не важность величины управляющего воздействия на систему, а его правильную организацию, то есть согласованность воздействия с внутренними качествами и свойствами данной системы; его топология, управление обществом сводятся к поиску резонансных зон, где величина результата определяется не силой воздействия, а согласованностью его с внутренними свойствами системы.

Именно таким согласованным должен быть способ управления функционированием и развитием социальных систем. С точки зрения теории самоорганизации в строении любой социальной системы есть слабые места, определенные области, воздействие на которые вызывает наибольшие последствия. Поэтому особенности дестабилизации социальных систем зависят не столько от специфики внешнего воздействия, сколько от устройства самой системы [9; 10].

Для управления сложными социальными системами чрезвычайно важным является знание системных параметров как важнейших параметров стабильности. Приближение таких параметров к предельно допустимым приводит систему к кризису. В такой ситуации функционирование и дальнейшее развитие системы оказывается под угрозой. В то же время, зная эти параметры, влияя на них, возможно достичь и динамического равновесия, гомеостазиса системы со средой.

Таким образом, чрезвычайно важным для синергетического управления сложными динамическими социальными системами является определение их критических порогов. Для выхода из ситуации пороговости, кризисности, бифуркационности у данных систем существуют три возможных направления потенциального развития, аттрактора:

1) самоорганизация и выживание посредством выхода системы на новый аттрактор, более сложный виток своего развития;

2) энтропия и гибель;

3) балансирование на грани порога необратимости, опирающееся на способность общества удерживаться на краю катастрофы. Резонансное, акупунктурное, точечное, топологически выверенное воздействие – не самоцель синергетического управления. Цель в другом – управлять с учетом не только качеств системы, но и ее важнейших, глубинных целей, тенденций развития. Идти против природы явления, против внутренней структуры системы, в этом смысле значит идти к утопии разумного управляющего действия, его антиподу, который способен разрушить саму управляемую систему, прийти к неразрешимому противоречию с ней или привести к фиаско управления со стороны системы управляющей, то есть привести ее к несостоятельности.

Теория самоорганизации постулирует тот факт, что необходимо не столько управлять, сколько выводить социальные системы на собственные пути развития, таким образом, управление приобретает характер *самоуправления* [9; 10]. Ряд ученых, занимающихся данной проблематикой, считает, что возможно вообще избежать бифуркационной стратегии развития, подчеркивая наличие объективных возможностей осуществления плавного процесса развития, не имеющего точек бифуркации, посредством правильной организации управленческого воздействия на систему, разработки соответствующих антибифуркационных, антикризисных технологий социального управления [11; 12; 13].

Перспективным инструментом современного социального управления, но еще в полной мере не освоенным, являются социальные технологии, рассмотренные выше. Именно они представляют собой фактор, способный привести в резонанс глобальную социальную систему посредством топологически выверенных воздействий. На наш взгляд, наиболее актуально и эвристично рассматривать феномен социальных технологий в контексте новой теоретико-методологической парадигмы исследования – теории самоорганизации (синергетики). Синергетический подход к проблеме социальных технологий вызван к жизни необходимостью состыковать воедино комплекс методологических принципов социологии и синергетики. В данном контексте:

- общество рассматривается в органическом единстве с природой, в динамике коэволюционного развития с ней, развития, где отвергается ранее бытовавшая завоевательская, потребительская политика человека по отношению к природе и постулируется их совместная эволюция. В данной ситуации именно человек должен подстраиваться под природу, чувствовать себя ее составной частью, а не покорителем;

- признается возможность экстраполяции на общество теоретико-методологических положений синергетики, в частности закономерностей самоорганизации в открытых нелинейных системах и диссипативных процессах, характеризующих механизмы образования порядка из хаоса;

- анализ динамических состояний социальных систем опирается на принципы нелинейного мышления с использованием бифуркационных моделей развития и соответствующих показателей;

- разрабатываются процедуры эмпирической проверки методами социологии и с помощью ее инструментария перспективных идей и гипотез общественного развития, основанных на синергетическом мировидении и нелинейном мышлении.

Синергетический подход к разработке социальных технологий означает использование в диагностике и прогнозировании общественных явлений и процессов качественно новых измерений, когда за основу анализа принимаются показатели открытости или закрытости системы, ее стабильности или неустойчивости, линейности или нелинейности, преобладания в ней порядка или хаоса, способности к самоорганизации и т. п.

Разработку общей концепции технологизации социального пространства в свете синергетики, по мнению В. И. Иванова и В. Н. Патрушева, следует вести в трех направлениях:

- 1) горизонтальном (пространственном) направлении социологии – ограниченность рамками одной социальной системы – человеческой цивилизации;
- 2) вертикальном (масштабном) направлении – в плане иерархической бесконечности структурных уровней самоорганизации социальных систем;
- 3) третье измерение составляет социальное время [1].

Данная трехмерная количественно-качественная развертка содержания синергетической парадигмы может использоваться, по мнению ученых, для построения многоуровневой модели технологизации социального пространства. Каждый структурный уровень самоорганизации социальной материи представляет собой открытую систему, которая непрерывно обменивается веществом, энергией и информацией с другими уровнями. Основным полем для такого обмена является межуровневый потенциал, где за счет этого накапливаются неравновесные состояния интеллектуального, инновационного и иных потенциалов и неустойчивость составляющих его структур. Возникает тот самый хаос, в котором различные флуктуации, малые воздействия создают условия для возникновения новой иерархии самоорганизующихся систем. Неравновесные состояния социальной системы и флуктуации подводят ее к точке бифуркации, когда она:

- за счет усиления дезорганизации начнет разлагаться;
- вследствие возникновения кооперативных процессов войдет в режим самоорганизации.

В первом случае социальная система деградирует и переходит на более низкий уровень организации, в разряд менее развитых – деиерархизация; во втором – она поднимется вверх по вертикали на более высокий структурный уровень самоорганизации – иерархизация. Развитие предполагает нарушение равновесия между этими двумя постоянными и бесконечными тенденциями в пользу второй. Оно представляет собой результат антиэнтропийной эволюции самоорганизации социальных систем, накопление таких количественных и качественных изменений, которые обеспечивают устойчивость социальной системы [2].

Сегодня, впервые в истории человечества, социальные технологии приобрели статус синергетического фактора общественного развития, возможность привести в резонанс глобальную социальную систему, общество в целом. Эти возможности в первую очередь связаны с достижениями информатизации, формированием единой глобальной информационно-коммуникационной системы, позволяющей многократно ретранслировать,

усиливать за счет разнообразных интерпретаций даже единичный информационный импульс, если он обладает необходимым потенциалом. Синергетический потенциал социальных технологий дает дополнительные возможности системе социального управления. Именно за счет внедрения социальных технологий возможно получить максимальный результат при наименьших затратах.

Синергетический эффект социальных технологий достигается благодаря созданию глобальной информационной сети, позволяющей транслировать всему мировому сообществу малый сигнал. При создании социальных технологий ученые, с одной стороны, должны опираться на эффективность развития глобальных процессов современного мира (развитие средств коммуникации, информации; компьютеризацию; научную практику; рост взаимозависимости различных сфер общественной жизни и т. п.), а с другой стороны, на учет специфики национально-культурного развития населения, региональных особенностей образа жизни людей, общественных организаций, традиций взаимодействия в исторически определенных социокультурных условиях.

С точки зрения теории самоорганизации (синергетики) важнейшей задачей социальных технологий является выявление закономерностей оптимальной самоорганизации и управления социально-экономическими процессами, использование их с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей. Суть социальных технологий в свете теории самоорганизации – это не просто система методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы с целью получения оптимального социального результата при наименьших управленческих издержках, а методы, руководствующиеся принципом «не навреди». В данном контексте, по мнению В. П. Шалаева, социальные технологии могут выступать как технологии антикризисного управления, которые основываются на синергетической методологии восприятия мира в его глубоко системном самоорганизующемся виде. С точки зрения синергетики социальная технология «...есть способ гармонизации уровней социального пространства, обработки, улучшения социального поля, на котором происходит социализация индивида» [9, с. 82].

Заключение. В контексте теории о самоорганизации сложных систем социальные технологии выступают как интеллектуальный наукоемкий ресурс, призванный в современных сложных условиях оптимизировать и гармонизировать отношения в обществе, помочь выходу из кризисных ситуаций. Учитывая то, что с точки зрения синергетики общество – это открытая, сверхсложная, самоорганизующаяся, нелинейно развивающаяся, диссипативная система, достигающая своего динамического равновесия с окружающей средой посредством обмена с ней веществом, энергией и информацией, необходимо заметить, что в кризисных ситуациях, в момент бифуркации, решающую роль играют малые воздействия – флуктуации, умеющие в одних условиях привести к гибели системы, в других, напротив, вывести ее на новый, более сложный уровень развития.

Именно в момент бифуркации, наибольшего напряжения социальной системы, социальные технологии могут выступить своего рода флуктуацией, но не случайным малым воздействием, а контролируемым, прогнозируемым, позитивным,

способным вызвать резонанс в социальной системе и способствовать ее выводу на новый, более сложный виток развития, новый аттрактор эволюции [11; 12; 13]. Как представляется, в современном мире востребованность синергетики социальных технологий и управления, оперирующей образами сложности, самоорганизации, акупунктурного управления, будет только усиливаться.

Список литературы

1. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии. М., 1999.
2. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2014. 327 с.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.
4. Котельников Г. А. Социально-синергетический подход к разработке социальных технологий // Российский журнал социальной работы. 1995. № 2.
5. Мысин Н. В. Теория социального управления. СПб.: Лань, 2014. 210 с.
6. Оганян К. М., Бразевич С. С., Войцеховский С. Н. Социальные технологии и современное общество. СПб.: СПбГИЭУ, 2008. 578 с.
7. Слепенков И. М., Аверин Ю. П. Основы теории социального управления. М.: Наука, 2011. 168 с.
8. Социальный менеджмент: курс лекций / под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева. М., 1998.
9. Шалаев В. П. Синергетика, общество, природа: управленческий аспект. Йошкар-Ола, 2000.
10. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализованном мире: метаморфозы, вызовы и перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
11. Шалаев В. П. Синергетика социального управления: Учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. 260 с.
12. Шалаев В. П. Система «Человек – Человек»: новые вызовы и старые проблемы (несколько слов о человеческой сущности): синергетический подход // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. 2014. № 5. С. 73-77.
13. Шалаев В. П. Управление как философско-синергетическая проблема: в поисках новой парадигмы // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. 2013. № 5. С. 67-72.

Авторская справка

БУРНАШЕВ Константин Эдуардович – кандидат философских наук, доцент Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: burnashevke@mail.ru

UDC 124.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.50

SOCIAL MANAGEMENT AND SELF-ORGANIZATION

K. E. Burnashev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. This article is devoted to the problems associated with social management in modern society. Important attention is paid to the analysis of the processes of self-organization of social systems. The prospects of the synergetic approach in the management of complex social systems, its advantages and disadvantages as a cognitive methodology are considered. Considerable attention is paid to social technologies as social management tools.

Methods. The system approach is used as the main methods of cognition, which allows to consider objects in their integrity and interconnection. Synergetic approach is used, which gives an opportunity to analyze and study in detail the phenomena of self-organization in complex social systems.

Results. The synergetic approach allows to develop a new understanding of social management. Which is based on the concepts of self-organization, open systems, non-linearity, irreversibility, bifurcation, the important role of randomness, small impacts (fluctuations) in social processes and phenomena. The essence of synergetic management is to recognize the ability of complex self-organizing systems, which is certainly the society as a whole and each of its subsystems in particular, to self-structuring and self-adjustment.

Conclusion. As a result of the study it can be stated that taking into account the mechanisms of self-organization of complex social systems can make the process of managing them more effective and predictable. The main tools of modern social management should be social technologies.

Keywords: society; social management; self-organization; social technologies.

References

1. Ivanov V. N., Patrushev V. I. Social technologies. Moscow, 1999.
2. Ivanov V. N., Patrushev V. I. Innovative Social Technologies of State and Municipal Management. Moscow, Economics, 2014. 327 c.
3. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow, 1994.
4. Kotelnikov G. A. Social-synergetic approach to the development of social technologies. Russian Journal of Social Work. 1995. № 2.
5. Mysin N. V. Theory of Social Management. Saint Petersburg, Lan', 2014. 210 c.
6. Oganyan K. M., Brazsvich S. S., Voytsekhovskiy S. N. Social technologies and modern society. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance, 2008. 578 c.
7. Slepnev I. M., Averin Y. P. Fundamentals of Social Management Theory. Moscow, Nauka, 2011. 168 c.
8. Social Management: a Course of Lectures / ed. ed. by V. N. Ivanov, V. I. Patrushev. Moscow, 1998.
9. Shalaev V. P. Synergetics, society, nature: management aspect. Yoshkar-Ola, 2000.
10. Shalaev V. P. Man and society in the globalized world: metamorphosis, challenges and prospects. Yoshkar-Ola, PSTU, 2015. 288 c.
11. Shalaev V. P. Sinergetika sotsial'nogo upravleniya: Uchebnoe posobie [Synergetics of social management: A textbook]. Yoshkar-Ola: MarGTU, 2005. 260 p.
12. Shalaev V. P. Sistema «Chelovek – Chelovek»: novye vyzovy i starye problemy (neskol'ko slov o chelovecheskoy sushchnosti): sinergeticheskiy podkhod [The "Man – Man" system: new challenges and old problems (a few words about the human essence): synergetic approach] // Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filologiya, filologiya. 2014. № 5. Pp. 73-77.
13. Shalaev V. P. Upravlenie kak filosofsko-sinergeticheskaya problema: v poiskakh novoy paradigmy [Management as a philosophical and synergetic problem: in search of a new paradigm] // Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filologiya, filologiya. 2013. № 5. Pp. 67-72.

Author's Bio

BURNASHEV Konstantin Eduardovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: burnashevke@mail.ru

Библиографическая ссылка

Бурнашев К. Э. Социальное управление и самоорганизация // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 50–56. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.50

УДК 316.733

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.57

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

М. Н. Желизнык

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Представления молодежи о герое нашего времени отражают происходящие социокультурные процессы в стране. Это своеобразный барометр ценностных стандартов, социальный навигатор, фиксирующий координаты в социальном пространстве. *Цель* данной статьи – на основе пилотажного исследования, проведенного среди молодежи Ленинградской области в 2021 году, определить, как молодежь интерпретирует понятие «герой нашего времени» и кого считает героями современности сегодня.

Методы. Пилотажное исследование проведено методом фокус-групп, что позволило выявить смыслы и значения, инкорпорированные в понятие героя нашего времени в представлениях молодежи. Сделано открытое кодирование полученных данных, благодаря чему определены категории (герой как культурный образец эпохи, герой в исходном значении слова, герой как достижение и др.), вкладываемые молодежью в понятие героя нашего времени, выделены типы героев («повседневные герои», герои-селебрити, герои-спортсмены и др.). Сделан контент-анализ индуктивного типа с целью определения количества молодежи, не назвавшей героев нашего времени.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализ полученных эмпирических данных свидетельствует о том, что понятие «герой нашего времени» знакомо молодым людям, но не характерно для них, не используется в молодежной среде. Данное понятие становится зонтичным, к его хрестоматийному значению (культурный образец эпохи) добавляются новые смыслы и дискурсы. Определяя героев нашего времени, молодежь говорит о кумирах, авторитетах, значимых людях, ролевых моделях, а также о героях как объектах потребления. В зависимости от значения, которое вкладывается в понятие «герой нашего времени», изменяется корпус лексики информантов.

Заключение. Понимание молодежью ее этических и аксиологических стандартов невозможно без изучения ее ориентиров, социальных координат, в частности героев и героев нашего времени. Проведенное пилотажное исследование показывает палитру представлений молодежи о героях нашего времени, многообразие смыслов, инкорпорированных в это понятие сегодня.

Ключевые слова: концепт героя; концепт героя нашего времени; структура понятия; структура представлений о герое нашего времени; молодежь.

Введение. Кто он – герой нашего времени? Как его определяет молодежь? Какие ценности, смыслы, значения инкорпорированы в это понятие сегодня?

Понятие «герой нашего времени» появилось благодаря М. Ю. Лермонтову, но исследователи (поэт пушкинской эпохи, критик П. А. Плетнев, литературовед Ю. М. Лотман) указывают, что на писателя сильное влияние оказал роман Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени», главы которого были опубликованы в 1802-1803 гг. в журнале «Вестник Европы». В этом произведении, по мнению Ю. М. Лотмана, автор «исходит из идеи доброго ребенка, воплощающего в себе прекрасные возможности человека» [1, с. 475]. Напротив, М. Ю. Лермонтов в предисловии к своему роману так объясняет актуализированное им понятие: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» [2]. Поэт гово-

рит о собирательном образе, культурном образце эпохи, репрезентирующим ее этический и аксиологический стандарты.

Вместе с тем понятие «герой нашего времени» входит в структуру концепта «герой», которое, начиная с античности, эволюционировало и продолжает эволюционировать сегодня. Рассмотрим все по порядку и прежде всего обратимся к лексическому значению слова «герой».

В словаре С. И. Ожегова указано несколько значений: во-первых, герой – это «человек, совершающий подвиги, необычные по своей храбрости, доблести, самопожертвованию»; во-вторых – «главное действующее лицо литературного произведения»; в-третьих – «человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды» (герой нашего времени); в-четвертых – «тот, кто привлек к себе внимание» (чаще тот, кто вызывает восхищение, подражание, удивление) [3]. Исходным, денотативным значением считается первое.

В. Ю. Апресян в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», ориентированного на отражение языковой картины мира, также говорит о четырех значениях слова «герой». Доминантным значением является следующее: герой – «человек, проявивший исключительную храбрость в своем действии или поведении, нужном и важном для других людей и связанном с риском для жизни» [4, с. 578]. Но нас в первую очередь интересует второе значение, выделенное лингвистом, герой – это «человек, вызывающий у людей восхищение, иногда желание быть таким же», герой молодежи, герой своего времени [4, с. 578]. Как отмечает ученый, синонимом героя в данном случае выступают слова «кумир», «идол», аналогом (то есть лексемой, имеющей похожее значение, но семантически отстоящей дальше, чем синонимы) – «авторитет».

Из приведенных определений следует, что герой может быть вымышленным (герой книг) или реальным, склонным к подвигам и самопожертвованию (герой-воин), или просто привлекающим к себе внимание (герой скандала), а также могут быть герои в разных сферах или социальных процессах – герой труда, герой революции и т. п. Таким образом, уже на стадии лексического анализа обнаруживается интерпретационная многогранность понятия «герой», из которого «выходит» понятие и концепт «герой нашего времени».

Концепт героя и концепт героя нашего времени являются динамическими структурами, то есть каждое историческое время создает своих героев и репрезентирует героев своего времени (или их отсутствие), поэтому целесообразно кратко рассмотреть концепт героя, начиная с XIX века, когда утвердился концепт героя нашего времени.

Как отмечает М. А. Лошманова, в эпоху Нового времени впервые было актуализировано понятие его, мыслящей личности, что привело к изменению концепта героя по сравнению с предыдущими историческими этапами. Теперь герой, как отдельная личность, способен стать проводником в мир «тотальной Идеи, Разума или Духа» [5, с. 8], то есть происходит смена доминантных свойств героя – от эстетических в эпоху Возрождения к личностным в Новое время. Неклассические философские теории XIX века усиливают экзистенциально-личностный уровень концепта героя, но сдвигается акцент – осуществляется переход от трансцендентности к действиям в конкретных обстоятельствах и осознания своего выбора. Обилие философ-

ских теорий в это время порождают разное понимание и интерпретацию концепта героя. Ницше рассматривает Сверхчеловека как путь становления героя.

К. Юнг анализирует героя через архетипические образы. Т. Карлейль развивает «теорию выдающейся личности», по его мнению, великие люди – герои. В конце XIX – начале XX века концепт героя рассматривается в рамках оппозиции «герой – толпа», которая становится необходимым условием его существования. В итоге, как указывает М. А. Лошманова, возникает концепция «вождизма», где герой тождествен лидеру, вождю. В советское время образ героя описывают в рамках марксистско-ленинской доктрины, причем включается новый тип героизма – «будничный героизм» (Д. А. Волгонов, Т. С. Лапина). Позже, в 2012 году, американский ученый Франк Фарлей назовет этот тип героизма «малый героизм» [6].

В 2011 году Константин Эрнст, размышляя прежде всего об экранном герое, говорит о герое-фрике, характерном для десятых годов XXI века: «В изменившемся и непроартикулированном времени человек ассоциирует себя с героем, который легко и свободно нарушает все правила, существовавшие до этого. Обычный зритель не находит в себе силы нарушать их в обыденной жизни. Фрик на телеэкране делает то, чего внутренне желает телезритель» [7]. Появление такого героя – общественный запрос на осознание социокультурных изменений в обществе, новых реалий времени. В этой связи интересным представляется то, что герой-фрик «тестирует» общественные нормы, правила, нарушая их, игнорируя привычные схемы взаимодействия, тем самым он проверяет на прочность, адекватность времени принятые этические и аксиологические стандарты, функционирование социальных систем и институтов.

В 2021 году писатель, главный редактор газеты «Культура» Петр Власов сообщает, что в России есть два основных «претендента на главных героев и властителей дум» [8] – Моргенштерн (*включен в список иностранных агентов Министерством юстиции Российской Федерации*) и Виктор Мохов – «скопинский маньяк». В данном случае понятие «главный герой» используется как синоним героя нашего времени. Писатель считает, что экономика внимания провоцирует появление таких «героев», востребованных атомизированным обществом. По мнению П. Власова, истинные герои действуют во имя общего блага, в то время как «герои» думают о личном успехе. И здесь мы сталкиваемся с проблемой «настоящих» и «ненастоящих» героев. То есть «тот, кто привлек к себе внимание» [3] – герой, может оказаться героем скандала или сенсации, быть нарушителем общественных норм и морали, иметь негативную функцию, при этом, в зависимости от ценностной позиции и философской установки исследователя, отождествляться или не отождествляться с героем.

Таким образом, мы подходим к проблематике псевдогероя или антигероя. Смысловая оппозиция «герой-антигерой», с нашей точки зрения, представляет собой две стороны одной медали. В лексическом толковании слова «герой» уже заложена полярная семантика – это и доблестный человек, способный к подвигам, и человек, привлекающий внимание. Ряд публицистов, педагогов, ученых (П. Власов, О. А. Теряева, О. В. Гуторович, Е. Н. Евтушенко и др.) отделяют псевдогероев от героев, апеллируя только к одной грани, интерпретации слова «герой», его денотативному, исходному значению. Такая позиция характерна для позитивистской тра-

диции, в рамках которой исследователь изучает и интерпретирует социальную реальность с помощью понятий и категорий, заданных и установленных им. Например, О. Е. Кузнецова утверждает, что выбор молодыми людьми в герои Гитлера, Наполеона, Чингисхана и др. «свидетельствует об отсутствии у современной молодежи четких представлений о героизме и героических поступках, об их значимости для личностного развития» [9, с. 140]. Д. Бурстин, И. Поведак дифференцируют героев от селебрити, при этом венгерский ученый И. Поведак замечает, что селебрити – это не продукт XX столетия, секуляризация и промышленная революция послужили формированию этой социальной группы [10, с. 6]. Нил Гэблер определяет селебрити как «человека-развлечение» (human entertainment) [11, с. 4], с его точки зрения, это личность, чья жизнь сама по себе является зрелищем, занимательным шоу.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что в XX веке, но еще больше в XXI, концепт героя дополняется новым синонимичным рядом: звезды, медийные лица, селебрити – это герои современности, которых некоторые ученые пытаются «отсортировать», обращаясь к исходному значению слова «герой», основываясь на позитивистской установке изучения социальной реальности. Перефразируя известное высказывание героя Олега Ефремова из популярного советского фильма, можно сказать: «Они, конечно, герои! Но они – не герои!». Такое утверждение о селебрити, анти- и псевдогероях возможно только в рамках позитивистской традиции.

С другой стороны, в социологии повседневности слово означает ровно то, что под ним понимают информанты. В нашем случае это значит, что герой тот, кого считают героем вне зависимости от словарного значения слова. По мнению А. Шюца, представителя феноменологической традиции, «донаучный естественный язык можно рассматривать как сокровищницу готовых типов и характеристик, имеющих социальное происхождение и открытый горизонт неисследованного содержания» [12, с. 17]. В рамках данной парадигмы исследовательский фокус на интерпретации понятия информантами, на смыслах, которые они вкладывают в эту категорию, понятийный аппарат исследователя «отталкивается» от трактовок испытуемых, категоризация происходит индуктивным способом. Более того, новая интерпретация информантами концепта героя нашего времени отражает меняющуюся социальную реальность, как следствие, языковую картину современности, что, в конечном итоге, приводит к постепенному обновлению лексики. Иными словами, установка «герой – да, не герой» относится к философской установке исследователя, а не к полю.

Как все это соотносится с концептом героя нашего времени? Непосредственным образом. Развиваясь и дополняясь новыми смыслами, концепт героя «делегировать» часть смыслов концепту героя нашего времени. Более того, в научной литературе встречается синонимичное использование категорий «герой» и «герой нашего времени» или «образ героя» и «герой нашего времени». А в социальных науках, прежде всего в психологии, герой анализируется как культурное означающее, то есть герой – маркер, индикатор культурного развития общества, его этический и аксиологический стандарт (Е. В. Рягузова), что напрямую соотносится с понятием героя нашего времени. Психологов часто интересует построение у молодежи образа героя нашего времени как способа социализации, формирования ценностной системы координат, конструирования собственной идентичности (Е. П. Белинская). В

таком случае герои нашего времени – суть идентификационные модели подростков и молодежи, под которыми понимаются люди «реальные или вымышленные, чье мировоззрение или взгляды не только близки позиции респондента, но которые выступают для него и как определенные образцы для подражания» [13]. Как показывают исследования (Е. В. Рягузова, Е. П. Белинская), в этом случае молодежь чаще выбирает героев и героев своего времени из референтной группы, апеллируя к «будничному» или «малому» героизму.

В XX веке произошел коренной перелом – герой становится социальным конструктом. Образ героя начинает формироваться инструментально, в соответствии с запросом идеологии, то есть феномен героизма превращается из естественного явления в конструируемое (Е. Н. Евтушенко, М. А. Лошманова, Н. В. Верещагина, О. В. Гуторович). Ряд медийных личностей, селебрити, будучи продюсерскими проектами – наглядный пример конструирования современных героев. Институт продюсерства в принципе подразумевает создание звезд, равно героев.

На основании проведенных исследований Е. В. Рягузова говорит о возможном превращении понятия «герой» в симулякр – «пустое означающее, не имеющее смыслового содержания, т. е. означаемого» [14, с. 124]. Данный тезис сделан на основании того, что часть респондентов не называли героев. По мнению исследователя, такое возможно, когда есть множество интерпретаций означающего, или происходит «расщепление смысла самой репрезентации «Герой» [14, с. 124]. С нашей точки зрения, это может быть связано с семантическим расширением концепта героя в России, произошедшим к концу XX века, включением в него героев-звезд, героев-селебрити, а также тенденцией выхода этих значений на первый план, сдаче позиций героя – как доблестного человека, служащего на благо других. Иными словами, в массовом сознании личный успех героев-звезд постепенно начинает доминировать над самопожертвованием и подвигами героя, неосновное значение слова «герой» претендует на место основного. Эта гипотеза выдвинута на основании теоретического анализа материалов и проведенного пилотажного исследования и подлежит дальнейшей проверке.

С другой стороны, первоочередное значение имеют интерпретационная рамка исследователя, его методологическая установка. Так, например, в 2002 году Фонд общественного мнения провел всероссийский опрос, чтобы определить, кого же россияне считают героями нашего времени [15]. В ходе исследования респонденты сначала описывали, что они понимают под этим понятием, а затем указывали характеристики героя нашего времени и приводили примеры. Подобный подход позволяет, с одной стороны, оценить смыслы, вкладываемые респондентами в данное понятие, его коннотации, с другой – получить конкретные ответы. Если исходить из посыла, что герой – тот, кого называют героем, то диктатор, шоумен или маньяк – герои, если так считают участники исследования. Проводя пилотажное исследование, мы держались данной исследовательской логики и сформулировали для себя два исследовательских вопроса: 1. Как интерпретируется понятие «герой нашего времени» современной молодежью? 2. Кого и почему сегодня называют героем в молодежной среде? Обратимся к эмпирическим данным.

Методы. В 2021 году мы провели пилотажное исследование среди молодежи Ленинградской области, выбрав качественный метод сбора информации, а именно

фокус-группы. Для нашего исследования было важным на эмпирическом уровне определить, как молодежь Ленобласти понимает и интерпретирует концепт героя нашего времени, выявить коннотации, а также смыслы и значения, которые она вкладывает в него, оценить уровень заинтересованности юношей и девушек в обсуждении данной темы, логику их размышлений, проанализировать аргументацию и корпус лексики, используемой при рассуждениях на эту тему. Именно поэтому мы не выдвигали никаких гипотез, не предлагали понятийный аппарат информантам, а основывались на философской установке социологии повседневности – слово означает то, что под ним понимают информанты.

Методический инструментарий – гайд, в который вошли следующие блоки: 1) определение социального самочувствия информантов; 2) оценка жизненных ориентиров и перспектив информантов; 3) определение «героев нашего времени», а также наиболее значимых для информантов людей, фигур, поступки и поведение которых вызывают восхищение, уважение или стремление подражать. Всего было проведено 36 фокус-групп во всех (семнадцати) районах и одном городском округе области. Основной возраст участников исследования составил 18–23 года, при этом в четырех фокус-группах были 16- и 17-летние информанты, в двух группах – 26- и 28-летние. Фокус-группы разделили по половому признаку на женские и мужские.

В первые 13 фокус-групп информанты приглашались через администрации районов и местные муниципальные образования, поэтому была ощутима доминанта социально активной молодежи. Начиная с 14-й фокус-группы, рекрутинг осуществлялся через социальные сети; после этого состав молодежи стал более разнообразным, но доминанта социально активной молодежи сохранилась. В каждой фокус-группе были установлены квоты по количеству информантов из города, сельской местности, образованию (высшее / неоконченное высшее, среднее / начальное профессиональное / профессиональное) и занятости (студенты / учащиеся, работающие по найму / самозанятые / фрилансеры / предприниматели, безработные). Данные требования выполнялись почти во всех фокус-группах.

Кодирование транскриптов осуществлялось с помощью программы ATLAS.ti 6. Было сделано открытое кодирование, а также контент-анализ индуктивного типа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Первое, что следует отметить, тема «Герой нашего времени», как правило, вызывала затруднения у участников фокус-группового исследования, о чем свидетельствовали продолжительные паузы и невербальные сигналы. Это связано не с отсутствием понимания предложенной категории, а со сложностью назвать героев современности. На основании эмпирических показателей можно выделить четыре причины, по которым участники исследования затруднились ответить на данный вопрос:

1) нехарактерный дискурс для молодежи:

«О таком, наверное, молодежь не задумывается.» (ж, 23, Тихвинский р-н);

2) «одноразовость героев»:

«...наверное, проблема людей нашего времени, что у нас нет таких авторитетов. Если есть, то они временные, как время быстротечно. И интернет у нас. Люди в интернете быстро появляются. Мы сначала посмотрели на одного человека – он нас зажег, потом на другого – он нас тоже зажег.» (ж, 18, Выборгский р-н);

3) отсутствие нового типа героя, характерного для нынешнего времени и объединившего разные возрастные группы:

«...просто нет нового типа, современное общество, тут трудно выделить героя.» (м, 19, Выборгский р-н);

«Это достаточно эфемерная субстанция, которая мало оснований под собой имеет. На сегодняшний день спросишь пятиклассника на улице, он назовет героем нашего времени того же Моргништерна, подойдешь к человеку постарше, он назовет героем нашего времени другого человека. Вот именно поэтому, глядя на то, что происходит, можно сказать, что пока не появился тот человек, каким был тот же Бодров в 90-е, который, несмотря на возрастную группу, объединил за собой всех. Значит героя нашего времени еще нет.» (м, 19, Всеволожский р-н);

4) отсутствие идеалов:

«У меня нет идеалов и конкретного человека.» (м, 18, Киришский р-н).

Содержательный анализ высказываний показывает, что информанты по-разному истолковывают понятие «герой нашего времени». Это авторитет, культурный образец и идеал. «Однодневные» или «одноразовые герои» обращают нас к З. Бауману и его концепции «текущей современности» [16, с. 71]. С точки зрения ученого, дружественный потребителю капитализм в современном мире обуславливает появление огромного количества авторитетов, которые существуют и имеют влияние на людей непродолжительное время, при этом они никак не могут быть эксклюзивны, исключительны – один человек выбирает себе разных авторитетов в разных сферах своей жизни. Нам представляется, что авторитеты З. Баумана синонимичны героям в нашем смысловом пространстве. Суть в том, что «текущая современность» антагонистична жестким паттернам, моделям и правилам, и наоборот, гибкие структуры, изменчивые нормы характерны для современного этапа развития общества.

Использование метода контент-анализа индуктивного типа, при котором выделение категорий происходило из ответов информантов, единицей подсчета являлись слова или словосочетания, использовался сплошной подсчет, показало, что около 10 % информантов не назвали героя нашего времени. Затруднения при определении героев времени может говорить о превращении понятия «герой» в симулякр, но данная гипотеза подлежит проверке. Сравнивая наш результат с проведенными количественными исследованиями других исследовательских коллективов (ФОМ, ВЦИОМ), отметим, что процент не назвавших героя нашего времени у нас ниже. Мы полагаем, это связано с тем, что групповая дискуссия стимулировала поиск ответов, размышления и рефлексии, что не всегда делается при заполнении анкеты. Анализ проведенных фокус-групп показал, что молодежь, не назвавшая героев времени, услышав ответы своих сверстников, как правило, соглашалась, что члены семьи, родственники сегодня являются героями. То есть выбор осуществлялся в сторону близкого круга, референтной группы, значимой для информантов. Данные герои могут быть идентификационными моделями для молодежи.

Второй вывод. Молодежь по-разному понимает и интерпретирует концепт героя нашего времени. Классифицируя высказывания информантов, можно выделить шесть смыслов, инкорпорированных в данное понятие:

1) герой как культурный образец. Героев нашего времени в данном значении репрезентируют видеоблогеры:

«Видеоблогеры должны быть во всяком случае, может быть, не все там, но это то, что формирует наше поколение.» (ж, 22, Всеволожский р-н);

2) герой как нравственный ориентир, он должен быть образованным и медийным. Данную категорию мы классифицируем как «медийный интеллигент». Функциональность этой категории заключается в трансляции «правильных» мыслей в массы, в данном контексте герой рассматривается в том числе как нравственный ориентир:

«Для меня герои – это образованные люди в своих сферах обязательно (...). И чтобы обязательно это медийные люди, (...) они будут нести в массы правильные мысли.» (ж, 18, Гатчинский р-н);

3) герой в исходном значении слова (способность к подвигу, доблестным поступкам);

4) герой-новатор, задача которого – развитие отрасли:

«Героем нашего времени назову человека, который будет получать знания, опыт в определенной области и при этом вносить что-то новое, как тот же Илон Маск.» (ж, 20, Тосненский р-н);

5) герой как достижение. В данном контексте требуется высокий уровень достижений в масштабе отрасли, страны, мира, человечества:

«Время заберет человека, а достижения останутся.» (м, 18, Бокситогорский р-н);

6) «узконаправленные герои-мотиваторы», которые становятся идентификационными моделями для молодежи, социальными ориентирами, они дают энергию для достижения целей:

«...есть только «узконаправленные герои», например в спорте, это знаменитые спортсмены, можно привести пример Криштиану Роналду. Эти люди мотивируют. Люди, смотря на их выступления, говорят: «Я хочу так же. Что мне нужно сделать для того, чтобы делать так же?». (...) Я считаю, что герой нашего времени – это человек, на которого ты хочешь быть похожим. Это может быть кто угодно.» (м, 18, Тосненский р-н).

Приведенные толкования свидетельствуют, что в представлениях молодежи концепт героя нашего времени включает в себя разные смыслы – это и хрестоматийное значение (дух времени), и денотативное значение слова «герой», и новые интерпретации, иллюстрирующие способы ориентации молодежи в социальном мире, порядок осмысления ими социальной реальности (герой-медийный интеллигент, герой-достижение, герой-новатор). Выделенная ролевая (идентификационная) модель, характерная для «узконаправленных героев», репрезентируемых представителями конкретных социальных групп или дискурсивных полей, иллюстрирует функциональность концепта. Герой нашего времени может быть примером для подражания, давать энергию для действий, способствовать формированию достигательной стратегии. В целом можно говорить о том, что понятие героя нашего времени становится «зонтичным», инкорпорирующим различные смыслы, подчас противоположные, выполняющие разные функции.

Проанализировав, как информанты понимают концепт героя нашего времени, перейдем к типологии героев нашего времени. Индуктивная логика позволяет выделить несколько уровней. Во-первых, базовый уровень, который, в свою очередь, це-

лесообразно разделить на три блока: реальные личности, мифические личности (персонажи) и другое, под которым мы понимаем «идеальную личность» – собирательный образ из черт характера, которые назвали информанты. Здесь присутствует категория долженствования – герой в значении идеальной личности должен обладать определенным набором качеств: быть честным, добрым, справедливым, решительным, бескорыстным, думать о других, быть целеустремленным, равнодушным, лидером, альтруистом, стараться на благо страны, быть приспособленным к жизни, не делать зла людям. Анализ перечисленных качеств показывает, что они тяготеют к денотативному значению героя. Мифические личности – крайне немногочисленная группа (около 1 % согласно контент-анализу).

Дальнейшая типологизация блока «реальные личности» (второй уровень) позволяет выделить в нем несколько групп или типов героя: 1) «повседневные герои» (родители, родственники, редко – друзья); 2) герои-селебрити (блогеры, тик-токеры, медийные личности. Следует отметить, что в эту группу мы включили героев и антигероев, указанных информантами, поскольку суть явления одна и та же, разница лишь в оценке); 3) герои, готовые к самопожертвованию (волонтеры, ветераны, врачи, пожарные, зоозащитники, экологи); 4) герои-наставники (педагоги, учителя, тренеры); 5) герои-политики; 6) герои из мира искусства (музыканты, актеры, разработчики компьютерных игр (отнесли в эту категорию, так как указанные создатели игр оказали сильное влияние на мировую гейм-культуру), переводчики, режиссеры, композиторы); 7) герои-спортсмены; 8) категория «другое», которую мы не классифицировали, так как в нее вошли немногочисленные или единичные высказывания. Отдельно мы выделили Моргенштерна и Илона Маска, так как практически в каждой фокус-группе называли этих людей, причем их оценка всегда варьировалась – от суперуспешного человека до героя и антигероя. Упоминание Моргенштерна всегда вызывало дискуссию и поляризовало мнения в группе.

Анализ эмпирических данных показывает, что структура представлений молодежи Ленинградской области о герое нашего времени дополняется новыми смыслами, которые не были выделены при определении информантами концепта героя нашего времени, а именно герой в значении «кумир». Как показывает наше поисковое исследование, герои-селебрити, как правило, употребляются в значении «кумир» либо, по выражению Д. Бурстина, «известный своей известностью». З. Бауман так определил это явление: «Число последователей делает авторитет авторитетом» [16, с. 75]. Это герои, на которых подписаны в социальных сетях, за которыми следят, чью жизнь интересуются (изучают биографию, взгляды, комментарии, отношение к громким событиям), к чьим мнениям прислушиваются. Эти герои, как правило, не дают мотивации к действию, не становятся идентификационной моделью, как «узконаправленные герои», репрезентируемые героями-спортсменами, героями-наставниками, часто «повседневными героями». Они, скорее, выступают как объекты потребления.

Как представляется, происходит конструирование поколения вокруг этих героев, причем они могут быть совершенно разными – от модных тиктокеров до блогеров-урбанистов. Их объединяет одно – сетевая активность, то есть наличие динамичных блогов / каналов в социальных сетях, где они являются «фронтменами». В этом блоке информанты назвали блогеров (Варламов, Юрий Дудь, Руслан Усачев,

Птушкин, Надин Серовски, Харчевников, Диля Налуне, Leg_check и др.), медийных личностей (lenasbody, Анастасис), тик-токеров (Маха Горячева, Влад А4, Мишель Кеннелли, Аня Покров и др.).

Ж1 (19): «Наверное, я могу выделить одну блогеришу, которую я наблюдаю очень давно, и ее зовут Диля Налуне. Вот я на нее смотрю, слушаю, что она говорит. И это как-то отражается во мне. (...) Она как-то показывает жизнь, несмотря на то что у нее было довольно-таки тяжелое прошлое, она рассказывала об этом. И жить, несмотря на то что скажут люди, просто, просто жить».

Ж2 (19): «Ну, во-первых, хочу отметить, что согласна с Сашей, ну, потому что я тоже знаю Дилю, я тоже смотрю, она тоже мне очень нравится, у меня даже шопер от нее с собой, купила, ношу.» (ж, Выборг).

Исключительные случаи, когда герои-селебрити дают энергию, имеют ценностную или смысловую нагрузку, мотивируют информантов к каким-то действиям. В основном они – объекты созерцания, потребления. Важно отметить, что, говоря о блогерах, в большинстве случаев из речи информантов уходит слово «герой», появляется другая семантика – это люди, вызывающие интерес, уважение / восхищение или другие эмоции, за ними наблюдают, их жизнью интересуются. То есть герои, выражающие дух времени, – это герои-кумиры, объекты потребления. Как указывает З. Бауман, «центр внимания – это самостоятельная модальность бытия, которой кинозвезды, звезды футбола и правительственные министры обладают в одинаковой степени. Одно из требований, предъявляющихся ко всем им, кроется в том, что от них ожидают – «они имеют общественную обязанность» – выносить свои исповеди для общественного потребления и выставлять свою частную жизнь на всеобщее обозрение» [16, с. 79]. То есть функция этих героев и единственный объект «общественного интереса» – демонстрировать индивидуальные проблемы и способы их решения [16, с. 79].

Ряд тик-токеров – Клаву Коку, Даню Милохина, Валю Карнавал, Инстасамку, Дашу Корейку – участники исследования зачислили в антигерои. В качестве аргументации молодые люди говорили о негативном воздействии на детей: «*Антигерой – это собирательный образ тик-токера, потому что это разрушает будущее детей, которые хотят быть похожими на них.*» (м, 21, Выборг); «*КардиБи – такая же Инстасамка, такая же вульгарная, грязный хайп, ведет себя отвратительно, но при этом у нее много поклонников, которые считают ее поведение нормой. Плохой пример для людей.*» (ж, 18, Сосновый Бор). Наиболее эмоциональные споры вызывал Моргенштерн. Поведенческий сценарий рэп-исполнителя мифологизируется: одни информанты фиксируют его как конвенциональную норму, называют «*гением своего времени*», символом успеха, другие считают его «*продуктом своего времени*», символом обесценивания культуры.

«Он [Моргенштерн] гений в бизнесе, но он, как человек, себя показывает отвратительно.» (м, 18, Бокситогорск).

Для тех информантов, которые Моргенштерна назвали героем своего времени, он олицетворяет собой предельную степень индивидуализма, самореализации, проявления себя. Исполнителя считают законодателем трендов. Крайне важен уровень дохода – это дает «суперсилу» герою:

«...она [мама] разделяет со мной мнение о Моргенштерне, она также смотрит на него и понимает, что да, плохая музыка, ничего не скажу, но он, во-первых, дал новый звук, во-вторых, он сделал деньги. Сейчас в новом мире, главное, что человек смог сделать деньги на этом, и ему не то, что все прощается, но он выполнил свою цель поставленную.» (м, 18, Сосновый Бор).

Наше пилотажное исследование показывает, что тик-токеры, блогеры, медийные личности включаются молодежью в концепт героя нашего времени иногда его обратной стороной – как антигерои. С нашей точки зрения, присутствие этой группы является поколенческой характеристикой, присущей нынешней молодежи, данное социальное явление отражает дух времени, происходит конструирование поколения вокруг героев-селебрити. Высказанный тезис подлежит дальнейшей эмпирической проверке. С другой стороны, затруднения молодежи при определении героя, разные смыслы, вложенные участниками исследования в это понятие, создают новые темы для изучения в рамках проблематики героя нашего времени. Полученные данные будут в дальнейшем уточняться, сформулированные гипотезы – проверяться.

Заключение. Изменение концепта героя непосредственно связано с изменением социального и культурного пространства, возникновением новой системы ценностей. На разных этапах исторического развития концепт героя актуализировал разные смыслы. Концепт героя нашего времени также неоднороден, подвижен во времени и пространстве. К концу XX века, отвечая на запросы времени, данные концепты в России дополнились новым синонимичным рядом (герои-селебрити, звезды). Конструирование героев, переход от естественного, стихийного процесса к инструментальному изменили социокультурный ландшафт в обществе. Сегодня продюсерские проекты, использующие современные медиатехнологии, сделали возможным появление «фабрики героев».

Проведенное пилотажное исследование свидетельствует, что концепт героя нашего времени в сознании молодежи имеет разные смыслы и коннотации (герой как культурный образец; герой, способный к подвигам и самопожертвованию; герой-медийный интеллигент; герой-новатор; герой как достижение; «узконаправленный герой-мотиватор»), которые репрезентируются разными типами героев. Для части молодежи затруднительно назвать героев современности в силу нескольких причин: неинтересный дискурс, «одноразовость героев», нет нового типа героя, объединившего бы людей разных возрастов. Категоризация понятия «герой нашего времени» позволила выделить типы героев (герои-селебрити, «повседневные герои», герои-политики и др.) в молодежной среде. Герои-селебрити воспринимаются молодежью, как правило, в значении кумиров, они становятся объектами потребления.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Карамзин Николай Михайлович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 2: Г–К. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 475. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Russkie_pisateli_1800-1917_Biobibliograficheskij_slovar_1992_1_.pdf
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: Детгиз, 1948. С. 26. URL: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/544> (дата обращения: 02.05.2022).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование: Оникс, 2012. 1375 с. URL:

- https://royallib.com/book/ogegov_serгей/tolkoviy_slovar_russkogo_yazika.html (дата обращения: 26.04.2022).
4. Активный словарь русского языка. Т. 2. В–Г. Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. редактор академик Ю. Д. Апресян. М., 2014.
  5. Лошманова М. А. Концепт героя в историко-философском процессе: классический и неклассический дискурсы: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2006.
  6. Farley F. The Real Heroes of "The Dark Knight". *Psychology today*. 2012 [cited 17 June 2015]. URL: <https://www.psychologytoday.com/blog/the-peoples-professor/201207/the-real-heroes-the-dark-knight>
  7. Константин Эрнст о будущем телевизионной индустрии // *ComNews*. 2011. URL: <https://www.comnews.ru/content/59131> (дата обращения: 03.05.2022).
  8. Власов Петр. Герои нашего времени // Газета «Культура». 2021. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/opinions/332183-geroi-nashego-vremeni/> (дата обращения: 26.04.2022).
  9. Кузнецова О. Е. Социальные представления о «герое нашего времени» у студентов разной профессиональной направленности // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 3 (31). С. 139–147. URL: <http://npsj.ru/articles/detail.php?article=7770> (дата обращения: 02.05.2022). DOI: 10.11621/npj.2018.0313
  10. Povedak I. Heroes and Celebrities: PhD Dissertation Summary. Budapest – Szeged, 2009. 11 p. URL: <http://doktori.btk.elte.hu/folk/povedakistvan/thesis.pdf>
  11. Gabler N. Toward A New Defenition Of Celebrity (англ.) // The Norman Lear Center, USC Annenberg. 2001. URL: https://learcenter.org/images/event_uploads/Gabler.pdf
  12. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
  13. Белинская Е. П. Идентификационные модели взаимодействия подростков и молодежи: «герои нашего времени» // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 54. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/358> (дата обращения: 04.05.2022); URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.358>
  14. Рягузова Е. В. Герой как культурное означающее // *Известия Саратовского ун-та. Серия «Акмеология образования. Психология развития»*. 2014. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 122–125.
  15. База данных ФОМ: Герой нашего времени. Опрос населения. Вып. 08, 23–24 февраля 2002 г. URL: https://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2002/364_2499/d020822 (дата обращения: 26.04.2022).
  16. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
  17. Бруно Дж. *О героическом энтузиазме*. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1953. 212 с. URL: https://vk.com/doc239623_303956387 (дата обращения: 06.05.2022).
  18. Гуторович О. В. Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление // *Вестник челябинского государственного университета*. 2020. № 8 (442). *Философские науки*. Вып. 57. С. 68–78. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10811
  19. Евтушенко Е. Н. Эволюция понимания феномена героя: от Древней Греции до селебритиз электронных медиа // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн*. 2015. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2279> (дата обращения: 02.05.2022).
  20. Карлейль Т. *Герои, почитание героев и героическое в истории*. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
  21. Миронец Е. В. Героизм в представлении студенческой молодежи // *Научный журнал КубГАУ*. 2016. № 119 (05).
  22. Плахов В. Д. *Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы*. СПб.: КАРО, 2008. 240 с.
  23. Рягузова Е. В. Субъективные представления современных подростков о герое // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 1. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 226–229.
  24. Сафронов А. Н., Сушко П. Е. «Образы Героев» в представлении современной кубанской молодежи: типологизация и особенности формирования // *Общество: Социология, Психология, Педагогика*. 2011. № 1-2. С. 90–93.
  25. Теряева О. А. Воспитание молодежи: образы героев, псевдогероев и антигероев // *Социальная педагогика*. 2012. № 4. С. 107–120.
  26. Торосян Д. Р. Героизм и патриотизм как социальные факторы стабилизации жизни общества. // *Вестник Московского университета. Серия «Социология и политология»*. 2010. № 1. С. 157–163.
  27. Чернобровкина С. В. Образ «Героя» у современных подростков // *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2013. № 2. С. 23–32.

28. Шарапов А. О., Соколова А. И. Особенности Я-концепции и образа героя у современной молодежи // Психология человека в образовании. 2021. № 3. Т. 3. С. 401–415.

29. Исследование ВЦИОМ: Герой нашего времени. Центр гуманитарных технологий, 2007. URL: <https://gtmarket.ru/news/culture/2007/10/02/2203> (дата обращения: 26.04.2022).

30. Исследование ВЦИОМ: Герой нашего времени 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 26.04.2022).

31. Публічна дискусія: Пошук героїв у національних традиціях. Стенограма. Ч. 1 // Міжнародний форум: «Герої» та «антигерої» у європейській політичній та історіографічній традиції 4-5 жовтня 2012 р. URL: <http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/514-mizhnarodnyi-forum-heroi-ta-antyheroi-u-ievropeiskii-politychnii-ta-istoriohrafichnii-tradytsii-4-5-zhovtnia-2012-r-kyiv-4-zhovtnia-2012-r-publichna-dyskusiia-poshuk-heroiv-u-natsionalnykh-tradytsiia-kh-stenohrama-chastyina-1> (дата обращения: 03.05.2022).

Авторская справка

ЖЕЛИЗНЫЙК Мария Николаевна – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: marzhel@yandex.ru

UDC 316.733

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.57

A HERO OF OUR TIME FOR THE YOUNG PEOPLE OF THE LENINGRAD REGION METHODOLOGICAL THINKING

M. N. Zheliznyk

PhD Student at St. Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. Youth's visions about a hero of our time reflect social-cultural process in our country. It is something like barometer of value standards, social navigator that is recorded of coordinates in social area. The purpose of this article is to define how today's youth interpret the concept of a hero of our time and who are heroes for the young people today. All hypotheses and conclusions based on pilot empirical research among the young people of Leningrad region carried out in 2021.

Methods. The pilot empirical research is carried out by focus-group method. This field research allows to allocate sense and meanings incorporated in the concept of a hero of our time in youth's visions. It has been done open coding empirical data, thus it has been defined categories (hero as a cultural pattern of era, hero as value of the original word, hero as achievement, hero-pioneer (innovator), hero as a media intelligent, focused hero-motivator) youth gives to the concept of a hero of our time. It has been defined types of heroes ("everyday heroes", heroes-celebrity, heroes-athlete, etc.). We have done the content analysis of inductive type to determine how many young people not to refer heroes of our time.

Results. The analysis of received empirical data shows the concept of a hero of our time is known for young people but do not typical for them. Usually, they don't use it. This concept becomes the umbrella concept. New sense, meanings and discourses are added to its classical meaning (a hero as a cultural pattern of era). Thinking about heroes of our time young people speak about idols, authorities, important people for them, identical models and also about heroes as consumer objects. The informants changed their vocabulary depend on meanings implying the concept of a hero of our time.

Conclusion. In order to understand young people, their ethic and axiological standards it is necessary to research their benchmarks, social coordinates, in particular heroes and heroes of our time. Carried out the pilot research shows us the range of the young people's visions about heroes of our time, different meanings implying to this concept.

Keywords: concept of a hero; concept of a hero of our time; structure of concept; structure of visions of a hero of our time.

References

1. Lotman Y. M. Karamzin Nikolay Mikhailovich & Russkie Pisateli [Russian writers]. 1800–1917: Biograficheski slovar [Biographical dictionary]. Moscow, 1992, Vol. 2. Bolshaya Rossiskaya Enciclopedia [Great Russian Encyclopedia]. 475 p. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Russkie_pisateli_1800-1917_Biobibliograficheskij_slovar_1992_1_.pdf. (In Russian).
2. Lermontov M. Y. Geroi nashego vremeni [A hero of our time]. Moscow, Detgiz Publ., 1948, 238 p. Available at: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/544> (accessed 2 May 2022). (In Russian).
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovy slovar russkogo yazika [Lexicon of Russian language]. Moscow, Mir I Obrazovanie [Peace and education]. Oniks, 2012, 1375 p. Available at: https://royallib.com/book/ogegov_serгей/tolkoviy_slovar_russkogo_yazika.html (accessed 26 April 2022). (In Russian).
4. Apresyan Y. D. Aktivny slovar russkogo yazika [Active Lexicon of Russian language]. Vol. 2. V-G. Moscow, Rossiiskaya Akademia Nauk. Institut russkogo yazika imeni V. V. Vinogradova [Russian Academy of Science. Institute of Russian Language by Vinogradov V. V.].
5. Loshmanova M. A. Concept geroya in istoriko-filosofskom processe: klassichesky i neklassichesky discursi. Avtoref. diss. kand. philos. nauk [Concept of a hero in historical-philosophical discourse. Author's dissertation Ph. D.]. Saratov, 2006. 20 p.
6. Farley F. The Real Heroes of "The Dark Knight". Psychology today. 2012 [cited 17 June 2015]. Available at: <https://www.psychologytoday.com/blog/the-peoples-professor/201207/the-real-heroes-the-dark-knight>
7. Ernst Konstantin o buduschem televizionnoi industrii [Ernst Konstantin about the future of TV industry]. *ComNews*, 2011. Available at: <https://www.comnews.ru/content/59131> (accessed 3 May 2022). (In Russian).
8. Vlasov Petr. Geroi nashego vremeni [Heroes of our time]. Gazeta "Kultura" [Newspaper "Culture"]. 2021. Available at: <https://portal-kultura.ru/articles/opinions/332183-geroi-nashego-vremeni/> (accessed 26 April 2022). (In Russian).
9. Kuznecova O. E. Socialnye predstavleniya o geroe nashego vremeni u studentov raznoi professionalnoi napravlenosti [Social visions about a hero of our time among students having different professional orientations]. *Nacionalny psihologicheskyy zhurnal* [National Psychological Journal]. 2018, no. 3 (31), pp. 139–147. Available at: <http://npsj.ru/articles/detail.php?article=7770> (accessed 2 May 2022). DOI: 10.11621/npj.2018.0313
10. Povedak I. Heroes and Celebrities: PhD Dissertation Summary. Budapest – Szeged, 2009, 11 p. Available at: <http://doktori.btk.elte.hu/folk/povedakistvan/thesis.pdf>
11. Gabler N. Toward A New Defenition Of Celebrity. The Norman Lear Center, USC Annenberg, 2001. Available at: https://learcenter.org/images/event_uploads/Gabler.pdf
12. Schuzt A. Izbrannoe: Mir svetyaschisya smislom [Favorites. World shining of sense]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 1056 p.
13. Belinskaya E. P. Identifikacionnye modeli vzaimodeistviya podroskkov i molodezhi: geroi nashego vremeni [Identical models of interaction of teenagers and youth: heroes of our time]. *Psihologicheskyye issledovaniya* [Psychological Researches]. 2017. Vol. 10, no. 54. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/358> (accessed 4 May 2022). Available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.358>
14. Ryaguzova E. V. Geroi kak kulturnoe oznachaushee [A hero as a cultural signifying]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seria Akmeologia obrazovania. Psihologia razvitiya* [Saratov University News. Akmeology of education]. 2014. Vol. 3, no. 2 (10), pp. 122–125.
15. Baza dannih FOM: geroi nashego vremeni. Opros naseleniya [Public Opinion Foundation Database: a hero of our time. Population Survey]. *Vipusk 08, 23-24 Fevralya 2002 goda* [Vol. 08, 23-24 February 2002]. Available at: https://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2002/364_2499/d020822 (accessed 26 April 2022).
16. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost [Liquid Modernity]. Ed. Y. V. Asochakov, Saint Petersburg, 2008, 240 p.
17. Bruno G. O geroicheskom entuziazme [About heroical enthusiasm]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury [State publishing house of fiction]. 1953, 212 p. Available at: https://vk.com/doc239623_303956387 (accessed 6 May 2022).

18. Gutorovich O. V. Geroi i geroizm: suschnost, istoricheskaya evoliuciya, proyavlenie. Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [A hero and heroism: nature, historical evolution, manifestation. Chelyabinsk State University Bulletin]. 2020, no. 8 (442). Filosofskie nauki [Philosophic Sciences]. Vol. 57, pp. 68–78. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10811
19. Evtushenko E. N. Evoliuciya ponimania fenomena geroya: ot Drevnei Grecii do selebritiz elektronnykh media. Universum: Obschestvennye nauki [Evolution of hero phenomenon understanding: since Ancient Greece till celebrities of electronic media. Universum: Public Sciences]. 2015, no. 6 (16). Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2279> (accessed 2 May 2022). (In Russian).
20. Carlyle T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, reverence heroes and heroic in history]. Moscow, Eksmo, 2008, 864 p.
21. Mironec E. V. Geroizm v predstavlenii studencheskoi molodezhi. Nauchny zhurnal KubGAU [Heroism in students' reflections. Scientific Journal KubGAU]. 2016, no. 119 (05).
22. Plahov V. D. Geroi i geroizm. Opit sovremennogo osmysleniya vekovoi problemy [Heroes and Heroism. Current understanding of the centuries-old problem]. Saint Petersburg, KARO, 2008, 240 p.
23. Ryaguzova E. V. Subektivnye predstavleniya sovremennykh podrostkov o geroe. Yaroslavski pedagogicheski vestnik [Subjective visions about hero of modern teenagers. Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2001, no.1, vol. 2 (Psychological-pedagogical Sciences), pp. 226–229.
24. Safronov A. N., Sushko P. E. Obrazy geroev v predstavlenii sovremennoi kubanskoj molodezhi: tipologizaciya i osobennosti formirovaniya. Obschestvo: Sociologia, Psihologia, Pedagogika [Heroes vision in visions of today's young people of the Kuban region. Typology and specific features of forming. Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. 2011, no. 1-2, pp. 90–93.
25. Teryaeva O. A. Vospitanie molodezhi: obrazi geroev, psevdogeroev i antigeroev. Socialnaya pedagogika [Youth education: heroes, pseudo-heroes, anti-heroes vision. Social Pedagogy]. 2012, no. 4, pp. 107–120.
26. Torosyan D. R. Geroizm i patriotizm kak socialnye factory stabilizacii zhizni obschestva. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Sociologia i politologia [Heroism and patriotism as social factors of stabilization of life society. Moscow University Bulletin. Series Sociology and Polotology]. 2010, no. 1, pp. 157–163.
27. Chernobrovkina S. V. Obraz geroya u sovremennykh podrostkov. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Psihologia [Hero vision among today's teenagers. Omsk University Bulletin. Series Psychology]. 2013, no. 2, pp. 23–32.
28. Sharapov A. O., Sokolova A. I. Osobennosti Ya-konceptii i obraza geroya u sovremennoi molodezhi. Psihologia cheloveka v obrazovanii [Specific self-concept and Hero vision among today's youth. Human Psychology in Education]. 2021, no. 3, vol. 3, pp. 401–415.
29. Issledovanie VCIOM: geroi nashego vremeni. Centr gumanitarnykh tehnologii [VTsIOM Survey. A hero of our time. Humanitarian technology Center]. 2007. Available at: <https://gtmarket.ru/news/culture/2007/10/02/2203> (accessed 26 April 2022). (In Russian).
30. Issledovanie VCIOM: geroi nashego vremeni [VTsIOM Survey. A hero of our time]. 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni> (accessed 26 April 2022). (In Russian).
31. Publichnaya diskussia. Poisk geroev v nacionalnykh traditsiyah. Stenogramma, chast 1. Mezhdunarodny forum "Geroi i anti-geroi v evropejskoi politicheskoi i istoriograficheskoi tradicii [Public discussion. Looking for heroes in national traditions. Transcript, part 1. International forum "Heroes and anti-heroes in European political and historiography tradition]. 4-5 October 2012. Available at: <http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/514-mizhnarodnyi-forum-heroi-ta-antyheroi-u-ievropejskii-politychnii-ta-istoriografichnii-tradytsii-4-5-zhovtnia-2012-r-kyiv-4-zhovtnia-2012-r-publichna-dyskusiia-poshuk-heroi-u-natsionalnykh-tradytsiiakh-stenograma-chastyna-1> (accessed 3 May 2022). (In Ukraine).

Author's bio

Zheliznyk Maria Nikolaevna – PhD student at the faculty of sociology of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: marzhel@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Желизнык М. Н. «Герой нашего времени» в представлениях молодежи Ленинградской области. Методологические размышления // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 57–71. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.57

УДК 37.015.31

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.72

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ И ИХ УРОВНЕЙ САМОМЕНЕДЖМЕНТА

З. В. Медведева

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. В современных динамично развивающихся социально-экономических и социокультурных условиях стремительно возрастают требования к качеству и результативности образовательного процесса, поиску и внедрению инноваций. В данном контексте профессиональная деятельность учителя начальных классов не является исключением. Учителю начальных классов, как и другим специалистам, важно поддерживать высокую планку в своей профессиональной области, успешно адаптироваться к новому цифровому и информационному пространству, которое диктует время, и успешно ориентироваться в нем, предоставляя высокий уровень образовательных услуг, иметь мобильный и творческий подход к решению своих профессиональных задач. Все это актуализирует проблему самоменеджмента учителя начальных классов, основанного на таких процессах, как самоорганизация, самоуправление, самообразование и самоконтроль.

Методы. В данной статье описаны результаты исследования, организованного на базе лаборатории современных образовательных технологий центра профессиональных компетенций педагогического института ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», которое было направлено на выявление уровней самоменеджмента учителей начальных классов, работающих в общеобразовательных учреждениях Республики Марий Эл, посредством разработанной нами методики «Оценка уровня самоменеджмента учителя начальных классов». Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен корреляционный анализ, а также построена диаграмма рассеянности с учетом уравнения линейной регрессии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Проведенная диагностика позволила выявить наличие высокого уровня самоменеджмента у 9 учителей начальных классов (15 %), среднего уровня – у 51 учителя (85 %), при полном отсутствии низкого уровня. Нами было выдвинуто предположение о наличии и направлении корреляционной зависимости признака-результата от признака-фактора и построена диаграмма рассеянности с учетом уравнения линейной регрессии (корреляционный анализ). На основе данных диагностики были построены график зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от квалификационной категории и график зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от педагогического стажа, вычислено уравнение линейной регрессии, найден линейный коэффициент корреляции Пирсона, согласно шкале Чеддока определена умеренная корреляционная зависимость уровня самоменеджмента от педагогического стажа у учителей начальных классов, принявших участие в исследовании. Уравнение линейной регрессии показало, что с увеличением стажа на 1 единицу уровень самоменеджмента возрастает в среднем на 0,1663 – примерно на 0,2 балла. Полученные результаты послужили основой для доказательства предположения о наличии прямой взаимосвязи между эффективностью профессиональной деятельности учителей начальных классов и имеющихся у них уровней самоменеджмента.

Заключение. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, станут основой для дальнейшей работы в данном направлении, которая будет нацелена на разработку и апробацию методических рекомендаций по повышению уровня самоменеджмента учителей начальных классов, не только принявших участие в исследовании, но и всех лиц, заинтересованных в вопросах повышения своей персональной эффективности, в том числе студентов педагогических специальностей.

Ключевые слова: самоменеджмент; самоорганизация; самоуправление; самоконтроль; самообразование; учитель начальных классов; профессиональная деятельность; персональная эффективность.

Введение. На сегодняшний день одним из перспективнейших направлений менеджмента становится самоменеджмент. В научном менеджменте актуализация данного направления связана с потребностями современного общества, которое призвано повысить эффективность деятельности человека для достижения его личных и профессиональных целей.

В широком смысле самоменеджмент представляет собой последовательное и целенаправленное использование руководителем (специалистом и т. д.) испытанных методов и практических приемов работы в повседневной деятельности для повышения эффективности выполняемых процедур, достижения намеченных целей [1; 2; 3; 4]. Более детальный контекст понятия подразумевает систему способов деятельности, позволяющую максимально использовать собственные возможности, сознательно и рационально управлять своей жизнью, активно и эффективно влиять на внешние обстоятельства на работе и в личной жизни в своих целях [5; 6; 7; 8]. Подход к самоменеджменту как технологии позволяет применить методы общего менеджмента к профессиональной деятельности и личной жизнедеятельности каждого человека.

В профессиональной деятельности современного человека самоменеджмент призван решать ряд жизненно важных задач. Среди таких задач А. А. Лебедева и Л. С. Кочкина отметили следующие:

- знать и эффективно управлять собственной трудовой деятельностью;
- использовать свои сильные стороны, минимизировать влияние недостатков;
- успешно преодолевать трудности и проблемы, возникающие в области организации своего труда, налаживания коммуникаций с руководством, коллегами, подчиненными;
- сохранять высокую трудоспособность и стрессоустойчивость;
- эффективно влиять на трудовое поведение отдельных сотрудников и групп;
- эффективно решать проблемы, связанные с трудовой деятельностью как индивидуально, так и с использованием потенциала подчиненных групп [9, с. 277].

Самоменеджмент является достаточно новым направлением в современном менеджменте, которое в настоящее время интенсивно развивается, о чем свидетельствуют многочисленные публикации как отечественных, так и зарубежных исследователей.

В качестве основных причин возникновения самоменеджмента можно выделить следующие:

- активно растущая конкуренция в разных сферах жизнедеятельности человека (предпринимательство, бизнес, образование и т. д.), требующая освоения новых навыков управления, а также исключения возможности собственного отставания от других;
- превращение творческого потенциала работника в ценный капитал конкретной организации, что отражается должным образом не только на развитии карьеры конкретного человека, но и на производительности и успешности конкретной организации;
- возрастающая угроза частых стрессов в профессиональной деятельности (особенно актуальна для системы образования), порождающая острую необходимость владения технологиями руководства собой;

- исчерпание возможностей многих традиционных школ и методов управления как собой, так и коллективом [10; 11; 12; 13].

Понятие «самоменеджмент» ввел Лотар Зайверт – руководитель Института стратегии и эффективности использования времени (г. Хайдельберг), один из ведущих специалистов по тайм-менеджменту в Германии, получивший признание не только в Европе, но и в России, США и ряде других стран. Согласно его концепции, самоменеджмент представляет собой целенаправленное и последовательное использование испытанных методов работы в повседневной практике, способствующих оптимальному и осмысленному использованию самого ценного ресурса – своего собственного времени [14].

Широкое распространение получила также концепция английских консультантов по управлению М. Вудкока и Д. Фрэнсиса, в основе которой заложена идея преодоления собственных ограничений, в соответствии с которой авторы понимают под самоменеджментом всесторонний способ проверки своих собственных возможностей и ограничений, а также поиска реальных путей развития личностных и деловых качеств [15].

Несмотря на то, что в научной литературе имеется ряд разработок по общему самоменеджменту, нужно отметить, что применение их в сфере образования должно носить выборочный характер. Это обусловлено наличием в образовательных учреждениях специфических черт, отсутствующих в других сферах человеческой деятельности [16; 17]. На это отличие в своей концепции указывает также один из ведущих современных специалистов по самоменеджменту А. А. Симонова. Автор выстраивает так называемую иерархию образовательного учреждения, состоящую из обучаемых, педагогического состава, учебно-вспомогательного и технического персонала, во главе которых стоит руководитель. Реализация учебно-воспитательного процесса происходит по траектории «учитель – обучающийся, учитель – коллектив обучающихся, педагогический коллектив – коллектив обучающихся». Все это позволяет сделать вывод, что образовательная система любой школы, лицея, гимназии представляет собой в системно-организационном и управленческом контексте цепочку взаимоотношений: руководители – учителя – обучающиеся [18].

Следует отметить особую актуальность самоменеджмента в деятельности учителя начальных классов, поскольку, помимо профессиональной компетентности, важными для представителей данной профессии являются организаторские способности, но для того чтобы правильно организовать субъектов своей профессиональной деятельности, учитель прежде всего должен на высоком уровне владеть навыками самоорганизации, самоуправления, самообразования и самоконтроля [19]. Умелое использование испытанных методов работы в повседневной практике необходимо для того, чтобы оптимально и со смыслом организовать свое время, что бесспорно является чрезвычайно важным в контексте педагогических специальностей.

Необходимость исследования самоменеджмента учителя начальных классов связана с объективно имеющимися потребностями современного общества как в повышении качества образования, воспитания и развития детей младшего школьного возраста, так и в личностном и профессиональном росте самого учителя, от самоорганизации которого напрямую зависят эффективность и результативность вышеперечисленных процессов.

Проблемы формирования и развития системы самоменеджмента в последние годы получили широкое распространение в научной литературе. Методологические аспекты функционирования самоменеджмента отражены в работах отечественных исследователей (А. Н. Бузни, Ю. Н. Галагузовой, М. В. Гамзаевой, Т. С. Дороховой, Ж. А. Жилина, В. И. Ищенко, И. А. Калинина, Р. И. Котруховой, Т. В. Майдановой, Д. Л. Надрян, Л. В. Овчинниковой, Г. Н. Петрова, А. А. Симоновой, И. А. Спивак, И. Ю. Степановой, А. А. Ушакова, С. Д. Якушева) и зарубежных ученых (А. Беркмана, М. Вудкока, Л. Зайверт, О. А. Крикун и др.).

Вместе с тем анализ психолого-педагогической и методической литературы свидетельствует о том, что, несмотря на наличие многочисленных публикаций по данной проблеме, недостаточно раскрыты и изучены теоретико-методологические основания взаимосвязи эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и уровня их самоменеджмента, что актуализировало организацию и проведение нами исследования в данном направлении. Исходя из вышеизложенного, **целью** данного исследования является теоретическое обоснование и экспериментальная проверка степени взаимосвязи между эффективностью профессиональной деятельности учителей начальных классов и уровнем их самоменеджмента.

Методы. Экспериментальная работа по оценке эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов с различными уровнями самоменеджмента осуществлялась на базе лаборатории современных образовательных технологий центра профессиональных компетенций педагогического института ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». В исследовании приняли участие 60 учителей начальных классов, работающих в общеобразовательных учреждениях Республики Марий Эл.

Для диагностики уровня самоменеджмента учителей начальных классов нами была разработана анкета «Оценка уровня самоменеджмента учителя начальных классов»¹. Анкета содержит вопросы, составленные с учетом таких ключевых блоков самоменеджмента, как самоуправление (вопросы 3, 8, 17, 18, 20, 21, 22), самоорганизация (вопросы 2, 7, 11, 21), самоконтроль (вопросы 1, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 19) и самообразование (вопросы 14, 15, 16). Учителям начальных классов необходимо было дать ответы на вопросы анкеты, которые впоследствии были обработаны и занесены в таблицу с индивидуальными результатами.

На первоначальном этапе анкетирования участникам необходимо было указать педагогический стаж (в годах) и наличие квалификационной категории, которые являлись очень важными показателями для данного исследования. При обработке результатов анкеты мы получили следующие сведения о педагогическом стаже: 8 человек – начинающие педагоги, имеющие стаж от 1 до 3 лет; 24 человека – от 4 до 10 лет; еще 4 человека – от 10 до 15 лет; 24 человека имеют опыт работы более 15 лет. Анкетирование показало, что 20 человек имеют высшую квалификационную категорию (18 из которых имеют стаж работы более 15 лет и 2 человека – от 4 до 10 лет), 26 человек – первую, 2 человека – вторую, у 12 человек категория отсутствует, несмотря на наличие достаточно большого опыта работы.

¹ Оценка уровня самоменеджмента учителя начальных классов.
URL: <https://www.survio.com/survey/d/O3B1Y1N3T6S9Z9R4Y>

На вопрос о том, считают ли испытуемые успешной свою профессиональную деятельность, 73,33 % (44 человека) ответили положительно, 3,34 % (2 человека) – отрицательно, 23,33 % (14 человек) затруднились дать однозначный ответ.

Следующий вопрос анкеты позволил нам получить сведения о достаточно высокой пунктуальности участников исследования, поскольку 96,7 % (58 человек) ответили, что всегда заранее приходят на работу, собрания и совещания, и лишь 3,3 % (2 человека) всегда опаздывают.

На вопрос об удовлетворенности от профессиональной деятельности большинство – 80 % (48 человек) дали положительный ответ, 13,3 % (8 человек) затруднились дать однозначный ответ, 6,7 % (4 человека) ответили отрицательно.

О значении своевременности выполнения заданий, поручений и просьб большинство испытуемых – 46,7 % (28 человек) также ответили, что для них принципиально важно все выполнить своевременно; 43,3 % (26 человек) стараются все выполнить вовремя, но это, как правило, не всегда получается; 10 % (6 человек) относятся избирательно к просьбам и поручениям, во многом их отношение зависит от самой просьбы и от статуса человека, который к ним обратился.

Анализируя ответы на вопрос о ведении здорового образа жизни, подразумевающего в данном случае правильное питание, отсутствие вредных привычек, соблюдение режима работы и отдыха, мы пришли к выводу, что здоровый образ жизни ведут лишь 23,3 % (14 человек) испытуемых; большинство – 60 % (36 человек) стараются, но это не всегда получается из-за отсутствия времени; 16,7 % (10 человек) считают, что это не обязательно для их профессиональной деятельности.

Точки зрения испытуемых о соблюдении рабочего дресс-кода также разделились, однако подавляющее большинство – 63,33 % (38 человек) считают, что это очень важно для их профессиональной деятельности; 33,33 % (20 человек) стараются соблюдать; 3,34 % (2 человека) ответили, что выглядят так, как им хочется, без учета требований к дресс-коду.

Относительно организации личного пространства большинство испытуемых – 56,7 % (34 человека) считают, что каждой вещи должно быть свое место; 43,3 % (26 человек) ответили, что ситуационно наводят порядок среди своих вещей и предметов, затем кладут их куда придется и, спустя определенное время, снова наводят прежний порядок. При этом среди анкетированных не нашлось ни одного человека, считающего, что расположение личных вещей и предметов не имеет никакого отношения к самоорганизации, что говорит о достаточно высоком уровне организационной культуры испытуемых.

Анкетирование также показало, что абсолютно все участники исследования занимаются оценкой эффективности своей профессиональной деятельности: 30 % (18 человек) испытуемых делают это регулярно, 70 % (42 человека) – в зависимости от ситуации.

В результате анкетирования учителей начальных классов выявились достаточно высокие показатели в вопросе об использовании своего прошлого опыта развития для дальнейшего профессионального роста, поскольку 76,7 % (46 человек) ответили на данный вопрос положительно, 23,3 % (14 человек) ответили, что используют его не всегда, при этом полностью отсутствует мнение о том, что это не имеет никакого значения для профессионального роста.

Достаточно высокие показатели были получены в результате ответов на вопрос об умении распоряжаться временем в ходе публичных выступлений. 53,3 % (32 человека) выбрали ответ о необходимости ценить не только свое время, но и время других людей, и соблюдать регламент без потери качественной стороны доклада; 46,7 % (28 человек) ответили, что стараются уделять в равной степени внимание как содержанию выступления, так и его продолжительности. При этом среди испытуемых полностью отсутствует мнение о первостепенности содержательности выступления без учета его продолжительности, особенно если доклад интересный.

Проведенное анкетирование позволило нам выявить достаточно серьезное отношение испытуемых к вопросу фиксации заданий и поручений. 70 % (42 человека) ответили, что всегда записывают в свой ежедневник то, что нужно сделать и к какому сроку; 30 % (18 человек) наиболее важные поручения записывают в ежедневник, второстепенные – записывают, а если и забывают о них, то не считают это недостатком. Положительным моментом, на наш взгляд, является отсутствие мнений о том, что о поручениях должен помнить только тот, кто их дает.

Следующий вопрос анкеты позволил нам выявить, насколько учителя начальных классов, принявшие участие в исследовании, ценят свое личное время и могут вспомнить в конце дня, где и когда его пришлось напрасно потратить: 43,3 % (26 человек) ответили положительно, 53,3 % (32 человека) не всегда могут вспомнить, 3,4 % (2 человека) ответили отрицательно.

Среди способностей и качеств, необходимых для успешной деятельности учителя начальных классов, многие испытуемые в первую очередь отметили повышение персональной эффективности в профессиональной деятельности, далее следуют: умение вычленять главное, правильно расставлять приоритеты, формулировать свои жизненные и профессиональные цели, терпение и выносливость, умение мотивировать себя и других; на ступень ниже – умение ценить время, эффективно планировать рабочий день, мобильность, физическая и социальная активность; менее значимым оказалось умение анализировать свой опыт и регулярное соблюдение распорядка дня, правильное питание, соблюдение режима работы и отдыха; на последнем месте, согласно мнению испытуемых, оказалось умение проводить ежедневный самоконтроль профессиональной и личной деятельности, поскольку лишь 5 % испытуемых отметили данный вариант ответа.

Данные, полученные в результате анкетирования, свидетельствуют о том, что большинство испытуемых – 56,7 % (34 человека) принимали участие в конкурсах профессионального мастерства, 33,3 % (20 человек) планируют принять участие, 10 % (6 человек) не участвовали и не считают необходимым это делать.

Анкетирование показало, что инновационной и исследовательской деятельностью занимаются 50 % (30 человек) испытуемых, 43,3 % (26 человек) не имеют такого опыта, но планируют, 6,7 % (4 человека) не занимаются и не планируют это в дальнейшем.

Большинство участников анкетирования – 73,3 % (44 человека) имеют опыт участия в научно-практических конференциях, мастер-классах с целью презентации своего педагогического опыта; 16,7 % (10 человек) не имеют такого опыта, но планируют; 10 % (6 человек) не участвовали и не считают это необходимым.

Из затруднений, которые чаще всего испытывают участники исследования при планировании своей педагогической деятельности, наибольший процент ответов составил вариант о недостатке средств и ресурсов для достижения поставленных задач, далее следует сложность определения цели и задач педагогической деятельности в конкретной педагогической ситуации, на ступень ниже – затруднения в выборе способов (методов, приемов, технологий) достижения поставленных целей и недостаток профессиональных компетенций для качественного осуществления педагогических функций и действий. Других вариантов испытываемые не отметили. Среди способов, позволяющих преодолеть вышеотмеченные затруднения, в равной степени были выбраны ответы о самообразовании и анализе собственного опыта и опыта своих коллег. Меньшую популярность среди учителей начальных классов, принявших участие в данном исследовании, получил ответ о регулярном прохождении курсов повышения квалификации.

Одним из важных исследуемых составляющих для нас стало понимание участниками анкетирования того, что важнее всего для них в профессиональной деятельности. 70 % (42 человека) отметили, что это успехи их учеников, для 26,7 % (16 человек) – это личная удовлетворенность от полученных результатов, 3,3 % (2 человека) отметили благодарность родителей. Признание коллег и другие варианты ответов на данный вопрос не были зафиксированы среди полученных результатов.

На вопрос о наличии главных целей в жизни, к которым стремятся участники анкетирования, 66,6 % (40 человек) ответили, что такие цели у них есть, и они стремятся к их достижению; 26,7 % (16 человек) имеют такие цели, но не всегда понимают способы их достижения; 6,7 % (4 человека) не имеют целей из-за изменчивости жизни.

Следующий вопрос анкеты касался фиксации планов рабочей недели. Так, из 100 % (60 человек), занимающихся планированием работы на неделю, 70 % (42 человека) используют ежедневник или блокнот, 30 % (18 человек) на данный вопрос ответили отрицательно.

При ответе на вопрос о том, часто ли участники исследования винят себя за невыполненную работу, мнения разделились следующим образом: 26,7 % (16 человек) все делают вовремя, 46,6 % (28 человек) ответили положительно, 26,7 % (16 человек) дали отрицательный ответ.

Завершающий вопрос анкеты стал о том, предполагают ли испытываемые в ближайшее время сменить сферу своей профессиональной деятельности. Нами были зафиксированы следующие результаты: 63,33 % (38 человек) ответили отрицательно, 13,34 % (8 человек) выбрали положительный вариант ответа, 23,33 % (14 человек) затруднились дать однозначный ответ на поставленный вопрос.

Проанализировав ответы испытываемых, выраженные в числовом эквиваленте, мы получили сведения об уровнях самоменеджмента учителей начальных классов, которые приняли участие в данном исследовании. Результаты представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Уровень самоменеджмента учителей начальных классов

Уровень самоменеджмента	Количество человек	%
Высокий	9	15
Средний	51	85
Низкий	0	0

При определении критериев и уровней самоменеджмента учителя начальных классов мы взяли за основу концепцию Т. В. Майдановой [20].

Исходя из данных критериев, нами были выделены *три уровня развития самоменеджмента учителя начальных классов: высокий, средний и низкий*. Ниже представлена их содержательная характеристика.

Высокий уровень развития самоменеджмента учителя начальных классов предполагает:

- умение детально и качественно анализировать прошлый опыт развития, давать объективную оценку настоящей ситуации при постановке реальных целей на будущее;
- планирование и эффективная оценка средств, ресурсов, возможностей, способов достижения поставленных задач;
- понимание и качественное осуществление всех функций и действий, необходимых для выполнения профессиональной деятельности;
- четкое знание правил и приемов организации личной работы и умение ими эффективно пользоваться;
- ориентированность контроля на результат: его конечная цель состоит в достижении общего результата;
- регулярное соблюдение распорядка дня, правильное питание, соблюдение режима работы и отдыха;
- формирование личных потребностей, направленных на повышение персональной эффективности.

Средний уровень развития самоменеджмента учителя начальных классов предполагает:

- умение анализировать прошлый опыт развития, давать оценку настоящей ситуации при постановке реальных целей на будущее;
- наличие небольших затруднений при планировании и оценке средств, ресурсов, возможностей, способов достижения поставленных задач;
- присутствие незначительных ошибок при осуществлении основных функций и действий, необходимых для выполнения профессиональной деятельности;
- знание правил и приемов организации личной работы, но при этом избирательное использование их на практике;
- понимание необходимости ориентирования контроля на результат;
- наличие желания соблюдать распорядок дня, правильное питание, режим работы и отдыха, однако не всегда реализация этого на практике (в силу периодических затруднений при планировании времени);

- формирование личных потребностей, направленных на повышение персональной эффективности.

Низкий уровень развития самоменеджмента учителя начальных классов предполагает:

- неумение либо нежелание анализировать прошлый опыт развития, давать объективную оценку настоящей ситуации при постановке реальных целей на будущее;
- отсутствие планирования и оценки средств, ресурсов, возможностей, способов достижения поставленных задач;
- несоблюдение функций и действий, необходимых для выполнения профессиональной деятельности;
- игнорирование правил и приемов организации личной работы (в том числе из-за неумения либо нежелания ими пользоваться);
- отсутствие ориентированности контроля на результат;
- несоблюдение распорядка дня, правильного питания, режима работы и отдыха;
- несформированность личных потребностей, направленных на повышение персональной эффективности.

Таким образом, мы пришли к выводу, что высокий уровень самоменеджмента имеют 9 учителей начальных классов, что составляет 15 % от общего числа педагогов, принявших участие в исследовании; средний уровень присутствует у 51 человека, что составляет 85 % от общей суммы участников и является преимущественным; низкий уровень не был зафиксирован ни у одного испытуемого.

Результаты, полученные в ходе анкетирования, позволили нам не только сделать вывод об имеющемся уровне самоменеджмента, но и послужили основой для доказательства предположения о наличии взаимосвязи между эффективностью профессиональной деятельности учителей начальных классов на основе данных, полученных в ходе проведенного исследования, и имеющимся у них уровнем самоменеджмента.

Эффективность профессиональной деятельности является ключевым показателем работы любого специалиста, в том числе учителя начальных классов. На наш взгляд, эффективность профессиональной деятельности первоочередно складывается из таких важных для любого специалиста составляющих, как стаж работы и наличие квалификационной категории, а также уровня самоменеджмента.

При составлении анкеты мы опирались на:

- ✓ теоретические основы самоменеджмента, которые позволили нам оценить уровень (высокий, средний, низкий) самоменеджмента учителей начальных классов, складывающийся из умения анализировать прошлый опыт развития, давать объективную оценку настоящей ситуации при постановке реальных целей на будущее;
- ✓ планирование и оценку средств, ресурсов, возможностей, способов достижения поставленных задач;
- ✓ понимание и осуществление на определенном уровне всех функций и действий, необходимых для выполнения профессиональной деятельности;

- ✓ знание правил и приемов организации личной работы и умение ими эффективно пользоваться;
- ✓ умение ценить свое время и время других людей;
- ✓ ориентированность контроля на результат;
- ✓ соблюдение распорядка дня, правильное питание, соблюдение режима работы и отдыха;
- ✓ формирование личных потребностей, направленных на повышение персональной эффективности.

На первоначальном этапе анкетирования участникам необходимо было указать педагогический стаж и наличие квалификационной категории, которые являлись очень важными показателями для данного исследования. Благодаря полученным результатам была выявлена следующая закономерность: чем выше педагогический стаж и категория учителей начальных классов, тем выше их уровень самоменеджмента. При этом для высокого уровня самоменеджмента важны в совокупности как наличие большого стажа работы, так и наличие высшей квалификационной категории. Так, высокий уровень был выявлен лишь у 9 человек из 60; 7 из них имеют педагогический стаж более 15 лет, двое – от 4 до 10 лет, но при этом все имеют высшую квалификационную категорию. Самые низкие баллы были зафиксированы у учителей начальных классов, имеющих либо маленький стаж работы в данной должности, либо отсутствие квалификационной категории. Полученные результаты представлены в *таблицах 2 и 3*.

Таблица 2

**Результаты распределения учителей начальных классов по уровням
в зависимости от педагогического стажа**

Уровень самоменеджмента	Педагогический стаж							
	От 1 до 3 лет		От 4 до 10 лет		От 10 до 15 лет		Более 15 лет	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Высокий	0	0	2	3,33	0	0	7	11,67
Средний	8	13,33	22	36,67	4	6,66	17	28,34
Низкий	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 3

**Результаты распределения учителей начальных классов по уровням
в зависимости от квалификационной категории**

Уровень самоменеджмента	Квалификационная категория							
	Высшая		Первая		Вторая		Отсутствует	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Высокий	9	15	0	0	0	0	0	0
Средний	11	18,33	26	43,34	2	3,33	12	20
Низкий	0	0	0	0	0	0	0	0

Однако анкетирование позволило выявить случаи, когда, несмотря на достаточно большой опыт работы (более 15 лет), два педагога имеют баллы, приближенные к низким. Проанализировав результаты, мы пришли к выводу о том, что данные испытуемые столкнулись с проблемой профессиональной стагнации. В качестве подтверждения приведем примеры ответов на некоторые вопросы данных участников анкетирования: они оба / обе не считают нужным участвовать в конкурсах профессионального мастерства, заниматься инновационной и исследовательской деятельностью, участвовать в научно-практических конференциях, мастер-классах с целью презентации своего педагогического опыта (который, судя по стажу, достаточно большой), у них отсутствуют цели в жизни из-за ее изменчивости, и они не занимаются планированием своей деятельности. Подобные ответы вполне объясняют отсутствие категории у данных испытуемых. Все же, несмотря на вышеприведенные ответы (согласно данным анкетирования), эти педагоги не планируют в ближайшее время менять сферу своей профессиональной деятельности, считают ее успешной и получают удовлетворение от своей работы.

Сменить сферу профессиональной деятельности планируют 8 педагогов, обладающих средним уровнем самоменеджмента, четверо из них – по причине того, что они не получают удовлетворения от своей профессиональной деятельности, еще четверо – по иным причинам, возможно, связанным с материальной стороной профессии.

Еще одной особенностью, характерной для данной группы испытуемых, является то, что далеко не все из них ведут здоровый образ жизни (правильное питание, отсутствие вредных привычек, соблюдение режима работы и отдыха), поскольку лишь 14 человек ответили на данный вопрос положительно; 10 человек считают это необязательным для профессии учителя начальных классов; большинство (36 человек) ответили, что стараются, но это не всегда получается из-за отсутствия времени, что свидетельствует о наличии проблем с его планированием. Это подтвердилось при анализе ответов на 21 вопрос анкеты.

Анализируя ответы на вопрос о том, какие затруднения участники анкетирования чаще всего испытывают при планировании своей педагогической деятельности, мы пришли к выводу, что большинство учителей начальных классов, имеющих достаточно большой опыт работы (10–15 лет, более 15 лет), имеют в основном проблемы, связанные с недостатком средств и ресурсов для достижения поставленных задач; более «молодые педагоги» отметили у себя затруднения в выборе способов (методов, приемов, технологий) достижения поставленных целей и сложность определения цели и задач педагогической деятельности в конкретной педагогической ситуации; начинающие учителя начальных классов, имеющие опыт работы от 1 до 3 лет (8 человек), в основном отмечали у себя наличие проблем, связанных с недостатком профессиональных компетенций для качественного осуществления педагогических функций и действий.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исходя из полученных результатов, для подтверждения выдвинутой гипотезы нами было выдвинуто предположение о наличии и направлении корреляционной зависимости признака-результата от признака-фактора [21] и построена диаграмма рассеянности с учетом уравнения линейной регрессии (корреляционный анализ).

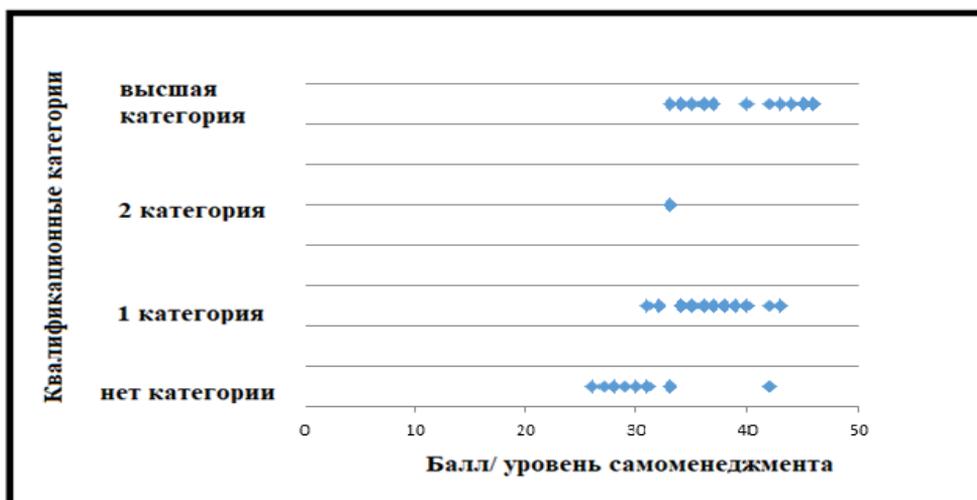

Рис. 1. График зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от квалификационной категории

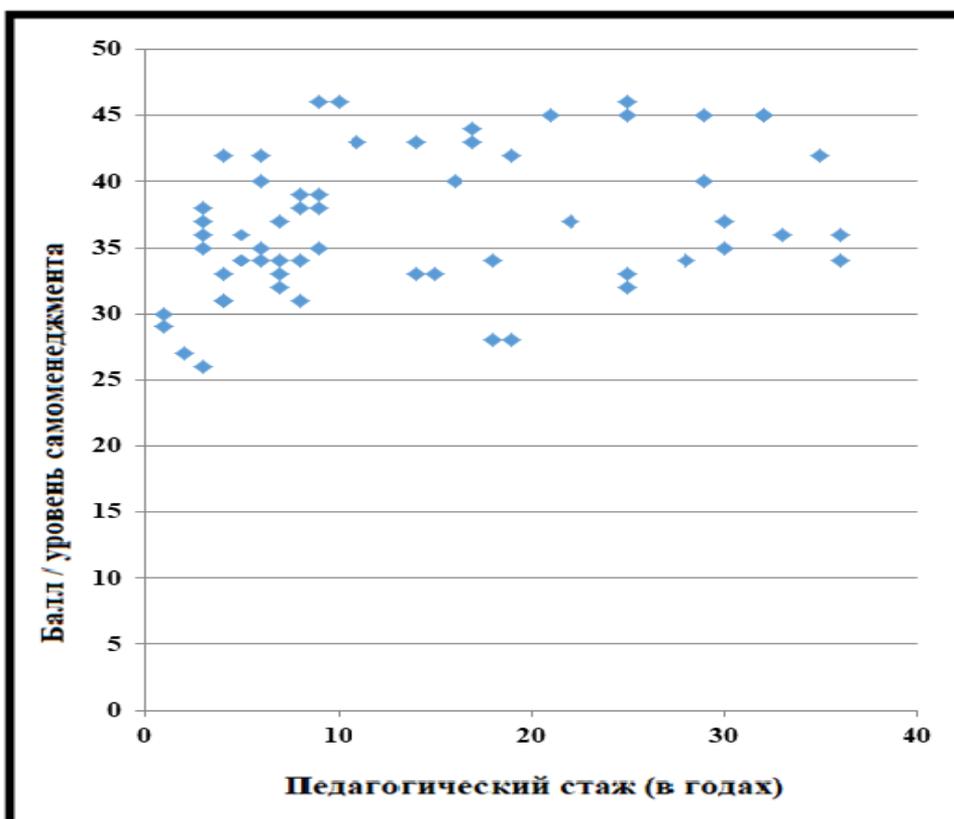

Рис. 2. График зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от педагогического стажа

График зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от имеющих у них категорий был построен с помощью данных таблицы с индивидуальными результатами участников исследования и представлен на *рисунке 1*.

Из данных графика (см. *рис. 1*) следует, что предположение о возрастании уровня самоменеджмента учителей начальных классов в зависимости от квалификационной категории подтверждается.

Рассмотрим в графическом виде зависимость уровня самоменеджмента учителей начальных классов от педагогического стажа.

График рассеянности (зависимости) уровня самоменеджмента учителей начальных классов от имеющегося стажа профессиональной деятельности был построен с помощью данных таблицы с индивидуальными результатами участников исследования и представлен на *рисунке 2*.

Совокупность точек результативного и факторного признаков называется полем корреляции. На основании данного поля (см. *рис. 2*) можно выдвинуть предположение о том, что связь между всеми возможными значениями X и Y носит линейный характер.

Вычислим уравнение линейной регрессии (y) – балл, на (x) – стаж:

$y = a \cdot x + b$, которая проходит максимально близко ко всем точкам (см. *рис. 3*).

Для нахождения данного уравнения были найдены промежуточные значения, необходимые для дальнейших расчетов.

Коэффициенты функции $y = a \cdot x + b$ найдем из решения системы

$$\begin{cases} a \cdot \sum x_i^2 + b \cdot \sum x_i = \sum x_i y_i \\ a \cdot \sum x_i + b \cdot n = \sum y_i \end{cases} \Rightarrow \begin{cases} 18\,797 \cdot a + 851 \cdot b = 32\,464 \\ 851 \cdot a + 60 \cdot b = 2\,210. \end{cases}$$

Систему решим по формуле Крамера [48]

$$\Delta = \begin{vmatrix} 18797 & 851 \\ 851 & 60 \end{vmatrix} = 18797 \cdot 60 - 851 \cdot 851 = 403\,619 \neq 0.$$

Значит, система имеет единственное значение

$$\Delta a = \begin{vmatrix} 32464 & 851 \\ 2210 & 60 \end{vmatrix} = 32464 \cdot 60 - 2210 \cdot 851 = 67\,130;$$

$$a = \frac{\Delta a}{\Delta} = \frac{67130}{403619} \approx 0,1663;$$

$$\Delta b = \begin{vmatrix} 18\,797 & 32464 \\ 851 & 2210 \end{vmatrix} = 18\,797 \cdot 2210 - 851 \cdot 32\,464 = 13\,914\,506;$$

$$b = \frac{\Delta b}{\Delta} = \frac{13\,914\,506}{403\,619} \approx 34,474.$$

Проверка.

Подставим полученные значения в левую часть каждого уравнения

$a \approx 0,166$; $b \approx 34,47$;

$18\,797 \cdot 0,1663 + 851 \cdot 34,474 = 32\,464$;

$851 \cdot 0,1663 + 60 \cdot 34,474 = 2\,210$.

В результате получены соответствующие правые части. Таким образом, искомое уравнение регрессии $y = 0,1663 \cdot x + 34,474$.

Построим прямую по двум точкам (см. *рис. 3*).

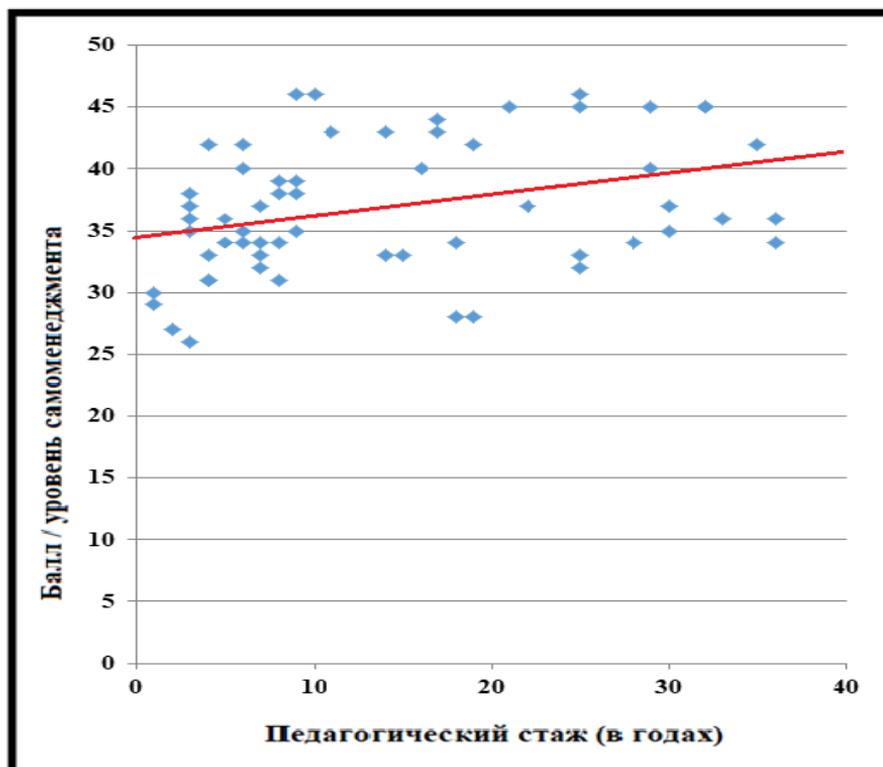

Рис. 3. Уравнение линейной регрессии на графике зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от педагогического стажа

Данное уравнение показывает, что с увеличением стажа на 1 единицу уровень самоменеджмента возрастает в среднем на 0,1663 – примерно на 0,2 балла.

Далее находим линейный коэффициент корреляции – выборочный линейный коэффициент парной корреляции Пирсона [21].

Выборочный [21] – так как мы рассматриваем выборочную совокупность; линейный [21] – потому что он оценивает тесноту линейной корреляционной зависимости;

парной [21] – исходя из того, что у нас два признака.

Линейный коэффициент корреляции вычислим по формуле

$$r_{xy} = \frac{\overline{xy} - \bar{x} \cdot \bar{y}}{\sigma_x \cdot \sigma_y},$$

где $\overline{xy}$ – среднее значение произведения признаков;

$\bar{x}$, $\bar{y}$ – средние значения признаков;

σ_x , σ_y – стандартные отклонения признаков.

$$\overline{xy} = \frac{\sum x_i y_i}{n} = \frac{32\,464}{60} = 541,07;$$

$$\bar{x} = \frac{\sum x_i}{n} = \frac{851}{60} = 14,18;$$

$$\bar{y} = \frac{\sum y_i}{n} = \frac{2210}{60} = 36,8.$$

Стандартные отклонения найдены как корни из соответствующих дисперсий, вычисленных по формуле [48]

$$\sigma_x = \sqrt{\frac{\sum x_i^2}{n} - (\bar{x})^2} = \sqrt{\frac{18797}{60} - 14,183^2} = \sqrt{112,125} \approx 10,58;$$

$$\sigma_y = \sqrt{\frac{\sum y_i^2}{n} - (\bar{y})^2} = \sqrt{\frac{83\,084}{60} - 36,833^2} = \sqrt{28,064} \approx 5,29.$$

Таким образом,

$$r_{xy} = \frac{\overline{xy} - \bar{x} \cdot \bar{y}}{\sigma_x \cdot \sigma_y} = \frac{541,07 - 14,18 \cdot 36,8}{10,58 \cdot 5,29} = \frac{19,246}{55,96} \approx 0,344.$$

Опираясь на шкалу Чеддока [21], которая представлена в *таблице 4*, в данном случае мы видим, что корреляционная зависимость уровня самоменеджмента от педагогического стажа у участников исследования умеренная, прямая.

Таблица 4

Шкала Чеддока

Диапазон значений $ r $	Линейная корреляционная зависимость Y от X
0 – 0,1	Практически отсутствует
0,1 – 0,3	Слабая
0,3 – 0,5	Умеренная
0,5 – 0,7	Заметная
0,7 – 0,9	Сильная
0,9 – 0,99	Очень сильная
0,99 – 1	Практически функциональная

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и их уровня самоменеджмента, полностью подтверждая выдвинутую нами гипотезу о том, что эффективность профессиональной деятельности учителей начальных классов находится в прямой зависимости от уровня их самоменеджмента.

Заключение. На основе теоретического анализа психолого-педагогической и методической литературы по проблеме исследования нами были выделены три уровня самоменеджмента учителей начальных классов: высокий, средний и низкий.

Для выявления уровней самоменеджмента учителей начальных классов нами была разработана авторская методика «Оценка уровня самоменеджмента учителя начальных классов», содержащая вопросы, составленные с учетом ключевых блоков самоменеджмента (самоорганизация, самоконтроль, самообразование), прошедшая апробацию в рамках экспериментальной работы по оценке эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов на базе лаборатории современных образовательных технологий центра профессиональных компетенций педагогического института ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». В проведенном исследовании приняли участие 60 учителей начальных классов, работающие в общеобразовательных учреждениях Республики Марий Эл.

Диагностика позволила выявить нам следующие результаты: высокий уровень самоменеджмента был зафиксирован у 9 учителей начальных классов (15 %), средний уровень присутствовал у 51 человека (85 %), низкий уровень не был отмечен ни у одного испытуемого.

Данные, полученные в ходе анкетирования, позволили нам не только сделать вывод об имеющемся уровне самоменеджмента, но и послужили основой для доказательства предположения о наличии взаимосвязи между эффективностью профессиональной деятельности учителей начальных классов и уровнем их самоменеджмента. Нами было выдвинуто предположение о наличии и направлении корреляционной зависимости признака-результата от признака-фактора и построена диаграмма рассеянности с учетом уравнения линейной регрессии (корреляционный анализ). На основе полученных данных были построены график зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от квалификационной категории и график зависимости уровня самоменеджмента учителей начальных классов от педагогического стажа, вычислено уравнение линейной регрессии, найден линейный коэффициент корреляции Пирсона, согласно шкале Чеддока, определена умеренная корреляционная зависимость уровня самоменеджмента от педагогического стажа у учителей начальных классов, принявших участие в исследовании.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и их уровня самоменеджмента, полностью подтверждая выдвинутую нами гипотезу о том, что эффективность профессиональной деятельности учителя начальных классов находится в прямой зависимости от уровня их самоменеджмента.

Достигнутые результаты будут служить основой для дальнейшей работы в данном направлении, в частности для разработки и апробации методических рекомендаций, предназначенных для повышения уровня самоменеджмента учителей начальных классов, принявших участие в исследовании, а также всех заинтересованных в вопросах повышения своей персональной эффективности лиц, в том числе студентов педагогических специальностей.

Список литературы

1. Минаева О. В., Евченко А. Ф. Современный самоменеджмент и личная тектология: общее и особенное // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 2 (27). С. 34–47.
2. Щербакова Е. С. Самоменеджмент в деятельности руководителя // Экономика и социум. 2021. № 4-2 (83). С. 747–751.
3. Шерпеева М. О. Самоменеджмент государственного и муниципального служащего // Экономика и социум. 2018. № 5 (48). С. 1359–1362.
4. Self-Management for Primary School Students Demonstrating Problem Behavior in Regular Classrooms: Evidence Review of Single-Case Design Research / Margherita L. Busacca, Angelika Anderson, Dennis W. Moore // Journal of Behavioral Education (J Behav Educ). Published online July 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/282544074_Self-Management_for_Primary_School_Students_Demonstrating_Problem_Behavior_in_Regular_Classrooms_Evidence_Review_of_Single-Case_Design_Research (дата обращения: 20.09.2021). DOI:10.1007/s10864015-9230-3
5. Китаев А. А. Самоменеджмент как основа управления собственной деятельностью // Проблемы развития современного предпринимательства: коллективная монография. Ставрополь, 2018. С. 318–322.

6. Осипова О. П., Шклярова О. А. Ресурс самоменеджмента в повышении профессиональной жизнеспособности и развитии управленческой культуры педагогических работников // Проблемы современного образования. 2020. № 5. С. 202–203.
7. Спивак В. А. Самоменеджмент как вид менеджмента – области исследования // Лидерство и менеджмент. 2017. Т. 4. № 4. С. 153–167.
8. Batool Abd All Ghali, Liqaa Miri Habeeb, Khitam Dekhn Hamzah. Self-Management and its Relation to Organizational Excellence // International Journal of Engineering & Technology. 2018. № 7 (4.7). С. 47–50.
9. Лебедева А. А., Кочкина Л. С. Самоменеджмент в личности менеджера в современных условиях // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. И. Забнева; редколлегия: Ю. А. Кузнецова [и др.]. 2020. С. 276–279.
10. Алехина Л. Л. Самоменеджмент во времени и пространстве человеческого взаимодействия // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: смыслы и ценности прошедшего столетия: сборник научных трудов XXXII Харакского форума / под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. 2017. С. 14–16.
11. Гончарова Е. И., Костомарова С. В. Самоменеджмент в системе управления человеческими ресурсами // Экономика. Инновации. Управление качеством. 2017. № 2 (19). С. 31а-32.
12. Демьянов В. Г. Самоменеджмент муниципальных служащих // Управленческий учет. 2021. № 3. С. 193–198.
13. Prof. Srikanta Patnaik. Self-Management: For Individual and Organizational Success. Partridge Publishing India, 2021. 192 p.
14. Зайверт Л. Ваше время – в Ваших руках: (Советы руководителям, как эффективно использовать рабочее время): пер. с нем.; авт. предисл. В. М. Шепель. М.: Экономика, 1990. 232 с.
15. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя – практика: пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1994. 320 с.
16. Кыстаубаева Ж. Н. Менеджмент и самоменеджмент – одно из важных условий современного преподавания и обучения // Современное образование: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 29–32.
17. Якушева С. Д. Самоменеджмент в деятельности педагога современного образовательного комплекса // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 11. С. 242–263.
18. Симонова А. А., Галагузова М. А. Самоорганизация – эффективный инструмент совершенствования педагога // Народное образование. 2011. № 1. С. 262–269.
19. Жилина Ж. А., Макаров П. Ю., Абдряшитова А. И. Самоменеджмент и управление карьерой. Владимир: Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. 147 с.
20. Майданова Т. В. Показатели и критерии оценки проявления самоменеджмента бакалавров социальной работы // Педагогическое образование в России. 2016. № 8. С. 52–58.
21. Как вычислить коэффициент корреляции? URL: http://mathprofi.ru/linejnyj_koefficient_korrelyacii.html (дата обращения: 13.10.2021).

Авторская справка

МЕДВЕДЕВА Зоя Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики начального и общего образования, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: medvedeva_zoya@inbox.ru

UDC 37.015.31

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.72

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE EFFECTIVENESS
OF ELEMENTARY SCHOOL TEACHERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES
AND THEIR LEVELS OF SELF-MANAGEMENT**

Z. V. Medvedeva*Mari State University, Yoshkar-Ola (Russia)*

Introduction. In today's dynamically developing socio-economic and socio-cultural conditions, there are rapidly increasing demands on the quality and effectiveness of the educational process, the search for and implementation of innovations. In this context, the professional activity of an elementary school teacher is no exception. Elementary school teacher, as well as other professionals, it is important to maintain a high bar in their professional field, successfully adapt to the new digital and information space, which dictates the time and successfully navigate it, providing a high level of educational services, have a mobile and creative approach to solving their professional tasks. All this actualizes the problem of self-management of elementary school teachers, based on such processes as self-organization, self-management, self-education and self-control.

Methods. This article describes the results of the study organized on the basis of the Laboratory of Modern Educational Technologies of the Center for Professional Competences of the Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Mari State University", which was aimed at identifying the levels of self-management of elementary school teachers working in general educational institutions of the Republic of Mari El through our developed method "Self-management assessment of elementary school teachers". In order to confirm the hypothesis we conducted a correlation analysis and constructed a scatter diagram taking into account the linear regression equation.

Results. The conducted diagnostics revealed the presence of a high level of self-management in 9 elementary school teachers (15 %), the average level in 51 (85 %) with a complete lack of low. We hypothesized the presence and direction of the correlation dependence of the trait-result on the trait-factor and built a scatter diagram taking into account the linear regression equation (correlation analysis). Based on the diagnostic data, a graph of the dependence of the level of self-management of elementary school teachers on the qualification category and a graph of the dependence of the level of self-management of elementary school teachers on the pedagogical experience, the linear regression equation was calculated, a linear Pearson correlation coefficient was found, according to the Cheddock scale a moderate correlation relationship of self-management level with pedagogical experience was determined for elementary school teachers who took part in the study. A linear regression equation showed that with an increase of 1 unit of experience, the level of self-management increased by an average of 0,1663 – about 0,2 points. The obtained results served as a basis for proving the assumption that there is a direct relationship between the effectiveness of the professional activities of elementary school teachers and their levels of self-management.

Conclusion. The results obtained during the study will form the basis for further work in this direction, which will be aimed at developing and testing methodological recommendations for improving self-management of elementary school teachers, not only those who participated in the study, but also all those interested in issues of improving their personal effectiveness, including students of pedagogical specialties

Keywords: self-management; self-organization; self-management; self-control; self-education; elementary school teacher; professional activity; personal effectiveness.

References

1. Minaeva O. V., Evchenko A. F. Sovremennyyi samomenedzhment i lichnaya tectologiya: obshchee i osobennoe [Modern self-management and personal tectology: general and special]. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava [Bulletin of the International Institute of Economics and Law]. 2017, no. 2 (27), pp. 34–47. (In Russian).

2. Shcherbakova E. S. Samomenedzhment v deyatelnosti rukovoditelya [Self-management in the activities of the head]. *Ekonomika i sotsium [Economy and society]*. 2021, no. 4–2 (83), pp. 747–751. (In Russian).

3. Sherpeeva M. O. Samomenedzhment gosudarstvennogo i munitsipal'nogo sluzhashchego [Self-management of a state and municipal employee]. *Ekonomika i sotsium [Economy and society]*. 2018, no. 5 (48), pp. 1359–1362. (In Russian).

4. Margherita L. Busacca, Angelika Anderson, Dennis W. Moore. Self-Management for Primary School Students Demonstrating Problem Behavior in Regular Classrooms: Evidence Review of Single-Case Design Research. *Journal of Behavioral Education (J Behav Educ)*. Published online July 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282544074_Self-Management_for_Primary_School_Students_Demonstrating_Problem_Behavior_in_Regular_Classrooms_Evidence_Review_of_Single-Case_Design_Research (accessed: 20.09.2021), DOI:10.1007/s10864015-9230-3

5. Kitaev A. A. Samomenedzhment kak osnova upravleniya sobstvennoi deyatelnost'yu [Self-management as the basis for managing your own activities]. *Problemy razvitiya sovremennogo predprinimatel'stva: kollektivnaya monografiya [Development problems of modern entrepreneurship: collective monograph]*. Stavropol'. 2018, pp. 318–322. (In Russian).

6. Osipova O. P., Shklyarova O. A. Resurs Samomenedzhmenta v povyshenii professional'noi zhiznesposobnosti i razvitiu upravlencheskoi kultury pedagogicheskikh rabotnikov [Self-management resource in increasing professional viability and development of managerial culture of teachers]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*. 2020, no. 5, pp. 202–203. (In Russian).

7. Spivak V. A. Samomenedzhment kak vid menedzhmenta – oblasti issledovaniya [Self-management as a type of management – research areas]. *Liderstvo i menedzhment [Leadership and management]*. 2017. Vol. 4, no. 4, pp. 153–167. (In Russian).

8. Batool Abd All Ghali, Liqaa Miri Habeeb, Khitam Dekhn Hamzah. Self-Management and its Relation to Organizational Excellence. *International Journal of Engineering & Technology*. 2018, no. 7 (4.7), pp. 47–50.

9. Lebedeva A. A., Kochkina L. S. Samomenedzhment v lichnosti menedzhera v sovremennykh usloviyakh [Self-management in the personality of a manager in modern conditions]. *Voprosy sovremennoi nauki: problemy, tendentsii i perspektivy. Materialy Chetvertoy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novokuznetsk, 3–4 dekabrya 2020) [Questions of modern science: problems, trends and prospects. Materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference (Novokuznetsk, December 3–4, 2020)]*. Kemerovo, FGBOU VO «Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. T. F. Gorbacheva», filial KuzGTU v g. Novokuznetske. 2020, pp. 276–279. (In Russian).

10. Alehina L. L. Samomenedzhment vo vremeni i prostranstve chelovecheskogo vzaimodejstviya [Self-Management in the Time and Space of Human Interaction]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya. 1917–2017: smysly i cennosti proshedshego stoletija: sbornik nauchnykh trudov Tridcat' vtorogo Harakskogo foruma [Political Space and Social Time. 1917–2017: meanings and values of the past century: a collection of scientific papers of the thirty-second Harak Forum]*. Pod redakciej T. A. Senjushkinoj, A. V. Baranova, 2017, pp. 14–16. (In Russian).

11. Goncharova E. I., Kostomarov S. V. Samomenedzhment v sisteme upravleniya chelovecheskimi resursami [Self-management in the human resource management system]. *Ekonomika. Innovatsii. Upravlenie kachestvom [Economy. Innovation. Quality control]*. 2017, no. 2 (19), pp. 31–32. (In Russian).

12. Dem'yanov V. G. Samomenedzhment munitsipal'nykh sluzhashchikh [Self-management of municipal employees]. *Upravlencheskii uchët [Management Accounting]*. 2021, no. 3, pp. 193–198. (In Russian).

13. Prof. Srikanta Patnaik. *Self-Management: For Individual and Organizational Success*. Partridge Publishing India, 2021. 192 p.

14. Zaivert L. *Vashe vremya – v Vashikh rukakh: sovety delovym lyudyam, kak effektivno ispol'zovat' rabochee vremya [Your time is in your hands: advice to business people on how to effectively use their working time]*. Moscow, Intereksper, Infra–M, 1995, 267 p. (In Russian).

15. Vudkok M., Frensis D. *Raskreposhchennyi menedzher. Dlya rukovoditelya – praktika [A liberated manager. For a leader – practice]*. Per. s angl. Moscow, Delo LTD, 1994, 320 p. (In Russian).

16. Kystaubaeva Zh. N. Menedzhment i samomenedzhment – odno iz vaznyh uslovij sovremennogo prepodavaniya i obuchenija [Management and self-management is one of the important conditions for modern teaching and learning]. *Sovremennoe obrazovanie: opyt proshlogo – vzgljad v budushhee: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern Education: Past Experience – a Look into the Future: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference]. 2018, pp. 29–32.

17. Yakusheva S. D. Samomenedzhment v deyatelnosti pedagoga sovremennogo obrazovatel'nogo kompleksa [Self-management in the activities of a teacher of a modern educational complex]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary research on social problems]. 2018, vol. 9, no. 11, pp. 242–263. (In Russian). DOI:10.12731/2218-7405-2018-11-242-263. (In Russian).

18. Simonova A. A., Galaguzova M. A. Samoorganizacija – jeffektivnyj instrument sovershenstvovaniya pedagoga [Self-organization is an effective tool for teacher improvement]. *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. 2011, no. 1, pp. 262–269.

19. Zhilina Zh. A., Makarov P. Ju., Abdrjashitova A. I. Samomenedzhment i upravlenie kar'eroy [Self-Management and Career Management]. *Vladimir, Vladimirsij filial FGBOU VO «Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhbe pri Prezidente Rossijskoj Federacii*, 2017, 147 p.

20. Maidanova T. V. Pokazateli i kriterii otsenki proyavleniya samomenedzhmenta bakalavrov sotsial'noi raboty [Indicators and criteria for assessing the manifestation of self-management of bachelors of social work]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2016, no. 8, pp. 52–58. DOI: 10.12731/2218-7405-2018-11-242-263. (In Russian).

21. Kak vychislit' koeficient korreljacii? [How do I calculate the correlation coefficient?]. Available at: http://mathprofi.ru/linejnyj_koefficient_korrelyacii.html (accessed 13.10.2021). (In Russian).

Author's Bio

MEDVEDEVA Zoya Vasilyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Primary and General Education, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: medvedeva_zoya@inbox.ru

Библиографическая ссылка

Медведева З. В. Взаимосвязь эффективности профессиональной деятельности учителей начальных классов и их уровней самоменеджмента // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 3 (31). С. 72–91. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.72

УДК 37.035.41; 316.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.92

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ТОЧКУ ЗРЕНИЯ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХ СУБКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В. С. Соломыков¹, И. А. Клоков²

¹Ступинский филиал Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Ступино (Россия)

²Центр обеспечения информацией «Энергия» Федеральной службы охраны Российской Федерации, Ступино (Россия)

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена в первую очередь сложившимися в современных реалиях условиями доступного и практически неограниченного общения, коммуникации индивидов и групп индивидов. Кроме того, данная тематика является мало освещенной и, по оценке авторов, недостаточно исследованной именно в контексте сопоставления скорости распространения идеологий и их радикализации. *Цель* исследования состоит в выявлении коммуникативных тенденций, направленных на распространение вновь формирующихся паттернов мышления, а также поиске ответа на вопрос о потенциально возможной ответной реакции социума в связи с принятием им проведенной оценки негативных последствий данного явления. Также целью исследования является создание предпосылок к дальнейшему изучению рассмотренной тематики.

Методы. В качестве методов исследования применялся дискурс-анализ лингвистических структур, содержащих в себе набор медиатекстов, соответствующих тем или иным феноменам или явлениям, кроме того, авторами применялся метод анализа общедоступных документов. В качестве дискурса был выбран ряд статей, общим признаком которых являлось наличие цельного и связного текста, актуализация которого детерминирована таким социокультурным фактором, как оказание влияния на позицию индивида по различным инцидентам действительной реальности. Следует отметить важность для авторов того факта, чтобы в дискурсе были отражены не только языковые формы высказываний, но содержались дополнительно и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, имплицировались коммуникационные намерения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Авторами были исследованы и проанализированы 113 статей ведущих мировых изданий как отечественных, так и зарубежных, среди которых публикации в таких изданиях, как Die Welt, «Коммерсантъ», Frankfurter Allgemeine Zeitung, Sun и других. В результате проведенного исследования сделан ряд выводов о характере тенденций, сопровождающих процесс высокоскоростного проникновения идеологий в неподготовленную среду. Научная новизна исследования заключается в сопоставлении зрелости идеологий и их радикализации, а также выдвижении гипотезы о том, что данные параметры являются взаимосвязанными. Работа является практически значимой, создавая задел для дальнейших исследований поднятого вопроса по следующим направлениям: расширение перечня рассматриваемых идеологий, анализ личностных характеристик лидеров радикальных движений, корреляция качества обучения в образовательных учреждениях и степени подверженности эффектам проникновения новых идеологий.

Заключение. В заключение приведены рекомендации по уменьшению рисков влияния систем коммуникации на точку зрения индивида.

Ключевые слова: субкультура; системы массовой коммуникации; распространение информации, идеологии; индивид; сознание; влияние новых идей.

Введение. В последние несколько десятилетий существенно ускорилась разработка средств и систем массовой коммуникации, на порядок выросли скорости передачи данных и доступность устройств передачи данных [1]. Появились современные и удобные коммуникационные платформы, такие как мессенджеры и социаль-

ные сети. Общение между лицами и группами лиц, даже территориально удаленными, стало естественным, комфортным и высокоскоростным. Сообщения, формализованные в виде новостных статей, публикаций в блогах или постов, стали одновременно доступны значительному числу индивидов.

Вместе с тем это привело к повышению скорости распространения информации среди групп индивидов. Сравнивая с теми условиями, в которых находилось человечество до начала цифровой эры, нельзя не отметить, что у данного явления есть как положительные, так и отрицательные стороны. В настоящем исследовании авторами будет детально рассмотрена одна из потенциально отрицательных сторон, связанная с лавинообразным («вирусным») распространением формализованной информации в виде идей и идеологий.

Вопросы, относящиеся к стратегиям, направленным на изучение процессов влияния на идеологию индивидов, исследовались многими учеными. Так, например, круг методологических проблем данной тематики был сформулирован таким известным ученым, как Д. Белл. К числу этих проблем относится взаимодействие личностных устремлений и характера человека, подвергающегося влиянию извне, причем это влияние может быть как осознаваемо индивидом, так и незаметно для него. Д. Белл, в частности, одним из первых стал увязывать массовые явления в общественном сознании с «информационным обществом», которое им понималось в тесной связи классического общества с совокупностью развивающихся и используемых в обществе технических средств [2]. Конкретно данное направление в своих научных статьях прорабатывалось и раскрывалось такими авторами, как В. А. Мухоморов, А. М. Руденко [3; 4].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении коммуникативных тенденций, направленных на распространение вновь формирующихся паттернов мышления, а также поиск возможной ответной реакции социума в связи с проведенной оценкой. В ходе работы над статьей авторами была выдвинута гипотеза о том, что распространение вновь формирующихся паттернов мышления со скоростью, превосходящей скорость распространения более ранних идеологий, носит, как явление, скорее отрицательный характер, ведя в качестве побочного явления к радикализации соответствующих течений и субкультур.

Методы. В качестве методов исследования применялся дискурс-анализ лингвистических структур, содержащих в себе набор медиатекстов, соответствующих тем или иным феноменам или явлениям. В качестве дискурса авторами был выбран ряд статей, общим признаком которых являлось наличие цельного и связного текста, актуализация которого детерминирована таким социокультурным фактором, как оказание влияния на позицию индивида по различным инцидентам действительной реальности. Следует отметить важность для авторов того факта, чтобы в дискурсе были отражены не только языковые формы высказываний, но содержались дополнительно и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, имплицировались коммуникационные намерения. Авторами в рамках исследования были проанализированы 113 статей ведущих мировых изданий как отечественных, так и зарубежных, среди которых публикации в таких изданиях, как Die Welt, «Коммерсантъ», Frankfurter Allgemeine Zeitung, Sun и других. По отношению к упомянутым статьям авторами применялся метод анализа документов, целью

которого было выявить частоту публикаций о негативных инцидентах, имевших отношение к той или иной рассматриваемой субкультуре, с тем чтобы впоследствии сопоставить эту величину с параметром «зрелости» соответствующей субкультуры.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Скорость распространения идеологий.

Лавинообразное распространение формализованной информации в виде идей и идеологий скрывает в себе некоторую степень опасности. Следует отметить, что идеи и идеологии сами по себе не несут угрозы, за исключением крайних случаев, примером которых может служить идеология фашизма, однако чересчур высокая скорость их распространения может приводить к печальным результатам, отражаясь в конкретных фактах, поступках, событиях и явлениях. Как косвенный пример этого, можно вспомнить дело Лео Франка, казненного в Соединенных Штатах Америки в 1915 году вследствие суда Линча. Впоследствии выяснилось, что казненный был невиновен в инкриминируемом ему деянии¹. Или же приведем в качестве примера случай с министром энергетики и цифрового развития Швеции, который, обнаружив под новостью о размещении в Швеции сетей передачи данных поколения 5G огромное количество негативных комментариев, незамедлительно обвинил в этом деянии «русских троллей». Впоследствии выяснилось, что негативные комментарии оставляли простые шведские обыватели, уверенные в том, что излучение новейших сетей оказывает вредоносное воздействие на их здоровье². Эти примеры должны напомнить нам о том, что зачастую для принятия верного решения необходимо выдержать соответствующую моменту паузу. Охарактеризованы основные факторы, например, такие как объективность изложенных фактов, которые должен осознавать индивид, как императив социума, для противодействия попыткам внесения нестабильности в свою сформированную точку зрения.

Стоит особенно подчеркнуть, что, согласно методике М. Ш. Муслимовой [5, с. 8-9], влияние новых мыслей и идей сильнее на молодежь и людей без образования. Средства массовой информации стали существенным фактором воспитания – подростки стараются подражать распространенным образцам. В этой связи следует поддержать правомерность мнения современных исследователей о том, что подростки, как получатели информации, легче поддаются давлению.

Способность средств массовой информации существенно влиять на массовое сознание была подмечена давно. Совершенствование технических возможностей средств массовой информации значительно расширило масштабы манипуляции массовым сознанием, которое без труда поддается влиянию. Масса не имеет собственного мнения, поскольку она не приспособлена к теоретическому, абстрактному, критическому мышлению, поэтому умелое манипулирование информацией делает возможности внушения масс со стороны средств массовой информации практически безграничными [6].

Согласно исследованию Т. В. Коноплевой [7], реципиент с большей готовностью воспринимает и усваивает информацию, которая укладывается в его смысло-

---

¹ Казнь невиновных. Дело Сакко и Ванцетти. URL: <https://foto-history.livejournal.com/4410091.html> (дата обращения: 22.12.2021).

² Мильченко А., Нашел русских троллей: МИД поиронизировал над шведским министром. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/05_a_13037617.shtml (дата обращения: 06.12.2021).

вые рамки субъективных представлений о политике. Не имея полной информации о политическом акторе, люди склонны достраивать недостающие причинно-следственные связи, находя объяснения происходящим политическим событиям. При этом, воспринимая информацию, индивиды по-разному интерпретируют ее содержание, основываясь на собственных способах восприятия, привычках и имеющихся в обществе стереотипах. Также в исследованиях М. В. Морева, В. И. Поповой выявлена зависимость между индивидуальными когнитивными структурами индивида и его восприимчивостью к информации о политической ситуации [8].

Взаимосвязь зрелости и радикальности идеологий.

В качестве примеров формирования индивидуальных стереотипов рассмотрим ряд субкультур, существующих и в достаточной степени распространенных в мире. Они различны, часто несовместимы друг с другом [9], и одним из средств их распространения является массовая коммуникация.

Возьмем, к примеру, готическую субкультуру, которая является элементом современной культуры и предоставляет молодым людям возможности творческой реализации, определенную свободу выбора в части альтернативности инновационного стиля и образа жизни. Т. С. Абдуллина отмечает, что рефлексивное и критическое осмысление присутствует в готическом субкультурном творчестве – поэзии, литературе, рисунках и фотографиях – и является не только выражением культурных интересов, но и попыткой найти решения ряда проблем современности [10]. С учетом того, что формирование данной субкультуры началось в 70-х годах двадцатого века, авторы оценили зрелость данной субкультуры как «высокую», а количество публикаций о негативных инцидентах в средствах массовой информации, имеющих отношение к готической субкультуре, приближающееся к нулю.

Также примером сформировавшейся идеологии может служить субкультура байкеров, с их любовью к технике и давней историей, начавшейся в 50-х годах двадцатого века. Многих байкеров отличает соответствующий суровый внешний вид, зачастую они бородаты и носят кожаную одежду. Байкер должен не только обладать мотоциклом, он должен проникнуться им, «стать другом». Для этого представителям данной субкультуры нужно разбираться в соответствующей технике, так как желательно, чтобы мотоцикл был доработан своим хозяином и не выглядел стандартно³. Авторы оценили зрелость данной субкультуры как «высокую», а количество публикаций о негативных инцидентах в средствах массовой информации, имеющих отношение к субкультуре байкеров, как «среднее».

Следует отметить, что подобные тенденции и срок формирования традиций субкультуры не могут быть полноценными гарантиями отсутствия проблем. Доработанные мотоциклы зачастую не соответствуют требованиям безопасности⁴. Дополнительно в условиях, когда еще неокрепшая личность, не обладающая внутренними ограничителями, попадает в опасные субкультуры, создаются предпосылки для ее противоправного и асоциального поведения. Даже те субкультуры, идеология кото-

³ Варламов Е., Субкультура «байкеры»: история возникновения // ФБ.ру. 2015. URL: <http://fb.ru/article/168962/subkultura-baykeryi-istoriya-vozniknoveniya-kto-takie-baykeryi> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴ Постановление Правительства РФ от 06.04.2019 г. № 413 «Об утверждении Правил внесения изменений в конструкцию находящихся в эксплуатации колесных транспортных средств и осуществления последующей проверки выполнения требований технического регламента Таможенного союза "О безопасности колесных транспортных средств"».

рых не носит оттенка депрессивности или агрессивности, могут быть сопряжены с неоправданным риском для жизни и здоровья или со злоупотреблением психоактивными веществами [8]. Например, несмотря на миролюбивость растаманов, их движение несет в себе пропаганду конопли, тем самым повышая вероятность того, что заинтересовавшаяся растаманским движением молодежь попробует и это. Конопля проповедуется и многими хиппи, панками и в целом многими другими музыкальными субкультурами. При этом в некоторых странах данная разновидность наркотических веществ легализована и допускается к использованию в медицинских целях, однако идеология не признает государственных границ. Авторы оценили зрелость данной субкультуры как «высокую», а количество публикаций о негативных инцидентах в средствах массовой информации, имеющих отношение к субкультуре растаманов, как «низкое».

Движение же байкеров ассоциируется с активным употреблением этанолсодержащих напитков с последующим управлением транспортными средствами⁵. Подобное поведение можно с определенной долей уверенности назвать небезопасным либо даже асоциальным.

Однако, несмотря на наличие минусов, у каждой из приведенных выше субкультур существуют и плюсы, а самая главная их особенность – это способность к ведению диалога с представителями иных направлений и течений, позволяющая им мирно сосуществовать.

Существуют и гораздо более агрессивные субкультурные движения, которые деструктивно влияют на сознание молодежи. Воинствующие феминистки, веганы (радикальные вегетарианцы) являются примером слишком быстро распространяющихся агрессивных идеологий посредством современных средств массовой коммуникации. Радикальность подобных течений является основным негативным эффектом от их распространения. Самое главное – это то, что утрачивается способность к разумному диалогу, приверженец радикальной идеологии начинает все видеть исключительно в черных и белых цветах, проявлять чрезмерную агрессию к несогласным с его точкой зрения.

Более того, в случаях, когда сторонникам радикальной идеологии удастся оказывать влияние на общественное мнение, свою идеологию они зачастую представляют единственно верной, а несогласных клеймят оскорбительными терминами, а порой и действиями. Например, вспомним погромы мясных лавок во Франции лицами, не согласными с употреблением другими людьми в пищу мяса животных, названные главой Федерации мясников Франции «формой терроризма»⁶. Или же приведем в качестве примера нападение группы агрессивных феминисток на верующих в Аргентине⁷. В обоих приведенных примерах авторы исследования оценили зрелость субкультуры как «низкую», а количество публикаций о негативных инцидентах

---

⁵ Байкеры и алкоголь. URL: <https://moto.msk.ru/blog/blog.html?id=99> (дата обращения: 20.02.2022).

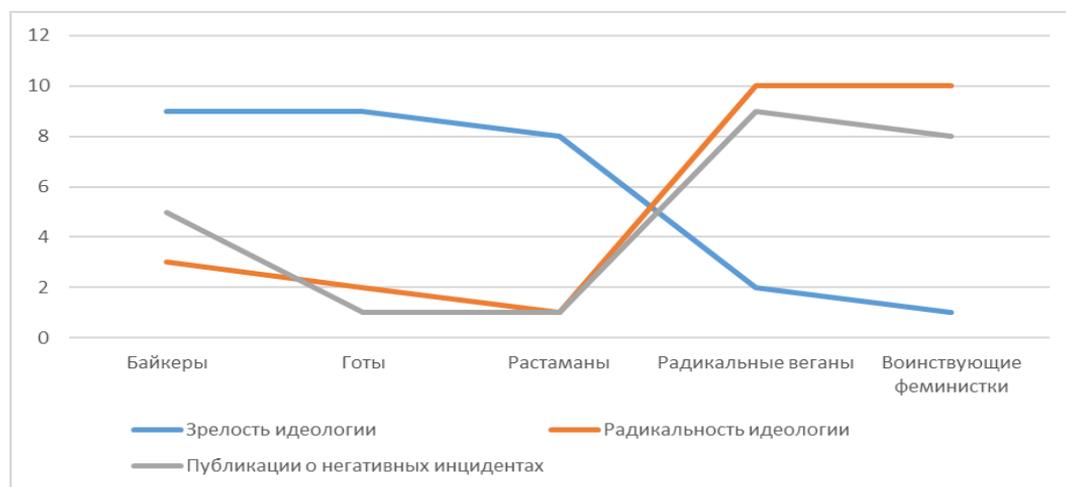
⁶ Бочарников И. Во Франции задержали группу веганов-экстремистов. URL: <https://fedpress.ru/news/western-europe/society/2128439> (дата обращения: 11.01.2022).

⁷ Феминистки напали на собор и избili верующих: URL: <https://info.sibnet.ru/article/447893/> (дата обращения: 11.01.2022).

тах в средствах массовой информации, имеющих отношение к данным субкультурам, как «высокое».

Немного подробнее поясним оценку, сделанную в отношении воинствующего, или радикального феминистического движения. Пусть у данного движения есть давние корни, именно его радикальная волна, активно продвигающаяся в массы в последнее время, началась в конце 90-х годов двадцатого века, что дает авторам основания для подобной оценки. Само движение феминисток имеет высокую зрелость и благородную идею – борьбу за права женщин, однако воинствующее ответвление этой идеологии, ввиду небольшого возраста для идеологий, слабо зрелое и при этом обладает высокой степенью агрессивности. При современной скорости распространения идеологий эта ветвь обрела гораздо большее влияние и количество сторонников, чем если бы она появилась 50 лет назад.

Для обобщения результатов исследования мы предлагаем ввести относительную шкалу зрелости и радикальности рассмотренных идеологий (см. *рис. 1*), в которой для зрелости величина 1 означает «молодая», недавно сформировавшаяся идеология, а 10 – идеология «зрелая», существующая уже несколько десятков лет, пережившая несколько поколений участников. Для радикальности 1 означает миролюбивую идеологию, в то время как 10 – максимально радикальные взгляды участников. Кроме этого, на основании изученных статей ведущих мировых изданий мы добавляем на график третью относительную величину – «Публикации о негативных инцидентах», размерностью также от 1 до 10, где 10 – наибольшая частота упоминаний среди рассмотренных идеологий.

Рис. 1. Связь между зрелостью и радикальностью идеологий

Источник: разработано авторами.

На *рисунке 1* показана выявленная обратно-пропорциональная связь между зрелостью и радикальностью идеологий.

Влияние идеологий на индивида.

Естественной реакцией общества на подобные тенденции, когда все крайне быстро меняется, и на следующий день правильным, причем единственно правильным, может считаться далеко не то, что индивид считал правильным всю жизнь, является стремление к консервативным ценностям. Этим стоит объяснить как рост популярности многих правых партий в развитых странах [11, с. 18], так и увеличение роли религиозных организаций, как правило, пропагандирующих именно консервативные ценности^{8; 9; 10; 11}.

Еще одним последствием подобных изменений в обществе является резко увеличившееся количество эпатажных, а порой и безответственных высказываний от известных личностей, в том числе и среди занимающих важные государственные посты, в средствах массовой информации, мессенджерах и социальных сетях. Наиболее яркими примерами могут послужить высказывания Д. Трампа, сравнивающего размеры «ядерной кнопки» у него и у лидера Корейской Народной Демократической Республики¹², или целый ряд высказываний Б. Джонсона, бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии¹³.

Учитывая занимаемые данными людьми должности и с поправкой на высочайший уровень ответственности, которую каждый из них должен осознавать при выполнении своих обязанностей, нельзя не отметить, что подобное поведение также с трудом укладывается в общепринятые рамки ведения дипломатических переговоров. Оценить далеко идущие последствия тех или иных высказываний зачастую в моменте не представляется возможным, однако сделать предположение о том, что эти последствия могут носить крайне серьезный и негативный характер, возможно с большой долей вероятности. Подобное допущение в очередной раз подводит нас к тезису о необходимости выдерживать паузу между внешним воздействием и реакцией индивида, в особенности должностного лица, на данное воздействие.

В современном мире индивид должен осознавать внешние процессы и механизмы внесения нестабильности в его собственное сознание. Не стоит забывать, что сам процесс чтения основывается на методе «критической рациональности», и именно он позволяет идентифицировать отдельные медиапроизведения с уточнением их качественных характеристик – не только лингвистических, но и общественно-политических, этических, психоэстетических и культурных [12].

Необходимо корректно оценивать различные риски подобного проникновения в разум индивида как при помощи средств массовой информации, так и при помощи

⁸ Бунин И. Марин Ле Пен – может ли она победить? URL: <https://carnegie.ru/commentary/68271> (дата обращения: 06.02.2022).

⁹ Айзатулова И. Ле Пен заберет французов из Европы. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/12/27/10452143.shtml> (дата обращения: 06.03.2022).

¹⁰ Бовдунов А., Комарова Е. Альтернатива действующей власти: почему в Германии растет популярность евро-скептиков. URL: <https://russian.rt.com/world/article/655988-germaniya-vostok-adg-liderstvo> (дата обращения: 07.02.2022).

¹¹ Шольц К.-А., Елкина А. Рекордный рейтинг АдГ в Германии: случайность или закономерность? URL: <https://www.dw.com/ru/партия-адг-в-германии-в-чем-причины-рекордного-рейтинга/a-45602007> (дата обращения: 07.09.2021).

¹² Трамп Д. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/948355557022420992> (дата обращения: 06.11.2021).

¹³ Табак М. Слово не воробей: самые яркие высказывания Бориса Джонсона. URL: <https://ria.ru/20190723/1556802611.html> (дата обращения: 16.09.2021).

прямых манипуляций. Социум, состоящий из неспособных к такому осознанию индивидов, является подверженным факторам психического и психологического давления извне, нацеленного на удержание социума в заданном контуре поведенческих моделей. Индивид, в свою очередь, является императивом подобного социума и способен, в массе своей, осознав производимое на него давление, изменить вектор восприятия окружающей действительности таким образом, что оказываемое давление не будет достигать своей основной цели.

И. М. Дзялошинский в своей монографии «Коммуникативное воздействие: миссии, стратегии, технологии» выделяет три свойства человеческой психики, критически важных для осуществления воздействия. Это способность принимать, изменять и отвергать различные психические модели, откуда вытекает возможность программирования и перепрограммирования психики. Кроме того, это наличие шаблонных программ для множества типичных ситуаций, не требующих активного участия рассудка, а также априорное доверие к собственным возможностям и способностям, переоценка собственной устойчивости и способности «понять суть». Отсюда И. М. Дзялошинский делает вывод о том, что жертвы психического влияния будут всегда [13].

Заключение. Сопоставив полученные данные, можно выдвинуть гипотезу о том, что есть связь, обусловленная степенью зрелости идеологии и ее радикальностью. Эта связь носит обратно пропорциональный характер.

На сегодняшний день существует весьма актуальная потребность в изучении проблемы скорости распространения различных идеологий. Если влиянию новых идеологий, не прошедших проверку временем, в первую очередь поддаются малообразованный слой населения и молодежь [5], то необходимо решать обозначенную проблему именно работой в рамках образовательного процесса.

Во-первых, следует отказаться от идей раннего профилирования детей, начинающегося еще в начальной школе – у подрастающего поколения должна быть возможность увидеть мир с нескольких сторон и точек зрения путем изучения максимально возможного диапазона учебных дисциплин. Подобное многообразие является одним из условий формирования критического мышления детей младшего возраста [14].

Во-вторых, необходимо повысить доступность и качество среднего образования. Высшее, являющееся, как правило, профилирующим, не является предметом рассмотрения настоящей статьи. Более того, в приоритетах развития личности, являющихся сегодня первостепенными задачами в области образования, необходимо отдельно выделять и подчеркивать значимость выработки способности к критическому мышлению. Доказанным является и тот факт, что критическое мышление, как и склонность к нему, не являются врожденными, а развиваются с помощью занятий и тренировок [15; 16]. Более того, многими учеными не раз подчеркивался тот факт, что наличие развитого критического мышления, помимо рассмотренной выше защитной функции, позволяет индивиду добиваться значительных успехов в жизни, творчестве и карьере [17; 18; 19].

В-третьих, необходимо законодательно проработать возможность организации и регистрации молодежных течений с устоявшейся идеологией, с критериями их отбора и оценки и возможностью оказания им целевой государственной помощи в

организации их деятельности в рамках реализации молодежной политики государства.

И последнее, однако отнюдь не являющееся наименее значительным, следует ограждать не достигших сознательного возраста молодых людей от участия в каких бы то ни было течениях и организациях, что, в конечном итоге, пойдет на пользу их социализации [20].

Список литературы

1. Temesvári Z. Data Transfer Rates and Data Traffic Trends on Mobile Networks // *Interdisciplinary Description of Complex Systems: INDECS*. 2019. Vol. 17, no. 1-A. Pp. 26–39.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
3. Мурылёв В. А. Влияние массовой коммуникации на формирование мировоззрения личности // *Аналитика культурологии*. 2011. № 1 (19). С. 140–144.
4. Руденко А. М. Воздействие средств массовой коммуникации на современное общество // *Медиаобразование*. 2017. № 3. С. 134–142.
5. Муслимова М. Ш. Методика реабилитации несовершеннолетних, находящихся под воздействием идеологии терроризма и религиозного экстремизма. URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1978862.pdf (дата обращения: 12.03.2022).
6. Конохова Т. В. Влияние СМИ на массовое сознание в информационном обществе // *Фундаментальные исследования*. 2005. № 3. С. 71–72.
7. Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // *NB: Психология и психотехника*. 2013. № 5. С. 11–23. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.5.9247
8. Морев М. В., Попова В. И. Некоторые итоги исследования субкультурных установок в молодежной среде (на примере г. Вологды) // *Проблемы развития территории*. 2010. № 5 (51). С. 71–80.
9. Лагутина А. В. Молодежная субкультура как игровая мифоритуальная система: дис. ... канд. филос. наук. 24.00.2001. Тюмень, 2013. 151 с.
10. Абдуллина Т. С. Молодежная субкультура «готов»: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. 24.00.2001. Казань, 2015. 187 с.
11. Timbro authoritarian populism index // *Аналитический центр Timbro*. 2019. 32 с. URL: <https://populismindex.com/wp-content/uploads/2019/02/TAP2019C.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).
12. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 5. С. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109
13. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 571 с.
14. Киселева Н. М., Разливинских И. Н. Развитие критического мышления у младших школьников как психолого-педагогический феномен // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2017. № 1 (33). С. 141–146.
15. LaPoint-O'Brien T., Dr. Cossette G. *Action Research: The Development of Critical Thinking Skills* // Franklin Pierce University. 2013. 65 p.
16. Instructional interventions affecting critical thinking skills and dispositions: a stage 1 meta-analysis / P. C. Abrami, R. M. Bernard, E. Borokhovski, A. Wadem, M. A. Surkes, R. Tamim, D. Zhang // *Review of Educational Research*. 2008. Vol. 78. Pp. 1102–1134.
17. Киреева Н. В., Чудинова Е. В. Развитие критического мышления при обучении иноязычному общению в ВУЗе: монография. Липецк: Изд-во Липецкого государственного технического университета, 2018. 233 с.
18. Nold H. Using Critical Thinking Teaching Methods to Increase Student Success // *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. 2017. Vol. 29, no. 1. Pp. 17–32.

19. Harwey W. Wallman, Donald L. Hoover Research and Critical Thinking: An Important Link for Exercise Science Students Transitioning to Physical Therapy // International journal of exercise science. 2012. Vol. 5 (2). Pp. 93–96.

20. Fernandes D., Mandel N. Political conservatism and variety-seeking // Journal of Consumer Psychology. 2014. Vol. 1 (24). Pp. 79–86.

Авторская справка

СОЛОМЫКОВ Василий Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры моделирования систем и информационных технологий Ступинского филиала Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Ступино, Россия.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2088-3085>

E-mail: solvasya@yandex.ru

КЛОКОВ Илья Андреевич – инспектор Центра обеспечения информацией «Энергия» Федеральной службы охраны Российской Федерации, Ступино, Россия.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8576-4752>

E-mail: klokovscience@gmail.com

UDC 37.035.41; 316.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.92

INFLUENCE OF MODERN MASS COMMUNICATION SYSTEMS ON THE INDIVIDUAL'S POINT OF VIEW IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIVERSITY

V. S. Solomykov¹, I. A. Klokov²

¹*Stupino Branch of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Stupino (Russia)*

²*Information Support Center "Energia" of Federal Protective Service, Stupino (Russia)*

Introduction. The relevance of the research is determined by the conditions of accessible and practically unlimited communication of individuals and groups of individuals that have developed in modern realities. In addition, this topic is poorly covered and, according to the authors, insufficiently investigated precisely in the context of comparing the rate of spread of ideologies and their radicalization. The purpose of the study is to identify communicative tendencies aimed at spreading newly emerging patterns of thinking, as well as to search for a response of the society in connection with the assessment of the potential negative consequences of this phenomenon. Also, the purpose of the study is to create prerequisites for further study of the subject under consideration.

Methods. The research methods used were discourse analysis of linguistic structures containing a set of media texts corresponding to certain phenomena or phenomena, also authors used method of analysis of public documents. As a discourse, the authors selected a number of articles, the common feature of which was the presence of a coherent and coherent text, the actualization of which is determined by such a socio-cultural factor as influencing the position of an individual on various incidents of actual reality. It should be noted that it is important for the authors of the fact that the discourse reflects not only the linguistic forms of statements, but also contains evaluative information, personal and social characteristics of communicants, and implies communication intentions.

Results. The authors have researched and analyzed 113 articles by leading world publications, both domestic and foreign, including publications in such publications as Die Welt, Kommersant, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Sun and others. As a result of the study, the authors made a number of conclusions about the nature of the trends accompanying the process of high-speed penetration of ideologies into an unprepared environment. The scientific novelty of the study consists in comparing the maturity of ideologies and their radi-

calization, as well as hypothesizing that these parameters are interrelated. The work is practically significant, creating a foundation for further research of the raised issue in the following areas: expanding the list of ideologies under consideration, analyzing the personal characteristics of leaders of radical movements, correlation of the quality of education in educational institutions and the degree of exposure to the effects of the penetration of new ideologies.

Conclusion. In conclusion, recommendations are given to reduce the risks of the influence of communication systems on the individual's point of view.

Keywords: subculture; mass communication systems; information dissemination, ideologies; individual; consciousness; influence of new ideas.

References

1. Temesvári Z., Maros D. Data Transfer Rates and Data Traffic Trends on Mobile Networks *Interdisciplinary Description of Complex Systems: INDECS*, 2019. Vol. 17, no. 1-A, pp. 26–39.
2. Bell D. *Social'nye ramki informacionnogo obshchestva* [Social frames of the information society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow, Progress, 1986. Pp. 330–342. (In Russian).
3. Mury'lyov V. A. [The influence of mass communication on the formation of a person's worldview]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies]. 2011. No. 1 (19), pp. 140–144. (In Russian).
4. Rudenko A. M., Kotlyarova V. V. [The impact of mass communication on modern society]. *Mediaobrazovanie* [Media education]. 2017. No. 3, pp. 134–142. (In Russian).
5. Muslimova M. Sh. *Methods of rehabilitation of minors who are under the influence of the ideology of terrorism and religious extremism*. 2018. Available at: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1978862.pdf (accessed 12.03.2022).
6. Konyuhova T. V. [Influence of mass media on mass consciousness in the information society]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2005. No. 3, pp. 71–72. (In Russian).
7. Konopleva T. V. [Psychology of information perception: perception of news about the world of politics in the media space]. *NB: Psihologiya i psihotekhnika* [NB: Psychology and Psychotechnics]. 2013. No. 5, pp. 11–23. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.5.9247. (In Russian).
8. Morev M. V., Popova V. I. [Some results of the study of subcultural attitudes in the youth environment (on the example of Vologda)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development]. 2010. No. 3 (51), pp. 71–80. (In Russian).
9. Lagutina A. V. *Molodezhnaya subkul'tura kak igrovaya miforitual'naya sistema*. Cand. Diss. [Youth subculture as a game ritual system. Cand. Diss.]. Tyumen, 2013. 151 p. (In Russian).
10. Abdullina T. S. *Molodezhnaya subkul'tura «gotov»: filosofsko-kul'turologicheskij analiz*. Cand. Diss. [Goth youth subculture: a philosophical and cultural analysis. Cand. diss.]. Kazan, 2017. 187 p. (In Russian).
11. Timbro authoritarian populism index. *The Analytical Center Timbro*. 2019. 32 p. Available at: <https://populismindex.com/wp-content/uploads/2019/02/TAP2019C.pdf> (accessed 23.03.2022).
12. Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. [Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda – a New Trend in the German Mass Media]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian Vector]. 2020. Vol. 15, no. 5, pp. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109. (In Russian).
13. Dzyaloshinskij I. M. *Kommunikativnoe vozdejstvie: misheni, strategii, tekhnologii* [Communicative impact: targets, strategies, technologies]. Moscow, HSE, 2012. 571 p. (In Russian).
14. Kiseleva N. M., Razlivinskih I. N. [Development of critical thinking in primary school children as a psychological and pedagogical phenomenon]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University]. Shadrinsk. 2017. No. 1 (33), pp. 141–146. (In Russian).
15. LaPoint-O'Brien Tammy, Dr. Cossette Gale. Action Research: The Development of Critical Thinking Skills. *Franklin Pierce University*. 2013. 65 p.

16. Abrami P. C., Bernard R. M., Borokhovski E, Wadem A, Surkes M. A., Tamim R., Zhang D. Instructional interventions affecting critical thinking skills and dispositions: a stage 1 meta-analysis. *Review of Educational Research*. 2008. No. 78, pp. 1102–1134.
17. Kireeva N. V., Chudinova E. V. *Razvitie kriticheskogo myshleniya pri obuchenii inoyazychnomu obshcheniyu v VUZe* [Development of critical thinking in teaching foreign language communication at the university]. Lipetsk: Publishing House of the Lipetsk State Technical University, 2018. 233 p.
18. Nold H. Using Critical Thinking Teaching Methods to Increase Student Success *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. 2017. Vol. 29, no. 1, pp. 17–32.
19. Harvey W. Wallman and Donald L. Hoover Research and Critical Thinking: An Important Link for Exercise Science Students Transitioning to Physical Therapy. *International journal of exercise science*. 2012. Vol. 5 (2), pp. 93–96.
20. Fernandes D., Mandel N. Political conservatism and variety-seeking. *Journal of Consumer Psychology*. 2014. Vol. 1 (24), pp. 79–86.

Author's Bio

SOLOMYKOV Vasily Sergeevich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department "Systems Modeling and Information Technologies", Stupino Branch of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Stupino, Russia.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2088-3085>

E-mail: solvasya@yandex.ru

KLOKOV Iliya Andreevich – Inspector of Information Support Center "Energiya" of Federal Protective Service, Stupino, Russia.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8576-4752>

E-mail: klokovscience@gmail.com

Библиографическая ссылка

Соломыков В. С., Клоков И. А. Влияние современных систем массовой коммуникации на точку зрения индивида в условиях субкультурного многообразия // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 92–103. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.92

ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.104

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» В 1970–80-е ГОДЫ

О. А. Мусорина, Т. В. Дубровская

Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Введение. Цель данного исследования – выявление основных тенденций и реалий внутренней и внешней политики советского государства, определявших состояние советского общества в 1970–80-е годы, в том числе в аспекте их влияния на воспитание подрастающего поколения посредством различных каналов, в частности СМИ.

Методы. Сравнительно-сопоставительный метод дает возможность выявить взаимосвязь между ситуацией в стране и содержанием публикуемых в детской периодике материалов. Соблюдались следующие принципы: принцип историзма (события и протекающие в стране процессы изучаются в их динамике и хронологической последовательности); принцип системности (общество и язык выступают как взаимосвязанные системы, при этом изменение в одной из систем рано или поздно приводит к изменениям в другой), принцип множественности функций языка.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Путем анализа исторических источников периода 1970–80-х гг. были выделены основные идеологические доминанты официального дискурса. В советском обществе 1970–80-х гг. все реалии внутренней и внешней политики, в том числе в сфере образования и воспитания, определялись господствующей марксистско-ленинской идеологией, закрепленной Статьей 6 Конституции СССР 1977 года, и номинировались советской властью в терминах этой официальной идеологии. Существующее общество характеризуется как «развитое социалистическое», наблюдается усиление роли КПСС, снижается степень репрессивности внутренней политики. Господствующая идеология определяет стратегию экономического развития, политику в области образования и воспитания молодежи. На внешнюю политику оказывает влияние противостояние между СССР и США, так называемая «холодная война», в которую вовлечены другие страны мира.

Заключение. Авторы констатируют, что эти и другие реалии советского общества находят отражение в материалах советских СМИ, включая детскую периодику. Официальные партийные документы и материалы периодических изданий создают положительный образ государства и общества, пропагандируют единство партии и народа, практически не анализируя в публичном поле нарастающие проблемы и вызовы.

Ключевые слова: социально-исторический контекст; советское общество; Коммунистическая партия СССР; внутренняя политика; внешняя политика; экономическое развитие; образование и воспитание; журнал «Пионер».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике». DOI: <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>

Введение. Исследование является частью грантового проекта, в рамках которого его участниками уже изучены разнообразные социально-политические институты, практики и процессы, протекающие в советском обществе и репрезентованные в детской периодике 1970–80-х гг., например: образ Родины, специфика общественных отношений, образ советской женщины и др.

Цель данного исследования – выявление основных тенденций и реалий внутренней и внешней политики советского государства, определявших состояние советского общества в 1970–80-е гг., в том числе в аспекте их влияния на воспитание подрастающего поколения посредством различных каналов, в частности СМИ. Отсюда вытекают исследовательские **задачи**:

1. Путем анализа исторических источников периода 1970–80-х гг. выделить основные идеологические доминанты официального дискурса;
2. Определить основные социально-политические, экономические реалии, отражающие социально-исторический контекст и влияющие на редакционную политику и содержание СМИ, в том числе на детскую периодику.

Актуальность исследования связана с неослабевающим интересом ученых, публицистов, творческих работников и обывателей к советскому наследию во всех его проявлениях. «Ностальгия по советскому прошлому стала составной частью современной российской культуры» [1, с. 53], что «приводит к идеализации советского прошлого» [1, с. 59]. С другой стороны, позитивная роль советской культуры состоит в том, что она «органично аккумулировала важнейшие ценности, сложившиеся в процессе длительного исторического развития России, она глубоко укоренена в социальной памяти...» [1, с. 64]. Одновременно существует потребность рационально осмыслить советское прошлое. Рациональное осмысление требуется на данном историческом этапе не только в связи с памятной датой – 100-летием образования СССР, но по причине того, что определенные советские разработки и практики (особенно в области педагогики и просвещения) могут быть успешно адаптированы к условиям современного российского общества.

Источниковую базу исследования составляют официальные государственные и партийные документы периода 1970–80-х гг.: Конституция СССР 1936 г. (в редакции от 10 декабря 1970 г.) и 1977 г., материалы партийных съездов, в том числе Устав и Программа Коммунистической партии, документы, регулирующие деятельность советских молодежных и детских организаций. Часть документов представлена в сборниках и учебных пособиях, изданных в 1970–80-е гг. [2]. Другую группу источников образуют номера журнала «Пионер» за период с 1970 по 1989 год.

Исследование носит междисциплинарный характер и выполнено на стыке истории, медиалингвистики, что предполагает использование медиатекстов в качестве источника, и дискурс-анализа. Следовательно, обзор научных работ включает релевантные теории и публикации, среди которых можно выделить три основные группы:

1) работы, посвященные советскому периоду в развитии страны, политическим и социально-экономическим институтам и процессам в СССР и в мире, в том числе в 1970–80-е гг.;

2) исследования по политическому дискурсу советского периода;

3) исследования, связанные с развитием и функционированием детских печатных изданий советского периода.

Научные труды, входящие в первую группу, многочисленны и разноплановы. Отметим, что осмысление советского наследия ведется на страницах таких журналов и тематических изданий, как «Россия и современный мир», «Экономическая история», «Российская история» и др. [3]. Своего рода «дорожной картой» советской истории можно назвать двухтомный труд С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» [4], хотя ряд выводов автора носит дискуссионный характер. Очевидно, что процессы и события внутри и вокруг советской цивилизации носили явный и латентный характер, а акторы были настолько разнообразны и противоречивы, что на сегодняшний день трудно достичь какой-либо равновесной оценки советского общества как цивилизации.

Поскольку одной из реалий 1970–80-х гг. было соперничество и противостояние двух политических (и экономических) систем в лице Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, актуальной темой остается изучение причин, характера и последствий этого противостояния. Интерпретацию фактов и событий холодной войны, документы разных ее периодов можно найти в работах Присциллы Робертс и других зарубежных авторов [5].

Критическому анализу советского государства (включая его составляющую – «советский язык») посвящена работа представителей русского зарубежья М. Я. Геллера и А. М. Некрича [6]. За последние 30 лет было проведено значительное число исследований, в фокусе которых социально-политические институты и практики советского общества [7].

Книга российско-американского антрополога А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» предлагает читателю анализ «нарастающих внутренних сдвигов и изменений советской системы, которые долгое время оставались незаметными и для обычных советских граждан, и для политических руководителей, но благодаря которым внутри системы постепенно зрели условия для ее неожиданного обвала» [8, с. 10]. Украинско-американский историк С. И. Жук в своих публикациях на примере Украины брежневского периода исследует влияние аудиовизуальных продуктов культуры, пришедших с «капиталистического Запада» (книг, телепрограмм, телевизионных шоу, художественных фильмов), на создание самоидентичности советской молодежи, выявляет взаимосвязь «практик культурного потребления и процессов формирования идентичности» [9]. Роль и функции языка в советской идеологии анализируются с разных позиций в работах многих ученых и публицистов, например: Н. Н. Козловой, Е. А. Кожемякина [10].

Что касается третьей группы, то ранее авторами был подготовлен аналитический обзор российских и зарубежных исследований, посвященных развитию и функционированию детских СМИ советской эпохи [11].

Многие монографии и статьи по советской истории носят дискуссионный характер, но отчетливо видна тенденция на проведение непредвзятого, рационального ана-

лиза, затрагивающего всю глубину происходивших в советском обществе процессов и не оценивающих их лишь с позиции «хорошего» и «плохого». Советское наследие настолько велико, что при всем многообразии изучаемых вопросов остается простор для научного творчества. В частности, одной из актуальных тем остается степень влияния социально-исторического контекста на содержание детских и молодежных периодических изданий.

Хронологические рамки исследования связаны с тем, что на этот период приходятся детские и юношеские годы существенной части современного российского общества, в том числе людей, занимающих руководящие посты и принимающих важные политические и экономические решения. Многие ценности и установки, присущие этому поколению, сформировались в изучаемый период. Более того, в обыденном сознании современных россиян притягательность Советского Союза в большей степени ассоциируется именно с периодом 1970–80-х гг. Границы исследуемого периода несколько условны: многие процессы, состояния и реалии советской жизни имели место в 1960-х гг., продолжаясь вплоть до распада СССР в 1991 году. В связи с этим мы обращаемся к более ранним или поздним источникам.

Период 1970-х – начала 1980-х гг. – это время, известное как «период застоя», когда в обществе наблюдалась относительная стабильность политических процессов, сопровождавшаяся ростом благосостояния населения. Но внутри советского общества назревали невидимые внешнему наблюдателю проблемы и противоречия, приведшие в итоге к перестройке и началу коренных преобразований в советском обществе.

Методы. Сравнительно-сопоставительный анализ дает возможность выявить взаимосвязь между ситуацией в стране и содержанием публикуемых в детской периодике материалов.

Кроме того, при проведении исследования соблюдались следующие принципы:

– принцип историзма (события и протекающие в стране процессы изучаются в их динамике и хронологической последовательности);

– принцип системности (общество и язык выступают как взаимосвязанные системы, при этом изменение в одной из систем рано или поздно приводит к изменениям в другой);

– принцип множественности функций языка. В частности, в составе коммуникативной функции языка выделяют функцию волюнтаривную (функцию воздействия). Анализируя функционирование СМИ в любом обществе, мы можем конкретизировать функцию воздействия как информирование, просвещение, формирование общественного мнения и множественные другие подфункции. Одним из проявлений функции воздействия выступает право (а часто и монополия) власти на наименование реалий действительности, включая исторические эпохи, географические объекты, политические и экономические процессы.

Краткая характеристика журнала «Пионер» как исторического источника.

С учетом того, что детская периодическая печать в Советском Союзе была до определенной степени идеологизирована и политизирована, материалы журнала «Пионер» представляют собой ценный исторический источник дискурсивных практик советской власти. Мы не ставим задачу исследовать историю журнала «Пионер». Отметим, что официально он издавался с 15 марта 1924 г. и являлся ежемесячным детским журналом ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации

им. В. И. Ленина. Таким образом, журнал являлся официальным печатным изданием, выражающим точку зрения органов власти и, следовательно, направленным на воспитание подрастающего поколения в русле государственной политики. Журнал можно отнести к прецедентным текстам эпохи. Такие тексты были известны даже тем, кто не был знаком с их содержанием. По факту читательскую аудиторию журнала составляли те пионеры, кто хорошо учился и принимал активное участие в жизни школы и пионерской организации.

Журнал «Пионер» стал своего рода эталонным журналом советских школьников. Функционируя в публичном поле официальной власти, он являлся общественно-политическим, образовательным и воспитательным печатным ресурсом. Соответственно, содержание его номеров призвано было формировать у советских школьников представление о стране и обществе, в котором они живут, об их месте и роли в этом обществе, а также знакомить с новостями науки, с литературными произведениями. У читателей была возможность самим становиться авторами и героями журнальных очерков и статей. Анализ тематического материала журнала «Пионер» за указанный период был проведен Я. А. Блохиной [12].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Советскую цивилизацию можно отнести к одному из самых значимых явлений XX века, поэтому история ее развития могла бы составить много томов. В связи с нашей темой мы выделяем лишь основные реалии и тенденции социально-экономического контекста изучаемого периода, анализируя внутривластную ситуацию и экономическое развитие страны, внешнеполитическую ситуацию, а также политику в области образования и воспитания.

Внутривластная ситуация.

С правовой точки зрения одна из основных функций любой власти – регулировать отношения между властью и обществом. В советском обществе 1970–80-х гг. реализация этой функции определялась господствующей марксистско-ленинской идеологией, закреплённой Статьей 6 Конституции СССР 1977 года. Все реалии внутренней политики номинировались советской властью в терминах официальной идеологии.

То, как советская власть во главе с КПСС трактовала и выражала в языковой форме сложившуюся на рубеже 1960–70-х гг. внутривластную ситуацию, можно проследить на примере многих официальных документов партийного дискурса. Выделим некоторые из внутривластных реалий, имеющие первоочередное значение для нашего исследования.

1. Признание того факта, что построить коммунизм к 1970-м гг. не удалось, с политической точки зрения существующее общество характеризуется как *«развитое социалистическое»*.

Стратегическим документом, определяющим развитие страны, по сути должна была стать Программа КПСС, принятая в 1961 году. В ней прямо указывалось, что непосредственной практической задачей советского народа стало построение коммунистического общества, обозначены этапы и содержание этого процесса. Анализ документа представлен в научных статьях [13]. Однако в начале 1970-х власть вводит в дискурс термин «развитой социализм»; позднее он был закреплён в Конституции 1977

года и на протяжении 1970–80-х гг. регулярно присутствует в партийных выступлениях и на страницах СМИ:

«Более тридцати лет Советская страна живет в условиях мира. Создано, существует и совершенствуется развитое социалистическое общество – результат исторического творчества масс» (из доклада Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1977 г.) [14].

«Развитой социализм как следующая, исторически закономерная ступень в совершенствовании первой фазы коммунизма – это сложный социальный организм... Ему присущи: наличие мощной социально-экономической базы, достижение высокой степени зрелости в развитии общественных отношений...», – так поясняли идеи руководства рядовым гражданам [15].

2. Усиление роли КПСС, особенно ее руководящих органов.

Согласно Конституции СССР 1936 года (в редакции от 10 декабря 1970 г.) политическую основу СССР составляли Советы депутатов трудящихся (Статья 2), и вся власть принадлежала трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся (Статья 3) [16].

Статья 126 определяла КПСС как *«передовой отряд трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества»*, которая представляла *«руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»* [16]. Однако фактически основные политические и экономические решения в СССР принимались коллегиальным органом – Центральным Комитетом КПСС и его Политбюро, и с 1977 года роль партии была закреплена законодательно. Согласно Конституции СССР 1977 года, КПСС становилась *«руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций»*; *«...Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР»* [17].

Советским гражданам, рядовым членам партии и руководителям среднего и низшего звена цели и задачи советского государства, равно как успехи в развитии советского общества и имеющиеся проблемы, транслировались (во всех смыслах этого слова) посредством Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС, с которым на очередном съезде выступал Генеральный секретарь ЦК КПСС. Рассмотрим на примере материалов XXV съезда КПСС приоритеты развития страны в исследуемый нами период.

24 февраля 1976 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступил на XXV съезде КПСС с докладом под названием *«Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики»*. Вот какую оценку дал он текущему периоду: *«Буквально на наших глазах мир меняется и меняется в лучшую сторону. Наш народ, наша партия – не пассивные созерцатели этих перемен. Нет, мы – активные их участники. Труд советского народа, строящего коммунизм, деятельность КПСС и Советского государства на международной арене – все это вносит достойный вклад в дело общественного прогресса»* [18, с. 3].

Дискурсивная практика Коммунистической партии была выстроена таким образом, что доклад Генерального секретаря публиковался в официальной советской прессе целиком или в сжатом виде, в обязательном порядке изучался и одобрялся трудо-

выми коллективами посредством местной парторганизации. Министерства и ведомства СССР и союзных республик строили свою работу строго в соответствии с «партийной линией». Например, Д. С. Молоков в монографии, анализирующей развитие советской школы в 1960–80-е гг., отмечает: «Развитие советской школы во второй половине 70-х годов определили XXV съезд КПСС (1976 г.), а также принятая в 1977 г. Конституция СССР» [19, с. 61].

3. Социальная стратификация общества и степень репрессивности внутренней политики.

Преамбула Конституции 1977 г. гласила, что в СССР *«сложилась новая историческая общность людей – советский народ»*.

Согласно Статье 1 Конституции СССР 1977 года *«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны»*. Статья 19 определяла социальную основу СССР как *«нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции»* [17]. Очевидно, что такая модель не отражала все многообразие профессиональных и социальных статусов. В связи с этим Статья 17 допускала индивидуальную трудовую деятельность и другие виды деятельности, основанные *«исключительно на личном труде граждан и членов их семей»* [17]. Конституция гарантировала гражданам соблюдение их основных прав и свобод, многие из которых были реально обеспечены: право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости. Некоторые права обеспечивались лишь частично. Например, право на жилище гарантировало невысокую плату за квартиру и коммунальные услуги, но на деле не обеспечивало справедливого распределения жилой площади и выделение жилья всем нуждающимся.

В экономике был взят курс на «неуклонный рост благосостояния советского народа». Росла заработная плата рабочих, улучшались условия их бытовой жизни, многие семьи получали новое жилье. Значительные средства ежегодно инвестировались в сельское хозяйство, а с 1974 г. всем колхозникам начали выдавать паспорта. В ответ на это «население демонстрировало лояльность режиму, не подвергая открытому сомнению официальные правила и нормы» [20, с. 128-129].

Статья 50 Конституции 1977 г. гарантировала гражданам свободу слова, печати, собраний, митингов и др. Однако на практике власти продолжали строго следить за тем, чтобы граждане не подвергали сомнению основы политического строя страны и политику Коммунистической партии. Официальный дискурс власти был направлен на создание и закрепление мифологемы об идейном единстве советских людей, об их единении с Коммунистической партией. Примером служит знаменитый лозунг «Народ и партия едины!». Однако историки отмечают: «Любое общество на самых разных этапах своего существования плюралистично, в социуме всегда присутствуют противоборствующие тенденции, находящие свое отражение в борьбе политических партий, организаций, разнообразии общественного мнения...» [21, с. 16].

Современные исследователи описывают модель взаимодействия власти и общества в СССР как модель, при которой «массовые репрессии органично и эффективно дополнялись агитацией и пропагандой» [20, с. 127]. Анализируемый нами «брежневский период» существования СССР немецкий историк В. Дённингхаус называет «вегетарианским»: репрессивная составляющая неуклонно уменьшалась. Напомним, что

место массовых репрессий заняла борьба с явными оппонентами советской власти, подвергающими сомнению идеологическую и политическую основу государства. Опубликованы исследования о распространении инакомыслия и гражданских, национальных и религиозных диссидентских движениях в СССР [21]. Известно, что инакомыслие каралось лишением свободы, высылкой из страны, применением карательной психиатрии, публичным осуждением диссидента как «отщепенца» и «предателя» на страницах прессы и в литературе [22, с. 187–217].

С другой стороны, советские граждане наблюдали, что реалии повседневной жизни расходятся с тем, что провозглашали власти. Среди широких масс населения недовольство проявлялось в виде «кухонных разговоров» и определенных поведенческих практик, направленных на решение текущих проблем и обеспечение собственного благополучия (самая известная из таких практик – приобретение товаров и услуг «по благу»). Современные российские писатели и публицисты, вспоминая советское детство и юность, ощущают это время как *вялотекущее*, а светлое коммунистическое будущее – *призрачным* [23, с. 45]. Есть мнение, что в этот период советские граждане стали интересоваться не только материальными перспективами общества, а скорее «информационными и духовными аспектами своего индивидуального развития» [13, с. 113]. Многие произведения художественной литературы и кинематографа того периода отражали духовный настрой различных слоев общества.

Основные направления внутренней политики партии находили свое выражение в деятельности Всесоюзной пионерской организации и в материалах детских периодических изданий (журналы «Костёр» и «Пионер»). В частности, в августе 1976 г. в «Артеке» прошел VII Всесоюзный слет пионеров «Берем с коммунистов пример!», посвященный XXV съезду КПСС. В слете приняли участие более трех тысяч пионеров – отличников учебы и активистов [15, с. 339]. В № 2 журнала «Пионер» за 1971 г. выходит материал под названием «Новый шаг к коммунизму», а в № 4 за 1979 г. – очерк «По путевке Ленина».

Экономическое развитие.

К 1970 году страна в основном преодолела урон, нанесенный народному хозяйству Второй мировой войной, добилась успехов в освоении космоса, промышленном и гражданском строительстве и, выражаясь официальным языком советского периода, в «повышении благосостояния советских граждан». В период правления Н. С. Хрущева, в годы семилетки (1959–1965), рабочий день был сокращен на один час, увеличилась заработная плата, был принят государственный закон о пенсиях для колхозников. Тысячи советских людей получили новые квартиры с удобствами, названные позднее «хрущевками». Выросло поколение, родившееся после войны, которому предстояло сыграть решающую роль в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Программа КПСС от 1961 года заявляла, что за период с 1971 по 1980 гг. будет создана материально-техническая база коммунизма и в основном будет построено коммунистическое общество. Планировалось увеличить объем промышленной продукции не менее чем в 6 раз, обогнав по этому показателю США, что предполагало повышение производительности труда, создание новых отраслей и многое другое. Но к 1971 г. амбициозные цели построения коммунизма уступили место планам и задачам развитого социалистического общества. Во временном выражении экономиче-

ские цели и результаты развития измерялись пятилетним планом на конкретный период, называемый пятилеткой.

Напомним, что приоритеты экономического развития страны излагались в отчетном докладе лидера очередному съезду КПСС. Например, доклад Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС включал в себя анализ итогов девятой пятилетки, экономическую стратегию партии и основные особенности десятой пятилетки. Были обозначены узловые проблемы развития экономики на данном этапе, а именно: *ускорение научно-технического прогресса, дальнейшее развитие сельского хозяйства, увеличение производства товаров народного потребления, улучшение торговли и бытового обслуживания населения, развитие внешнеэкономических связей* и др. [18, с. 35–62].

Исследуемый нами период совпал с осуществлением нескольких пятилетних планов, о некоторых из которых юные читатели «Пионера» узнали из серии рассказов В. Разумевича «Звездочки на карте», опубликованных под рубрикой «Всесоюзный сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны» в 1980 и 1981 гг.

1. 1970 год – последний год восьмой пятилетки. Среди достижений этой пятилетки – 1900 крупных промышленных предприятий (среди них Волжский автомобильный завод в г. Тольятти), тысячи жилых домов, автоматическая станция «Венера-4», «Луноход-1». СССР вышел на первое место в мире по добыче нефти.

2. 1971–1975 гг. – девятая пятилетка. Введено в строй 2000 крупных предприятий (в их числе Камский автозавод), началось строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение земель Нечерноземья.

3. 1976–1980 гг. – десятая пятилетка. Время ударных комсомольских строек – БАМа, КамАЗа, рудников Курской магнитной аномалии, Оскольского электрометаллургического комбината.

4. 1981–1985 гг. – одиннадцатая пятилетка. Продолжается строительство БАМа, начато строительство газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород». На майском пленуме ЦК КПСС 1982 г. было принято решение о разработке Продовольственной программы СССР для решения аграрных проблем и обеспечения населения продовольствием.

В феврале 1986 года на XXVII съезде КПСС итоги социально-экономического развития страны были представлены в Докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Генсек отметил, что за 25 лет (отсчет идет от 1961 года, с момента принятия третьей Программы КПСС) страна добилась «внушительных успехов»: семикратно увеличились основные производственные фонды, национальный доход вырос почти в 4 раза, промышленное производство – в 5 раз, сельскохозяйственное – в 1,7 раза. По уровню экономического развития Советский Союз мог конкурировать с США. Однако, продолжает докладчик, «в 70-е годы в народном хозяйстве стали нарастать трудности, заметно снизились темпы экономического роста». Согласно докладу, не выполнены задачи по развитию экономики, поставленные Программой КПСС, не выполнены даже задачи девятой и десятой пятилеток, не удалось осуществить намеченную социальную программу, допущено отставание материальной базы науки и образования, здравоохранения и культурно-бытового обслуживания населения [24, с. 22].

Испытывался дефицит товаров народного потребления и продовольствия. На растали организационные проблемы, обычной практикой стали приписки и хищения.

К середине 1980-х гг., когда становится очевидным, что невозможно решить накопившиеся проблемы, не изменив приоритетов развития страны во всех сферах, в стратегических партийных документах появляется и закрепляется понятие «ускорение социально-экономического развития страны» как стратегический курс партии. Ускорение подразумевало реконструкцию народного хозяйства на основе научно-технического прогресса, решение продовольственной проблемы, структурную перестройку общественного производства [24, с. 24–41, 141–146].

Быстрее всего на изменения отреагировал язык. В молодежной прессе появляется слово «хозрасчет», а в «Пионере» за 1989 г. – заметки вроде «Как мы работали и что заработали прошлым летом» под рубрикой «Патент на удачу».

Внешняя политика советского государства.

В Отчетном докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС в разделе I «Положение в мире и международная деятельность КПСС» рассмотрены принципы, приоритеты, достижения и перспективы международной политики государства (следует подчеркнуть, что КПСС выступает субъектом этой деятельности):

1. Дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества с социалистическими странами. Исторические успехи мира социализма, рост его могущества и влияния.
2. Укрепление сотрудничества с освободившимися странами, повышение их роли в мировом развитии.
3. Развитие отношений с капиталистическими государствами.
4. Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов.
5. КПСС и мировой революционный процесс [18, с. 5–34].

Несмотря на то что во внешней политике КПСС «твердо и последовательно отстаивает ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем» [24, с. 176], это сосуществование не всегда было мирным и получило название «холодная война». Холодная война, по мнению исследователей, «была в такой же мере идеологической битвой, как и военной» (здесь и далее перевод наш – О. М. и Т. Д.) [25, с. ix]. Под этим термином обычно имеют в виду состояние взаимной вражды, недоверия и соперничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В большей степени холодная война представляла собой соревнование двух конкурирующих политических и экономических идеологических систем – капиталистического Запада и коммунистического Востока – и, соответственно, двух различных образов жизни [25, с. ix].

Хотя Советский Союз и Соединенные Штаты не вступали в прямые военные столкновения, холодная война была отмечена рядом незначительных и крупных войн и конфликтов в различных уголках мира. В этих конфликтах Запад поддерживал одну из сторон, а Советский Союз и его сторонники – другую сторону. Самые продолжительные из них – это война в Корее (1950–1953), война во Вьетнаме (1946–1975) и война в Афганистане (1979–1989). Холодная война стала периодом массовой гонки вооружений и развития оборонных отраслей промышленности [25, с. ix].

Еще одной особенностью холодной войны стало ее влияние на внешнюю и внутреннюю политику стран-участниц. Конфликт идеологий вынуждал многие вновь образовавшиеся независимые страны выбирать одну из двух систем – капиталистиче-

скую или коммунистическую, что могло стать причиной нестабильности, экономического кризиса и даже гражданской войны в такой стране [25, с. x].

Холодная война повлияла на экономику, культуру, социальные и этнические проблемы стран-участниц [25, с. xi]. В сфере технологий холодная война привела к применению ядерной энергии при создании ядерного оружия, разработке и применению спутников, управляемых ракет, компьютеров и электронных средств связи [25, с. xii]. Еще одной сферой противостояния в холодной войне стал спорт, особенно Олимпийские игры.

Вызывает интерес характеристика этого периода, данная израильским историком Ю. Н. Харари. Он отмечает, что «в середине 1970-х казалось, что, несмотря на ядерное оружие, будущее принадлежит социализму» [26, с. 312]. Ученый приводит следующие доводы. В 1970 году в мире было 130 независимых стран, и лишь 30 из них были либеральными демократиями. Далее, НАТО катастрофически уступало по численности Варшавскому договору. В 1975 году вьетнамская война закончилась победой Северного Вьетнама, и коммунизм распространился на Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу [26, с. 310-311]. «Либеральная демократия все больше напоминала закрытый клуб стареющих белых империалистов, которым нечего предложить остальному миру и даже собственной молодежи» [26, с. 311]. Неожиданно все изменилось. «Супермаркеты оказались сильнее ГУЛАГов» [26, с. 312]. Авторитарные режимы уступили место демократическим правительствам в Греции, Испании и Португалии. Позже, в 1980-х гг., такое произошло с военными диктатурами в Восточной Азии (Южная Корея и Тайвань) и в Латинской Америке (Бразилия и Аргентина). На рубеже 1980–90-х гг. пала могучая Советская империя. «После десятилетий поражений и неудач либерализм одержал безусловную победу в холодной войне...», – заключает Ю. Харари [26, с. 312].

Однако 1970-е ознаменовались *détente* – разрядкой напряженности. В этот период крупные советские города, такие как Москва и Ленинград, были открыты для иностранных туристов из стран Запада. Одновременно посредством советского радио и телевидения в глубинку потоком хлынула аудио- и видеoinформация из капиталистических стран: так называемая культурная разрядка выражалась в ежегодном увеличении количества передач, содержащих материал из «капиталистического Запада», зарубежных фильмов и сериалов, музыкальных произведений [27].

Рассмотрим на примере журнала «Пионер», как в дискурсе советских детских СМИ происходит разделение семантического поля на «своих» и «чужих». Можно выделить несколько векторов противостояния:

1. СССР как лидер в борьбе за мир против агрессивной политики определенных мировых держав, прежде всего США, против гонки вооружений:

«Военный блок НАТО намерен разместить в Западной Европе 464 крылатые ракеты. Ядерный заряд каждой ракеты в 15 раз мощнее атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму» («Пионер», 1983, № 1).

2. Прогрессивные силы капиталистических стран против политики своих правительств или США:

«Но исландцы не хотят мириться с присутствием американских военных в своей стране, не хотят участвовать в агрессивных авантюрах США. Мирный народ

выходит на улицы городов и поселков с плакатами: «Янки, прочь из Кефлавика!» («Пионер», 1981, № 3).

3. Поддержка и солидарность с развивающимися странами или странами, которые ведут борьбу с иностранной агрессией или империализмом:

«...Мы возмущены агрессией, развязанной правящими кругами Китая против народа Вьетнама. Вместе со всеми честными людьми Земли, полностью поддерживая заявление Советского правительства, требуем: «Руки прочь от Вьетнама!» («Пионер», 1979, № 4).

Политика в области образования и воспитания.

Как и в случае с внутренней и внешней политикой, основные направления политики КПСС в области образования, науки и культуры мы находим в официальных документах исследуемого периода. В XX веке в связи с логикой развития цивилизации и научно-технического прогресса центром социализации, образования и воспитания становится массовая школа. Советская школа не была идеальной ни в один из периодов существования СССР, но тем не менее ее можно считать успешным проектом советской власти. Во-первых, государство гарантировало получение образования каждому ребенку, достигшему школьного возраста. Посещение школы было обязательным. Единая школьная программа обеспечивала равный доступ к содержанию и объему материала. Во-вторых, школа готовила к тому, чтобы во взрослой жизни стать членом трудового коллектива, поэтому значительное внимание уделялось разнообразным видам совместной деятельности.

Развитие школы и воспитание молодежи были в центре внимания Коммунистической партии. Например, на XXV съезде КПСС рассматривались следующие вопросы воспитания советской молодежи:

1. Патриотическое воспитание. Одной из форм его реализации стал Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа;

2. Нравственное воспитание и идейно-нравственное воспитание (выработка активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу, активизация различных видов художественного творчества и др.);

3. Интернациональное воспитание;

4. Военно-патриотическое воспитание;

5. Трудовое воспитание, одной из форм которого стала летняя трудовая четверть «Мой труд вливается в труд моей республики!» [15, с. 329–347].

Кроме того, школьное обучение дополнялось сетью кружков и секций технической и гуманитарной направленности.

Учеба в школе считалась главным занятием школьников. Пионер же был обязан хорошо учиться.

«Всякий пионер понимает, что одно из самых важных его дел – учеба» («Пионер», 1983, № 9).

«Ученье – это работа мысли, в которой радость и захватывающая дух сила... Кроме того, ученье – это наш долг. Долг перед страной, которая нас учит, дает нам образование. Без ученья мы не сможем стать передовыми людьми своего века...» («Пионер», 1983, № 9).

XXV съезд КПСС заявляет о необходимости «дальнейшего серьезного совершенствования всей общеобразовательной системы, в первую очередь средней шко-

лы): «В современных условиях, когда объем необходимых для человека знаний резко и быстро возрастает, уже невозможно делать главную ставку на усвоение определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации» [18, с. 77].

В новой редакции Программы КПСС (1986) говорится как о целях, так и о достижениях в области народного образования: *«Партия последовательно проводит линию на воспитание и подготовку сознательных, высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в народном хозяйстве, различных областях общественной и государственной жизни, сфере науки и культуры. Созданная в СССР подлинно народная школа обеспечила доступ к знаниям всем гражданам, позволила в исторически короткий срок ликвидировать массовую неграмотность и перейти ко всеобщему среднему образованию»* [24, с. 166].

Поскольку источником легитимности Советской власти и, следовательно, советского государства являлась Октябрьская революция 1917 г., в вопросах воспитания подрастающего поколения власти опирались на ленинскую концепцию «нового человека социалистического типа» [28, с. 3]. Одним из методов формирования нового человека служило чтение в широком смысле этого слова. Борьба с безграмотностью в 1920-е гг., всеобщее начальное образование в 1930-е гг., почти 100 % грамотности населения и всеобщее среднее образование в 1970-х гг. – все эти достижения советского государства сопровождались практически полным контролем за содержанием текстов, подлежащих прочтению. Основоположники теории марксизма-ленинизма (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский и др.) «наполнили идеи литературного воспитания и образования детей громадным социальным содержанием» [28, с. 3].

Советский Союз считался самой читающей страной в мире. Дефицит книг частично компенсировался развитой сетью библиотек и широким выбором подписных изданий. Для каждой возрастной категории издавались соответствующие газеты и журналы: «Веселые картинки», «Мурзилка», «Пионер», «Костер», «Пионерская правда», «Ровесник» и др., в том числе республиканские [11]. Авторы и издатели детского журнала «Пионер» прилагали все усилия, чтобы адаптировать серьезные темы и клише политического дискурса в доступные детскому пониманию материалы. Следуя принципу мультимодальности, они тщательно подбирали рисунки, фотографии, схемы, эмблемы, апеллирующие к данной возрастной категории.

Воспитание советских школьников как советских граждан и строителей коммунизма осуществлялось также через практически обязательное членство в детских организациях, важнейшими из которых были пионерия и комсомол. Молодежные и детские организации (ВЛКСМ, Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина) выстраивали свою идеологическую и практическую работу в рамках основных направлений внешней и внутренней политики государства, изложенных в Отчетном докладе и других официальных стратегических документах (материалах пленумов ЦК КПСС, пленумов ЦК ВЛКСМ, докладов лидера партии на торжественных заседаниях). В связи с этим В. А. Царихин считает, что «не существовало ни термина «государственная молодежная политика», ни тем более ее правового обеспечения» [29].

Известно о разработке двух проектов закона о молодежи (1967 и 1977 гг.), которые остались не востребованными, оба были инициированы ЦК ВЛКСМ [30, с. 10–12].

Мы считаем, что молодежная политика все-таки существовала, но специфика ее состояла в том, что она продолжала определяться идеологией правящей партии, ее документами, например постановлением ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» от 1968 года [29, с.13]. В документах КПСС и ВЛКСМ декларировались цели развития личности молодого человека, всестороннего раскрытия творческого потенциала молодежи, но на деле к молодежи относились как к средству достижения целей – общенародных, общегосударственных, общественных [29, с. 13]. Один из специалистов по молодежной политике и проблемам молодежи И. М. Ильинский вспоминает, что «в этом постановлении было намечено немало мер ... относительно условий труда, быта, здоровья молодежи», но решение этих задач перекладывалось непосредственно на комсомол, который являлся общественной организацией [30]. В целом такая политика просуществовала вплоть до распада СССР.

Следует отметить, что школа совместно с пионерской и комсомольской организациями с разной долей успеха справлялись с воспитанием молодежи в русле поставленных государством задач. Это было связано с рядом причин: сложность поставленных проблем, нехватка ресурсов, излишняя идеологизированность процесса и др. Но то, что делалось, находило отражение в материалах детских периодических изданий и спланивало активных школьников вокруг того или иного проекта.

Заключение. По итогам исследования авторы приходят к следующим выводам:

1. В исследуемый период господствующая марксистско-ленинская идеология определяла стратегию внешней и внутренней политики СССР. Основной идеологической доминантой официального партийного дискурса выступало понятие «развитое социалистическое общество», что находило дальнейшее выражение в стратегических партийных документах.

2. Период 1970–80-х гг. характеризуется продолжающимся противостоянием двух моделей цивилизационного развития – западной и советской. В терминах внешней политики оно известно под названием «холодная война». Во внутренней политике – это период закрепления руководящей роли КПСС, снижения степени репрессивности внутренней политики. В сфере экономики взят курс на повышение уровня жизни населения. Экономические цели и достижения измеряются в пятилетних планах. Политика в сфере образования и воспитания молодежи также определяется государственной идеологией.

3. Реалии и процессы исследуемого периода находят отражение в СМИ, включая детские периодические издания. В целом как официальные партийные документы, так и материалы периодических изданий создают положительный образ государства и общества, пропагандируют единство партии и народа, практически не анализируя в публичном поле нарастающие проблемы и вызовы.

Очевидно, что советская цивилизация выступает как неотъемлемая часть мирового цивилизационного развития, предлагающая свою модель общества и свои пути решения социально-экономических и политических задач, в том числе вопросов образования и воспитания.

Список литературы

1. Завершинская Н. А. Ностальгическая реконструкция советского: между ретривализмом и де/ремифологизацией // *Ностальгия по советскому: монография*. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. С. 53–71.
2. Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина: материалы и документы. М.: Молодая гвардия, 1981. 304 с.; Молодежь – наше будущее. КПСС о комсомоле и задачах коммунистического воспитания молодежи в современных условиях. М.: Молодая гвардия, 1974. 383 с.; История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2108 «История и педагогика». М.: Просвещение, 1978. 352 с.
3. Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // *Экономическая история*. Ежегодник. 2016-2017. М., 2017. С. 303–343; Бит-Юнан Ю. Г. К истории советской цензуры 1960-х годов // *Россия и современный мир*. 2022. № 2 (115). С. 181–204.
4. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 768 с.
5. The Cold War: interpreting conflict through primary documents / Priscilla Poberts, editor. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2019. 942 p.; Cold War: the essential reference guide / James R. Arnold and Roberta Wiener, editors. ABC-CLIO, 2012, 476 p.
6. Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. Лондон, 1982. 381 с.
7. Никонова С. И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х годов XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. 44 с.; Бакланов В. И., Осин Р. С. Социально-философское измерение советского общества в современной общественной мысли // *PolitBook*. 2020. № 4. С. 116–146.
8. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
9. Zhuk S. I. “Soviet Young Man”: The Personal Diaries and Paradixical Identities of “Youth” in Provincial Soviet Ukraine during Late Socializm, 1970–1980-s // *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2013. Vol. 5 (2), pp. 24–36; Zhuk S. I. Book Consumption and Reading Practices in Soviet Dnipropetrovsk during the Brezhnev Era // *Ab Imperio*. 2009, no. 3, pp. 1–37.
10. Козлова Н. Н. Заложники слова // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 128–136; № 10. С. 100–109; Кожемякин Е. А. Дискурс власти: философско-культурологическая интерпретация конструктов и эпистемических операций // *Дискурсы власти: коллективная монография*. Орел: Изд-во Орловск. гос. ин-та искусств и культуры, 2015. С. 20–41.
11. Мусорина О. А., Дубровская Т. В. Советская детская печать как средство медиатизации советских образцов культуры: аналитический обзор // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 2. С. 249–263. DOI: 10.17150/2308-6203.2022/11(2).249-263
12. Блохина Я. А. Тематическая характеристика журнала «Пионер» как источника репрезентаций советского общества // *Политическая лингвистика*. 2022. № 2 (92). С. 172–182.
13. Семенов В. Е. О мировоззренческих основаниях III Программы КПСС // *Вестник СПбГУ*. Сер. 12. 2013. Вып. 1. С. 111–115.
14. *Детская энциклопедия: в 12 т. Т. 9. Наша Советская Родина*. М.: Педагогика, 1978. С. 5.
15. История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2108 «История и педагогика». М.: Просвещение, 1978. С. 308.
16. Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. в редакции от 10 декабря 1970 г. Интернет-проект «Конституция России» (<http://constitution.garant.ru/about/>). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3959815/ (дата обращения: 25.07.2022).
17. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). Интернет-проект «Конституция России» (<http://constitution.garant.ru/about/>). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 28.07.2022).
18. Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. 256 с.
19. Молоков Д. С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х – первой половины 70-х годов: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. 148 с.

20. Дённингхаус В., Савин А. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то «Знак Почета» попадает. Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.
21. Королёва Л. А., Королёв А. А. Оппозиционное движение в СССР. 1940–1980 гг.: обзор историографии и источников. Пенза: ПГУАС–ПИРО, 2012. 301 с.
22. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984. 320 с.
23. Купина Н. А. Позднесоветская повседневность глазами очевидцев: уроки прошлого // Политическая лингвистика. 2022. № С. 42–51.
24. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
25. Cold War: the essential reference guide / James R. Arnold and Roberta Wiener, editors. ABC-CLIO, 2012. 476 p.
26. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
27. Zhuk, Sergei I. “Soviet Young Man”: The Personal Diaries and Paradixical Identities of “Youth” in Provincial Soviet Ukraine during Late Socializm, 1970–1980-s // Australian and New Zealand Journal of European Studies. 2013. Vol. 5 (2), pp. 24–36.
28. Позднякова Г. И. Какой человек нам нужен: Выдающиеся деятели КПСС о детской литературе и детском чтении. Ленинград: Детская литература, 1980. 159 с.
29. Царихин В. А. История развития государственной молодежной политики до 1991 года // История и археология: материалы II Междунар. науч. конф. Пермь: Зебра, 2014. С. 12–14.
30. Ильинский И. М. Еще раз об истории разработки теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в СССР, подготовки и принятия «Закона о молодежи» // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 5–30.

Авторская справка

МУСОРИНА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

E-mail: rinamuso@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6251-9604>

ДУБРОВСКАЯ Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

E-mail: gynergy74@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

UDC 94

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.104

SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT IN FUNCTIONING OF “PIONER” PERIODICAL (1970-80s)

O. A. Musorina, T. V. Dubrovskaya
Penza State University, Penza (Russia)

Introduction. The present research is aimed at revealing main tendencies in the interior and foreign policies of the Soviet government that influenced the development of the Soviet society in 1970-80s, including upbringing of Soviet youth by means of mass media.

Methods. Comparative analysis method is used to show correlation between the political and economic situation in the Soviet Union in 1970-80-s and contents of youth periodicals. We also study processes and events in their dynamics and chronological order. Semiotic approach interprets society and language as two interconnected systems where changes in one system lead to changes in the other. Functional approach enables us specify those language functions that may explain the interrelation between the language and its users.

Results. After having analyzed a group of official documents and papers dated 1970-80-s, we highlight the basic ideological concepts of the ruling party discourse. At that time internal and foreign policies were governed by Marxism-Leninism ideology, which was fixed by Article 6 of the 1977 Soviet Constitution, and were described

with the terms of this ideology. The existing society is described as “developed socialist” and is characterized by strengthening the power of the Communist party and decreasing repressions towards Soviet citizens. This governing ideology determines the economic development of the country, as well as youth education policies. Foreign policy is influenced by opposition between the USSR and US known as ‘the Cold War’.

Conclusion. These tendencies are reflected in the Soviet mass media, including periodicals for youth and children. Both official documents and periodicals create a positive image of the Soviet society and do not reveal existing problems.

Keywords: historical and social context; Soviet society; Communist party of the USSR; interior policy; foreign policy; economic development; education; ‘Pioneer’ periodical.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00775, project “Mediatized model of Soviet society in children’s periodicals”.

References

1. Zavershinsraya N. A. Nostalgic reconstruction of the Soviet: between retrivalism and de-remythologization. *Nostalgia for the Soviet*, Tomsk, Tomsk State University, 2011. Pp. 53–71.
2. Vsesoyuznaya pionerskaya organizatsia imeni V. I. Lenina. Materialy i dokumenty [All-Union pioneer organization named after V. I. Lenin. Materials and documents]. Moscow, Molodaya Gvardia, 1981. 304 p.; Molodezh nashe budushee. KPSS o komsomole i zadachakh kommunisticheskogo vospitaniya molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Youth is our future. Communist party of the Soviet Union about Komsomol and tasks of communist upbringing of the youth in contemporary conditions]. Moscow, Molodaya Gvardia, 1974. 383 p.; Istoria VLKSM and Vsesoyuznoi pionerskoi organizatsii imeni V. I. Lenina [The history of the All-Union Lenin communist youth league and All-Union pioneer organization named after V. I. Lenin]. Moscow, Prosveschenie, 1978. 352 p.
3. Merl S. The Soviet economy: a modern assessment. *The Economic History review*, Moscow, 2017. Pp. 303–349; Bit-Yunan Yu. G. On the history of Soviet censorship of the 1960s. *Russia and the contemporary world*, Moscow, Russian Academy of Sciences, 2022. Pp. 181–204.
4. Kara-Murza S. G. The Soviet civilization. Vol. 2. From the Great victory till these days. Moscow, 2002. 768 p.
5. The Cold War: interpreting conflict through primary documents. Ed. Priscilla Poberts. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2019. 942 p.; Cold War: the essential reference guide. Eds. James R. Arnold and Roberta Wiener. ABC-CLIO, 2012. 476 p.
6. Heller M., Nekrich A. Utopia u vlasti [Utopia at power]. London, Overseas Publications Interchange, 1982. 381 p.
7. Nikonova S. I. Gosudarstvennaya politika v oblasti ideologii i kul'tury v kontekste sovetskoi deistvitel'nosti (seredina 60 – sredina 80 godov 20 veka) [Governmental policies in the sphere of ideology and culture in the context of the Soviet reality (mid-1960s – mid-1980s)]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Kazan, Kazan State university, 2009. 44 p.; Baklanov V. I., Osin R. S. Sozial'no-filosofskoe izmerenie sovetskogo obschestva v sovremennoi obschestvennoi mysli [Socio-philosophical dimension of Soviet society in modern social thought]. *PolitBook*, 2020. No. 4, pp. 116–146.
8. Yurchak A. Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation. Princeton, NJ. Princeton University Press, 2005.
9. Zhuk S. I. “Soviet young man”: the personal diaries and paradoxical identities of “youth” in provincial Soviet Ukraine during late Socializm, 1970–1980-s. *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, 2013. Vol. 5 (2), pp. 24–36; Zhuk S. I. Book consumption and reading practices in Soviet Dnepropetrovsk during the Brezhnev era, *Ab Imperio*, 2009. No. 3, pp. 1–37.
10. Kozlova N. N. Zalozhniki slova? [Hostages of the word?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 1995. No. 9, pp. 128–136; no. 10, pp. 100–109; Kozhemyakin Ev. A. Discourse of power: philosophical and cultural interpretation of constructs and epistemic practices. *Diskursy vlasti*, Orel, Orel State Institute of Culture, 2015. Pp. 20–41.
11. Musorina O. A., Dubrovskaya T. V. Mediatization of Soviet cultural patterns in Soviet print media for children: analytical review. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism]. 2022, vol. 11, no. 2, pp. 249–263. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2022/11(2).249-263
12. Blokhina Ya. A. Thematic characteristics of the *Pioneer* magazine as a source of representations of the Soviet society. *Political Linguistics*, 2022. No. 2 (92), pp. 172–182. (In Russian).
13. Semenov V. O mirovozzrencheskikh osnovaniyakh III Programmy Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza [The world view foundation for the III Program of the Communist party of the Soviet Union]. *Vestnik of Saint Petersburg State university*, 2013. Iss. 1, pp. 111–115.

14. Detskaya ensiklopediya [Children's Encyclopedia]. Moscow, Pedagogika, 1978. Vol. 9, p. 5.
15. Istoria VLKSM and Vsesoyuznoi pionerskoi organizatsii imeni V. I. Lenina [The history of the All-Union Lenin communist youth league and All-Union pioneer organization named after V. I. Lenin]. Moscow, Prosveschenie, 1978. 352 p.
16. Konstituziia (Osnovnoi zakon) Soiuzu Sovetskikh Sozialisticheskikh Respublik 1936 goda v redakzii ot 10 dekabrya 1970 g. [Constitution of the Union of the Soviet Socialist Republics (adopted in 1936, revised 10 December 1970)]. Available at: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3959815/ (accessed 25 July 2022).
17. Konstituziia (Osnovnoi zakon) Soiuzu Sovetskikh Sozialisticheskikh Respublik (prinyata 7 oktyabrya 1977 goda) [Constitution of the Union of the Soviet Socialist Republics (adopted 7 October 1977)]. Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed 28 July 2022)
18. Materialy XXV s'ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu [Materials of the XXV Convention of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat, 1976. 256 p.
19. Molokov D. S. Tendentsii razvitiya sovetskoi obsheobrazovatel'noi shkoly vtoroi poloviny 1960-kh – pervoi poloviny 1980-kh [Tendencies in the development of the Soviet comprehensive school in the second half of 1960s – first half of the 1980s]. Yaroslavl, Yaroslavl State university, 2004. 148 p.
20. Donninghaus V., Savin A. “Now and then, a sign of merit comes Mania's and Tania's way”. Brezhnev's “industry” of rewards and the Soviet society. *Rossiiskaia istoria*, 2014. No. 2, pp. 127–149.
21. Koroleva L. A., Korolev A. A. Opposition movement in the USSR. 1940–1980: historiography and sources review. Penza, Penza State university of Architecture and Construction, 2012. 301 p.
22. Yakovlev N. N. CIA vs the USSR. Saratov, 1984. 320 p.
23. Kupina N. A. Late Soviet everyday life through the witnesses' eyes: lessons from the Past. *Political Linguistics*, 2022. No. 2 (92), pp. 42–51. (In Russian).
24. Materialy XXVII s'ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu [Materials of the XXVII Convention of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat, 1986. 352 p.
25. Cold War: the essential reference guide. Eds. James R. Arnold and Roberta Wiener. ABC-CLIO, 2012. 476 p.
26. Harari Y. N. Homo Deus. A brief history of tomorrow. Moscow, Sindbad, 2018. 496 p. (In Russian).
27. Zhuk, Sergei I. “Soviet young man”: the personal diaries and paradoxical identities of “youth” in provincial Soviet Ukraine during late Socialism, 1970–1980-s. *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, 2013. Vol. 5 (2), pp. 24–36.
28. Pozdnyakova G. I. Kakoi chelovek nam nuzhen. Vydaiuschiesya deyateli Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu o detskoj literature i detskom chtenii [What sort of man we need. Outstanding figures of the Communist Party of the Soviet Union about children literature and children reading]. Leningrad, Detskaya literatura, 1980. 159 p.
29. Tsarikhin V. A. Istoriya rasvitiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki do 1991 goda [Development of government youth policy before 1991]. *Istoriya i Arheologiya*, Perm, Zebra, 2014. Pp. 12–14.
30. Il'insky I. M. Yescho raz ob istorii rasrabotki teoreticheskikh i pravovykh osnov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Sovetskom Soiuze, podgotovki i prinyatii “Zakona o molodezhi” [Once again about the history of the development of theoretical and legal foundations of governmental youth policy in the USSR, preparation and adoption of the “Law on Youth”]. *Znanie, Ponimanie. Umenie*, 2016. No. 4. Pp. 5–30.

Author's Bio

MUSORINA Olga Aleksandrovna – PhD in History, Associate Professor, English Language Department, Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: rinamuso@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6251-9604>

DUBROVSKAYA Tatiana Viktorovna – D.Sc. in Philology. Head of the English Language Department, Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: gynergy74@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Библиографическая ссылка

О. А. Мусорина, Т. В. Дубровская. Социально-исторический контекст функционирования журнала «Пионер» в 1970–80-е годы // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 104–121. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.104

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подрисовочные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 8,5): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования;

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. **Порядок рассмотрения рукописи**. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»:

<https://www.volgatech.net/sociotime/>

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information**. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;

- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;
- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;
- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;
- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. **The review process and publication decision.** The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

---

*Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу.
Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс 94236).*